

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
СОВРЕМЕННОЙ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Коллективная монография

Красноярск
СФУ
2015

УДК 81'271
ББК 81.006
Д482

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. О.С. Иссерс
(Омский государственный университет);
д-р филол. наук, проф. М.Л. Макаров
(Канада);
д-р филол. наук, проф. И.А. Гусейнова
(Московский государственный лингвистический университет)

Авторский коллектив:

Л.В. Куликова (научный редактор) – предисловие, введение, раздел 1;
С.Б. Белецкий – раздел 2; Н.Г. Бурмакина – раздел 3;
Ю.И. Детинко – раздел 4; Я.В. Попова – раздел 5

Д482 **Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации** : монография / под науч. ред Л. В. Куликовой. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – 182 с.
ISBN 978-5-7638-3160-3

В монографии освещены процессы институциональной коммуникации в современных социальных сферах через призму дискурсивных практик, определены границы понятия «дискурсивные практики», проанализирована специфика их функционирования в разных типах институционального общения (политическом, академическом, деловом, медицинском, сетевом, консьюмеристском, а также бизнес-дискурсе и дискурсе масс-медиа). Монография сопровождается интерактивным приложением, включающим ссылки на корпус аудио- и видеоматериалов, скриптов, анализируемых в качестве примеров на страницах работы.

Предназначена для магистрантов и аспирантов, обучающихся по направлениям лингвистика и теория языка; а также для всех интересующихся проблемами дискурсивной лингвистики и современной коммуникации в условиях глобализации.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 81'271
ББК 81.006

ISBN 978-5-7638-3160-3

© Сибирский федеральный университет, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
ВВЕДЕНИЕ. Современные дискурсивные практики: границы понятия	9
РАЗДЕЛ 1. Глобализация и технологизация дискурсивных практик как маркер изменений в современном социуме.....	12
РАЗДЕЛ 2. Дискурсивные практики патернализма	36
РАЗДЕЛ 3. Дискурсивные практики конструирования авторитетности в жанре научного доклада	64
РАЗДЕЛ 4. Конструирование образа «чужих» в дискурсивных практиках политической коммуникации	90
РАЗДЕЛ 5. Дискурсивные практики табуирования и детабуирования в интердискурсе масс-медиа	127
Список литературы	154
Список примеров с интерактивными ссылками на источники	165

«Уже Данте в "De vulgari eloquentia" (I, VII) выдал оригинальную "строительную" версию confusio linguarum. Смешение описывается не как рождение языков разных этнических групп, а скорее как размножение "технических наречий" (зодчие говорят на языке зодчих, перевозчики камня – на своем собственном), как будто бы Данте вспоминает цеховые аргы его времени»
(Эко, 2007: 351)

Пожалуй, можно считать это прологом/предвестником (*ante literarum*) подхода к исследованию современных институциональных типов дискурса.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая монография отражает желание авторского коллектива поучаствовать в развитии научной дискуссии, касающейся сферы дискурсивных исследований, которые, по мнению Е.С. Кубряковой, относятся «к новой реальности языка – реальности очень сложной и очень богатой по своему содержанию» (Кубрякова, 2012: 124). Это продолжение разговора об особенностях современной коммуникативной среды, которая порождает сегодня разнообразные дискурсивные практики в различных областях социальной жизни.

Приобретающее всё более широкое распространение в отечественной лингвистике терминосочетание «дискурсивные практики» отнюдь не означает, что за ним уже закрепилось содержание, которое можно было бы считать общеупотребительным, что в целом касается и самого понятия практик. С одной стороны, как отмечает О.С. Иссерс, «практика (или практики) всё чаще фигурируют в качестве основной категории в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории, – и в этом смысле формируется некоторая общая для социальных наук парадигма. С другой стороны, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации. Последний, кроме того, варьируется в зависимости от отдельных авторов» (Иссерс, 2012: 20). Абсолютно соглашаясь с данным мнением, приведём здесь только некоторые наиболее известные подходы к определению интересующего нас явления, акцентирующие в той или иной мере разные аспекты природы дискурсивных практик. Так, в рамках изучения политической лингвистики дискурсивные практики рассматриваются как «тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определённого смысла», а также отмечается их роль в процессах «идентификации участников политического дискурса» (Баранов, 2001: 245-246). В контексте антропологической лингвистики дискурсивная практика понимается как «повседневная практика отдельного индивида, выступающая предметом анализа культурного антрополога» (Макаров, 2007: 227-228). С точки зрения когнитивного взгляда дискурсивная практика характеризуется как способ осмысления и интерпретации социальной жизни (Баранов, 2001, 2004, Чудинов, 2001). Продолжая традицию социально-интерпретирующего направления, О.С. Иссерс дефинирует дискур-

сивные практики в фокусе «динамичной организации тех коммуникативных систем внутри социума, которая, с одной стороны, отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а с другой – формирует новые формы коммуникации в данной социально-культурной реальности» (Иссерс, 2012: 73).

Даже краткий обзор свидетельствует о том, что в последние годы интенсивно разрабатывается понятийный тезаурус и соответствующий метаязык для исследования современных дискурсивных практик, соотносимых в теоретическом плане с основным элементом актуального инструментария лингвистов по освоению коммуникативной действительности. В центре нашего внимания в данной работе дискурсивные практики разных типов институционального общения, специфика и контекст их функционирования. Обобщения и выводы сделаны авторами на основе анализа практического коммуникативно-языкового материала на примере разных лингвокультур.

Монография содержит, с одной стороны, самостоятельные и фактически самостоятельные исследовательские части в соответствии с научными приоритетами и идиостилем авторов. С другой – работа представляет единое целое, поскольку разделы объединены концептуальной идеей и общим методологическим подходом.

Композиционно-содержательно структура коллективной монографии, сквозным понятием которой является понятие «дискурсивные практики», представляет собой обсуждение следующих проблем:

- Вступительная часть посвящена обоснованию ключевого термина работы в методологических рамках зарубежной и отечественной теории дискурса, социологии и теории коммуникации.
- В первом разделе тематизируется вопрос соотношения глобальных дискурсивных технологий и национально-культурной маркированности общения в рамках институциональной деловой коммуникации на примерах современных дискурсивных практик корпоративного, консьюмеристского и сетевого дискурсов в пространстве разных языковых культур, сформулировано и конкретизировано авторское понимание технологизации дискурсивных практик.
- Во втором разделе рассмотрен феномен коммуникативного патернализма, реконструирован ряд дискурсивных практик, конституирующих патерналистский порядок социального взаимодействия в нескольких институциональных сферах общения, выделены макро- и микродискурсивные практики патерналистской коммуникации.
- Третий раздел фокусирует внимание на изучении дискурсивных практик конструирования авторитетности в академической ком-

муникации в рамках жанра научного доклада: уточнено понимание авторитетности как коммуникативного явления, охарактеризован жанр научного доклада, выделены типы исследуемых дискурсивных практик, обоснован стратегический потенциал последних в научном общении.

- В четвёртом разделе проанализированы дискурсивные практики политической коммуникации, описана лингвокоммуникативная модель конструирования образа «чужих» в британском политическом дискурсе, продемонстрирован механизм реализации модели на примере стратегии идентификации чужеродности с учётом интра- и интеркультурной перспектив манифестации отношения к «чужим».

- Пятый раздел посвящён анализу дискурсивных практик, в которых эксплицируются речевые смыслы, обусловленные табу: выделены способы коммуникативной обработки, прагматические факторы и языковые средства реализации табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках институционального масс-медиа-пространства.

Монография сопровождается интерактивным приложением со ссылками на анализируемые видео-, аудиоматериалы и оригинальные тексты в виде QR-кодов. Тем самым читателю предоставляется возможность верификации полученных результатов и / или использования собранного и – что не менее важно – затранскрибированного материала в рамках новых дискурсивных исследований¹.

Л.В. Куликова

¹ Данные находятся в свободном доступе, однако исключительно для научных и / или учебных целей. При использовании их в собственных исследовательских интересах, не забывайте, пожалуйста, цитировать данную работу и указывать ресурс, на котором размещен оригинальный материал.

ВВЕДЕНИЕ

Современные дискурсивные практики: границы понятия

«Познание новой реальности языка, обозначенной термином **дискурс**, как и познание намеченных в содержании термина **отдельных его аспектов**, обещает раскрыть нам немало интересных черт в поведении языка и его использовании, а значит, расширить наши представления о его природе и роли для человека»

(Кубрякова, 2012: 125)

Письменная и устная коммуникация протекает в форме многочисленных дискурсивных практик как процессов «производства и потребления или интерпретации текстов и разговоров» (Fairclough, 1998: 145), как типов коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте (van Dijk, 2008).

В современной теории дискурса одна из её базисных категорий – дискурсивная практика – обсуждается с точки зрения как минимум двух подходов, а именно, либо в контексте полной идентификации дискурса и социальности (см., например, концепцию М.Фуко), либо «встроенности» дискурсивных практик в более широкие социальные практики (иначе говоря, более широкие социальные практики образуют фон для практик дискурсивных). Тем самым проводится разграничение между дискурсивными и недискурсивными моментами социальной практики, диктующими разные виды логики в наблюдении и изучении (Fairclough, 1992; цит. по: Йоргенсен, Филлипс, 2008: 116).

Иллюстрируя свой теоретический посыл, Н. Фэарклоф приводит пример недискурсивной практики как физической практики, которая существует, например, при строительстве моста. В отличие от неё журналистика и связи с общественностью – это, главным образом, дискурсивная практика (там же). В таком подходе, как отмечает Н. Фэарклоф, дискурсивная практика выступает посредником между текстами и социокультурной практикой (Fairclough, 1995; цит. по: Йоргенсен, Филлипс, 2008: 122). При этом в исследовательском аспекте основное внимание фокусируется на роли дискурсивной прак-

тики в поддержании социального порядка и социальных изменений в обществе.

Продуктивным, с точки зрения наиболее приемлемого соотношения между подходами социальных наук и лингвистической прагматикой представляется определение дискурсивной практики в одном из социологических словарей, где последняя рассматривается как «категория, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства. Дискурсивная практика формируется в процессе разных видов коммуникации (дискуссии, тексты, совместная деятельность) и закрепляется в виде тезауруса, в знаках, в когнитивных моделях общественного сознания (скриптах, фреймах) (Дискурсивные практики, эл. ресурс).

В данной работе **дискурсивные практики** понимаются как социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения.

Как санкционированный коллективный опыт дискурсивные практики составляют существенную часть коммуникативного ресурса языкового сообщества, который, исторически конституируя различные социокультурные сферы (коммуникацию повседневно, юридический, научный, политический, деловой дискурс), обеспечивает устойчивые когнитивно-коммуникативные поведенческие паттерны представителей данной лингвокультуры.

Дискурсивные практики маркируются приведенными далее характеристиками.

Традиционность и целесообразность: дискурсивную практику можно квалифицировать как стереотипно воспроизводимую речевую деятельность в рамках определённого типа дискурса.

Нормированность: дискурсивные практики реализуются на основе более или менее жёстко закреплённых норм вербального и невербального характера.

Интерактивность: дискурсивные практики порождаются в процессах диалогично развивающейся коммуникации, участники которой осведомлены о моделях эффективного дискурсивного взаимодействия в определённых ситуациях общения.

Функционально-когнитивная направленность: дискурсивные практики артикулируются на основе идентификации интерактивных фреймов как структурированных в сознании коммуникантов последовательностей процедур достижения заданных целей.

Таким образом, воспроизводство дискурсивных практик основано на знании специфического (часто неосознаваемого) комплекса социальных норм или конвенций, большая часть которых имеет коммуникативно-языковую природу. Это значит, что описание и анализ дискурсивных практик должны опираться на осмысление соответствующих институциональных и повседневных коммуникативных рутин в определённой лингвокультуре.

С точки зрения инструментализации изучения дискурсивных практик представляется продуктивной логика исследования с учётом следующих факторов: интенциональная направленность в реализации дискурсивной практики, число коммуницирующих, каналы трансляции, задействованность вербальных и невербальных средств, протяжённость/длительность дискурсивной практики по времени, основная сфера воспроизводства – институциональная, повседневная.

Н. Фэарклоф отмечал в своих работах по критическому дискурсу-анализу возможность конструирования новых дискурсивных практик в рамках социальной инженерии как проявление «технологизации дискурса», например, для подготовки бизнес-менеджеров (Fairclough, 1996; цит. по: Йоргенсен, Филлипс, 2008: 155), что достаточно подробно освещено в первом разделе работы.

РАЗДЕЛ 1

Глобализация и технологизация дискурсивных практик как маркер изменений в современном социуме

«Технологическая рациональность выступает сегодня новой идеологической формой господства, охватывающей все сферы общественной жизни, а дискурс проекта технологической рациональности становится универсальным дискурсом всей западной культуры»

(Маркузе, 2003)

Коммуникативный опыт человека XXI века стремительно видоизменяется, в том числе, под влиянием технологизации и глобализации дискурсивного взаимодействия.

Примечательно, что обращение к феномену **глобализации**, особенно с опорой на метафору «глобальной деревни», и понятие имплозии М. Маклюэна (2003) долгое время было сосредоточено почти исключительно на техно-информационных характеристиках коммуникативной среды, а именно, развитию информационных и телекоммуникационных систем, средств масс-медиа, Интернет-ресурсов, «сжимающих» географическое пространство и время и позволяющих мгновенно реализовывать человеческие взаимодействия в диалоговом, интерактивном режиме. Поэтому, кстати, новыми информационно-коммуникационными технологиями XX века было принято считать радио, кино, телевидение, компьютер.

Однако значимым атрибутом и характеристикой современности становится развитие, расширение не только коммуникационной (технических носителей сообщения), но и коммуникативно-дискурсивной (содержательной) сфер глобализации. Исследовательский интерес автора предложенного материала направлен, прежде и более всего, на вторую составляющую современного социального мира.

Следующее понятие, которое рассмотрено в данной части монографии, это **технологизация** современных дискурсивных практик. Тех-

нология (из др. греч. искусство, ремесло, наука +...логия) в одном из многочисленных значений, предлагаемых сегодня лексикографически-ми источниками, определена как способ постадийного воплощения в жизнь идеи или замысла (Новый словарь иностранных слов, 2005), или как совокупность средств и способов достижения результатов в какой-н. деятельности (Малый толковый словарь русского языка, 1993). Иначе говоря, технология рассматривается в качестве системы алгоритмов для решения задач, возникающих в определенной сфере деятельности, либо как деятельность по выработке таких алгоритмов.

Вслед за Лайманом Брисоном, отметившим, что «технология – это эксплицитность», Маршалл Маклюен в своей известной работе «Понимание Медиа» (McLuhan, 1967) интерпретирует технологии как способы перевода одного рода знания в другой (Маклюен, 2003: 68).

Таким образом, в современную эпоху наряду с ранее доминировавшим орудийно-техническим подходом к сущности технологий, возросла значимость субъектно-гуманитарной составляющей технологии. Появившееся в научной парадигме широкое понятие «гуманитарная технология» отражает тот факт, что в основе этих технологий лежит специфическая научно-методологическая база, принципиально отличная от научно-методологической базы «технических» технологий. В гуманитарных технологиях главная роль отводится нематериальным элементам, имеющим знаково-символическую систему, а в качестве научно-теоретической основы используются гуманитарные знания, средства и методы гуманитарных наук. И если технология в традиционном смысле направлена на преобразование природных (как правило, неживых) объектов, то предметом гуманитарной социальной технологии является человек. Цели применения социальных технологий связаны с влиянием на людей, изменением их знаний, установок, поведения.

Применительно к исследованиям современных дискурсивно-коммуникативных процессов термин «технологизация дискурса» возник в конце прошлого (то есть XX-го) столетия в работах известного английского лингвиста Нормана Фэрклофа (Fairclough, 1992, 1993, 1996), определённым образом развившего исследование Мишеля Фуко (Foucault, 1996) и Эрвинга Гоффмана (Goffman, 1967). Рассматривая дискурсивные технологии в качестве разновидностей технологий управления, Фэрклоф определяет технологизацию дискурса как институционализацию циркулярных зависимостей (circuits), объединяющих исследование, разработку и внедрение (тренинг). Соответственно механизм технологизации дискурса ученый связывает с тремя главными областями деятельности, воплощенными в институцио-

нальные формы: 1) исследовательская работа по изучению дискурсивных практик, используемых на рабочих местах в различных социальных институтах; 2) разработка собственных дискурсивных практик в соответствии с институциональными целями и задачами; 3) обучение персонала этим разработанным дискурсивным практикам (Fairclough, 1996; цит. по: Плотникова, 2011: 22).

Целый ряд отечественных авторов развивает сегодня теорию технологизации дискурса, прежде всего С.Н. Плотникова, выделяя основные характеристики и функции современных дискурсивных технологий.

Имеющиеся методологические основы предоставляют возможность сформулировать идею **технологизации дискурсивных практик** как процесса минимизации коммуникативных усилий для оптимального управления субъектами дискурсивного взаимодействия. Механизм технологической «упаковки» дискурсивных практик заключается в организации последовательности коммуникативных действий как регламентированных, стандартизированных операций с целью достижения максимального (гарантированного) результата при наименьших издержках. В основе технологии дискурсивной практики лежит создание у адресата убежденности в искренности и правдивости непосредственного или медиа-опосредованного общения.

Анализ виртуального/сетевого общения позволяет выделить глобальную технологию принципа интерактивности как доминирующую в развитии современной сферы услуг, где широко внедряются так называемые клиентские сети с хорошо отработанным «дружественным интерфейсом», для поддержания стабильного контакта с потенциальными клиентами из разных стран и формирования их интереса к определённой компании. Примером такого рода может служить постоянная рассылка рекламных текстов, приглашений на встречи, текстов поздравлений и т.п. Рассмотрим кратко один из таких вариантов:

Пример 1. Frohes Osterfest!

(текст: электронное письмо из личного архива автора)

«Sehr geehrte Frau K., die ersten Anzeichen für den kommenden Sommer sind im Grünen zu entdecken und ein schneereicher kalter Winter wird uns lange im Gedächtnis bleiben. Die nahenden Feiertage bieten Erholung, vielleicht den ersten Kurzurlaub in die Sonne und familiäre Oster-Bräuche werden gemeinsam erlebt. Wer kann sich nicht an die Aufregung in der eigenen Kindheit beim Ostereiersuchen erinnern?»

Das Team der Happy Immo wünscht Ihnen ein frohes Osterfest! Bleiben Sie uns gewogen, wir sind für Sie da.

Unsere aktuellen Schmankerl für Sie können Sie gerne auf unserer Homepage www.happy-immo.de ansehen.

Danke für Ihre Aufmerksamkeit. Jetzt lehnen Sie sich einfach zurück und lassen sich von den Sonnenstrahlen inspirieren. Wenn Sie sich durch diese Email gestört oder belästigt fühlen, reicht ein "Nein" als Antwort und Sie erhalten keine weiteren Emails mehr von uns.

Mit freundlichen Grüßen

Horst Wettig

Happy Immo GmbH

Hauptsitz:

Abt-Petto-Straße 2

82041 Oberhaching»

Аутентичное письмо от одной из коммерческих фирм представляет собой небольшой поздравительный текст по случаю пасхальных праздников в Германии. Персонифицированное обращение, фатический характер текста с элементами информации, безусловно, иллокутивно направлены на контактоподдержание и активизацию адресата как своеобразного партнёра. Кроме того, данный текст в формате непринуждённой эмоциональной коммуникации явно отражает одну из дискурсивных технологий, которые выделены Н. Фэарклофом, названную им конверсационализацией институционального дискурса (Fairclough, 1996). Суть её в повсеместном внедрении в институциональный дискурс и симуляции в нём неформального разговорного общения. Предполагается, что с помощью подобных технологически заряженных дискурсивных практик создаётся картина мира, мотивирующая благоприятное с точки зрения конкретного бизнеса поведение адресатов.

Приведём ещё одну иллюстрацию виртуально-опосредованной коммуникации с точки зрения рассматриваемых здесь технологичных практик дискурса.

Пример 2. Out of Office

(текст: электронное письмо из личного архива автора)

«Om: And@Uni-Passau.de

Тема: Antw: Nächste Woche (Out of Office)

Thank you very much for your email. I am sorry that I am unable to respond. I shall be back on September 24th. If your query is urgent, please

contact me again then. I am sorry for any inconvenience caused. Thank you very much,

Andrew Otto

Original Message-----

From: Bernd Mueller

Sent: Friday, June 22, 2012 11:16 AM

Subject: Abwesenheit bis 17.06.2012

Bin aus gesundheitlichen Gründen zur Zeit nicht erreichbar. Eingende Mails werden zeitnah beantwortet.

Ihr Bernd Müller-Jacquier»

В пространстве институционального общения подобные письма, уведомляющие адресатов о том, что адресант по каким-либо причинам (отпуск, болезнь, командировка и т.д.) находится вне электронного доступа, отражают современную технологично организованную жизнь институциональной личности. Посредством реализуемой практики оптимизируется процесс дискурсивного взаимодействия, конструируется своеобразный коммуникативный континуум, создающий эффект «постоянного присутствия» в общении.

Собственно, даже несколько приведённых иллюстраций позволяют говорить о том, что «мир компьютерной коммуникации прорастает всё более гибкими технологиями» (Лещёв, 2002: 86) и мы, по сути, становимся свидетелями электронно-технологической медиатизации значительной доли общения.

Примеры процессов глобализации и формирования технологичных дискурсивных практик, как показывает изучение соответствующего материала, обнаруживаются сегодня практически во всех институциональных сферах. Так, современное интерактивное телевидение во многих странах мира транслирует одинаковые по своей сути программы. Русские, американцы, немцы, французы пытаются в унифицированных шоу выиграть миллион, отвечая на вопросы викторины, отгадывая слова, вращая рулетку и т.п., что отражает знаковые тенденции глобализации дискурсивных практик, прежде всего, в виртуальном пространстве. Одной из задач исследования в рамках данной работы является проблема соотношения глобальных дискурсивных технологий и национально-культурной маркированности общения в рамках институциональной деловой коммуникации на примерах современных дискурсивных практик корпоративного, консьюмеристского и сетевого дискурсов в пространстве разных языковых культур.

Сетевой дискурс ярко демонстрирует тенденции глобализации дискурсивных практик на примере многочисленных международных и национальных социальных сетей типа Facebook, Википедия, «В контакте» и т.д. Ощущение применения подобной коммуникативной технологии вызывает мониторинг международного сайта знакомств «www.edarling.org» как достаточно новой дискурсивной практики, разработанной для определённой ситуации on-line общения. В основу данной практики виртуального взаимодействия положена технология под названием «мэтчинг» (matching). В целом реализация названной технологии носит исключительно глобальный характер, поскольку дискурс в формате сайта знакомств в разных странах унифицирован в рамках одного когнитивного сценария, а именно, своего рода психологического теста на совместимость одного клиента сетевого коммуникативного пространства с другим. Кроме того, мониторинг сайтов, предназначенных для сетевых клиентов разных стран, обнаруживает стандартизированные семиотические и композиционные маркеры: в основном одинаковый визуальный ряд, идентичную структуру анкет, начиная с гендерной стратификации, один и тот же текстовый материал, дословно переведённый на разные языки.

Пример 3. Edarling (сайт для России)
(текст: <http://www.edarling.ru/>)

«Зарегистрироваться бесплатно и найти любимого для серьёзных отношений»

Пример 4. Edarling (сайты для Австрии и Германии)
(текст: <http://www.edarling.de/>)

«Melden Sie sich kostenlos an und finden sie den Partner, der wirklich zu Ihnen passt»

Данные характеристики свидетельствуют о воспроизводстве современной глобально организованной дискурсивной практики, технология которой использует всё наличное поле «дискурсивных манипуляций» (по Г. Маркузе), психологический «инвентарь» и возрастающую зависимость человека от носителей информации. Деконструкция коммуникативной практики виртуальных знакомств в аспекте «заказчика» выявленной технологии обнаруживает основную интенцию технологов, продуцирующих в глобальном масштабе данный тип дискурса. Фактический материал показывает, что мы, прежде всего, имеем дело с феноменом индустрии/коммерциализации коммуникации, целью которой в исследуемом фрагменте реальности является не заключение межкультурных браков, а конкретные коммерческие интересы, что подтверждает возможности инструментального применения дискурса как ресурса управления, воздействия и финансовых выгод.

Несмотря на явные глобальные тенденции дискурсивной практики виртуального знакомства, её более детальный анализ позволяет говорить, в том числе, и об определённой национально-культурной специфике подобного взаимодействия. В частности, конвенции общения в русскоязычном пространстве толерируют вторжение в приватную сферу личности, что явно отражается и в вопросах анкет для русских клиентов сайтов. Так, в запрашиваемой у них информации идентифицируется этническая принадлежность претендента.

Пример 5. К какой группе Вы себя относите? (сайты для России)
(текст: <http://www.edarling.ru/>)

«К какой из этих групп Вы себя относите: европейская, африканская, азиатская, арабская?»

Пример 6. К какой группе Вы себя относите?
(сайт для Австрии и Германии)
(текст: <http://www.edarling.de/>)

«Welcher ethnischen Gruppe gehören Sie an: europäisch, afrikanisch, asiatisch, arabisch?»

Имидж клиента моделируется в значительной степени в перспективе внешних параметров, например, выясняется рост интервьюируемого. Данный вопрос отсутствует в анкете для европейских заявителей, поскольку отождествляется в соответствии с коммуникативными нормами этого культурного пространства как несанкционированный доступ к личной информации. В этом же смысле защиту приватных данных клиентов в материалах, например, немецкоязычного сайта «ElitePartner» избыточно эксплицируют предупреждения.

Пример 7. Защита приватных данных
(текст: <https://www.elitepartner.de/>)

*«Andere Mitglieder sehen nur Ihr Alter, nicht Ihr Geburtsdatum»,
или «Ihre Antworten auf die einzelnen Fragen sind für andere später nicht
sichtbar»*

Подобной дискурсивной деликатности мы не встречаем на аналогичных страницах сайтов для наших соотечественников. Таким образом, в рамках реализации выделенной глобальной технологии виртуального знакомства, корпус проанализированного материала демонстрирует и существующую культурную маркированность соответствующей дискурсивной практики.

Ярким отражением тенденций глобализации и технологизации дискурсивных практик выступает консьюмеристский дискурс в его самых разнообразных проявлениях. Рассмотрим, к примеру, коммуникативное текстовое пространство современного гостиничного бизнеса. Как правило, в гостиницах высокого уровня в России преобладающая часть указателей и информационных табличек использует только англоязычный код без русскоязычных эквивалентов: «*Reception*», «*Concierge*», «*Staff only*», «*Exchange*», «*Luggage Room*», «*Cloak Room*», «*Lobby Bar*», «*No Smoking Area*», «*You are in a no – smoking room*». Очевидно, презюмируется знание иностранного языка (преимущественно английского) у русскоязычных гостей и/или информация адресуется иноязычным реципиентам, что в целом отражает глобализацию туристических потоков и соответственно коммуникации. Интересно отметить, что в немецких отелях, как показывает эмпирический опыт, наблюдается та же модель двуязычной среды дискурса (немецкий-английский), что позволяет определить сегодня использование английского как глобальную *lingua franca* – технологию современного бизнеса в целом. Кроме того, технологичность дискурсивной практики в этом случае очевидно проявляется в ресурсе минимизации коммуникативных усилий сотрудников отелей, оптимизации и экономии коммуникативных вкладов в общении с иностранцами.

В рамках тех же процессов правила проживания и размещения в российских гостиницах вербализуются почти повсеместно на двух языках, отражая тем самым стремление к демонстративности, качеству сервиса, социальному престижу отеля, что очевидно можно номинировать как дискурсивную технологию презентативного консьюмеризма.

В последнее десятилетие активно технологизируются дискурсивные практики в области корпоративной коммуникации. Бизнес-структуры в разных странах разрабатывают сегодня собственные, как правило, анонимные с точки зрения авторства технологии, продуцируемые во внутреннюю и внешнюю организационные среды. Прежде всего, речь идёт о взаимодействии с клиентами, потребителями, претендентами на вакансии и т.д. В процессе технологичного дискурсивного конструирования корпоративной реальности жёстко конвенциализируются все её формальные и содержательные аспекты.

В качестве примера рассмотрим дискурсивные практики современной банковской корпорации на основе любезно предоставленных автору скриптов и материалов регламентирующих документов одного из российских банков. Репертуар технологичной коммуникации конкретной организационно-корпоративной культуры включает с точки зрения интересующих нас элементов правила обращения к клиенту, правила ведения телефонных переговоров и деловой переписки, предписания к имиджу и поведенческим характеристикам сотрудника как корпоративной личности, а также основной алгоритм действий в ситуациях межличностного взаимодействия с клиентами банка.

Так, технологичная модель «правильной» коммуникации с клиентами воплощена в нижеизложенных установках сотруднику.

Пример 8. Установки сотруднику банка (текст: из материалов банка)

1. К клиенту обращайтесь строго на «Вы» и по имени-отчеству независимо от его возраста.

В исключительных случаях возможно обращение по имени, но только по просьбе клиента.

Важно: ФИО клиента лучше всего зафиксировать в органайзере, чтобы не забыть, а также проговорить непосредственно перед встречей, особенно если это труднопроизносимое сочетание слов.

2. Если гостей несколько, запомните с первого раза, как их зовут. Можно зафиксировать это в органайзере в соответствии с их расположением в переговорной комнате.

3. Используйте в разговоре только позитивно окрашенные слова «спасибо», «благодарю», «пожалуйста», «будьте добры» и т.п.

Важно: Используйте минимальное количество узкопрофессиональных банковских терминов. Не употребляйте в общении с Клиентом профессиональный сленг («юрик-физик») и уменьшительно-ласкательные окончания слов («файлик», «денежки», «договорчик» и т.п.).

4. Комментируйте Клиенту любое вынужденное отсутствие в процессе обслуживания.

Например: «К сожалению, мне придется Вас оставить» / «Извините, мне нужно снять копию с документа / подписать документы у руководителя» и т.п. / Это займет не более 5 минут и т.п.

5. При встрече Клиента необходимо представиться в первую очередь: четко назвать имя, фамилию, должность. После этого необходимо сделать паузу, чтобы дать возможность представиться гостю. В случае, если он по каким-то причинам этого не сделал, уточнить. Если встреча трехсторонняя, то необходимо представить и третью сторону, назвав имя, фамилию, должность, организацию второго гостя.

Данный фрагмент, демонстрирующий, по сути, идеальное развитие дискурсивного поведения сотрудника банка, подтверждает идею о том, что некоторыми технологиями «человек полностью деперсонализируется, то есть становится похожим на всех остальных говорящих/пишущих, выполняющих ту же роль в данной стандартной ситуации» (Плотникова, 2011: 42). При этом интенциональная логика заказа данной технологии со стороны руководства банка, очевидно, диктуется имиджевой политикой.

Пример 9. Имиджевая политика банка (текст: из материалов банка)

«Имидж банка – это целостный образ, сочетающий деловой стиль с доброжелательным, позитивным настроем, вежливым и приветливым общением с клиентами, партнёрами и коллегами»

Безусловно, можно говорить и о дидактической стороне технологизации. В этом смысле людям, продуцирующим так называемую дискурсивную «заготовку», необходимо заучивать, запоминать, повторять разработанные тексты и принципы нормативного, благопри-

ятного с позиции целей корпорации взаимодействия с клиентами и партнёрами.

Дискурсивная практика ведения деловых разговоров по телефону включает не менее конкретный и детальный перечень *клиентоориентированных предписаний*.

Пример 10. Рекомендации по проведению деловых переговоров
(текст: из материалов банка)

1. *Сняв трубку, следует представиться.*
2. *Если Клиент не назвал своего имени, соблюдая тактичность, необходимо попросить его представиться.*
3. *Сделайте паузу и внимательно выслушайте, по какому поводу звонит абонент.*
4. *Недопустимым является негативная оценка слов, мнения или действий клиента.*
5. *Заканчивая разговор, всегда стоит резюмировать, чтобы исключить взаимонепонимание задач.*
6. *В конце любого разговора следует:*
 - *поблагодарить клиента за звонок;*
 - *дать клиенту понять, что Вы высоко цените его информацию, просьбу;*
 - *повесить трубку после того, как это сделает клиент.*
7. *При исходящем звонке также нужно поздороваться, назвать Банк и свое имя.*

ВАЖНО:

Нельзя называть фамилию клиента по телефону, особенно когда в помещении присутствует другой клиент (соблюдение конфиденциальности).

Необходимо соблюдать обещания и перезванивать Клиенту в оговоренное время.

Необходимо перезванивать на все пропущенные звонки.

Телефонный разговор должен быть конструктивным и коротким.

Нельзя заниматься другими делами во время телефонного разговора.

Технологичный лингвосемиотический имидж и внутрикорпоративное поведение сотрудников банковской сферы требуют формализации и таких аспектов, как персональные качества.

Пример 11. Персональные качества сотрудников банка
(текст: из материалов банка)

«...презентабельная внешность, ориентация на клиента, ориентация на результат, коммуникативные качества, активная жизненная позиция...»

а также внешний вид сотрудников:

«Соблюдение правил внешнего вида является неотъемлемой частью клиентоориентированного поведения, принятого в Банке. Сотрудник обязан придерживаться в своей работе принципов и правил в отношении делового стиля и несёт ответственность за личное соблюдение Стандартов сервиса <...>. Не допускается свободный стиль одежды (Business Friday) по пятницам».

Безусловно, приведённые дискурсивные технологии являются закрытыми, доступ к ним открыт определённому кругу лиц – представителям данной корпоративной культуры. Как отмечает С.Н. Плотникова, подобные технологии не внедряются извне, а формируются внутри дискурсивного сообщества путём постепенного наращивания соответствующего дискурсивного опыта и его распространения посредством стандартизации дискурсивных практик (Плотникова, 2011: 26). При этом использование технологично заданных дискурсивных сценариев «работает» на достижение конкретных целей, в частности, в условиях бизнес-коммуникации на получение реальной экономической прибыли.

В фокусе корпоративной коммуникации остановимся также на технологично заданной дискурсивной практике в жанре интервьюирования при приёме на работу. В качестве эмпирического материала в статье используются следующие данные:

- *«Вопросы при трудоустройстве» Департамента равноправного трудоустройства и жилищного устройства (Штат Калифорния, США)*

- *«Структура интервью» Национальной федерации работодателей (Сингапур)*

- *отечественные варианты подобных документов, например, «Структура интервью» кадрового агентства «EQ-Персонал»*

Интервьюирование кандидата работодателем происходит в рамках институционального делового общения, что автоматически «включает» ряд ограничений, связанных с содержанием, длительностью и местом проведения бесед, соотношением коммуникативной инициативы и вкладов говорящих в разговор. Возникает необходимость в разработке технологий как способов оптимизации дискурсивного взаимодействия в жёстко детерминированных рамках. В качестве примера приведем высказывание одного из российских директоров крупного агентства по подбору персонала, бизнес-тренера.

Пример 12. Подбор персонала

(текст: <http://www.eqpersonal.ru/index.php/texts/texts2/2011-04-14-14-18-24/432-7-.html>)

«Постоянно появляются новые технологии, инструменты и методики, которые создаются, чтобы поднять подбор персонала на более высокий уровень. ... Подбор персонала, если вы ещё не знали – это продажи. Если вы со мной не согласны, то мне искренне жаль ваш бизнес. ... Рекрутер должен уметь убедительно объяснить, по-

чему ваша компания – это лучший выбор для кандидата и почему тому следует принять эти конкретные условия труда и возможности для построения карьеры» (EQ – Персонал).

Можно прокомментировать эту фразу в терминах исследований Н. Фэрклофа (Fairclough, 1996). Так, английский лингвист, выделяя новые дискурсивные технологии, относит к таковым колонизацию институционального общения дискурсивными техниками маркетинга и рекламы.

В рамках этой технологии перестраивается коммуникация между профессионалами и непрофессионалами (клиентами). Общая когнитивная модель ролей, основанная на понятии компетенции (обладающий компетенцией – подчиняющийся компетенции), заменяется на рыночную модель (производитель – потребитель). Функции дискурса перемещаются при этом с информирования и перечисления обязанностей на убеждение и перечисление выгод (Плотникова, 2011: 37), что, собственно, мы и наблюдаем в вышеприведённом примере. Как показывает корпус практического материала, и вторая глобальная дискурсивная технология, выделенная Н. Фэрклофом как конверсационализация институциональной коммуникации, очевидно проявляется в представленной дискурсивной практике. В частности, она находит отражение в приветствуемом работодателем поведении интервьюеров, в обозначенных рекомендациями техниками эмпатии, гибкости, двусторонней связи.

Пример 13. Поведение интервьюера

(текст: <http://www.eqpersonal.ru/index.php/texts/texts2/2011-04-14-14-18-24/432-7-.html>)

«Я, например, стараюсь использовать позитивный подход уже в самом начале общения. Когда ко мне обращаются соискатели или приходят на собеседование, я всегда нахожусь в хорошем настроении, я приветливо разговариваю с ними, интересуюсь, как дела, благодарю за обращение и несколько минут трачу на создание расслаб-

ленной атмосферы. Такая практика приносит ценные плоды, кандидаты говорят много и свободно».

Кроме того, поскольку общение в ситуации собеседования соответствует идеологии рыночной экономики: повышение прибыли, продажа, повышение эффективности работы (Ратмайр, 2010: 357), не лишним представляется упомянуть и идеи Герберта Маркузе, по мнению которого «благодаря тотальной коммерциализации общественной жизни возникает иллюзия, что смысл любого явления можно раскрыть посредством консьюмеристской терминологии» (Маркузе, 2003: 354).

Возвращаясь к технологической основе дискурсивной практики найма на работу, необходимо подчеркнуть, что в её реализации взаимодействующе представлены две стороны: рекрутер как представитель института работодателя и соискатель. Релевантным является то, что обе стороны готовятся к собеседованию. Поскольку технологизация коммуникации служит одной из важнейших составляющих ее институционализации, очевидно, что технологичный сценарий развития событий, направленный на дискурсивное конструирование нужного результата – это прерогатива работодателя-интервьюера. Последние вооружаются заранее подготовленным дискурсом, наиболее уместным для выполнения ими необходимой социальной роли с учётом минимизации их коммуникативных усилий. При этом, как отмечает С.Н. Плотникова, понимание сущности технологического процесса – когнитивной модели происходящего – не входит в непрременную обязанность его участников; это задача дискурсивных технологов (Плотникова, 2011: 39). Специалисты – дискурсивные технологи предоставляют к реализации готовые технологичные материалы, как, например, «Структура интервью», включающая скрипт разговора, инструкции пользователям и т.д.

Остановимся подробнее на некоторых элементах отобранного в ходе анализа текстового корпуса. Так, фрагмент «Структуры интервью» (Сингапур) на этапе взаимодействия с соискателем выглядит следующим образом.

Пример 14. Подбор кандидатов
(текст: [http://www.tafep.sg/assets/Files/documents/Resources%20-%20Fair%20Recruitment%20&%20Selection%20Handbook%20\(English\).pdf](http://www.tafep.sg/assets/Files/documents/Resources%20-%20Fair%20Recruitment%20&%20Selection%20Handbook%20(English).pdf))

«Интервьюер должен быть подготовлен и обучен в использовании эффективных техник для отбора кандидатов. Каждому кандидату должны быть предоставлены равные возможности оценки его/ее качеств, а также кандидат должен уйти с хорошим впечатлением о компании независимо от того, получит ли он/она работу».

Алгоритм стандартизированных ходов в рамках дискурсивной практики облекается в определённую последовательность действий.

Пример 15. Задавайте подготовленные вопросы
(текст: [http://www.tafep.sg/assets/Files/documents/Resources%20-%20Fair%20Recruitment%20&%20Selection%20Handbook%20\(English\).pdf](http://www.tafep.sg/assets/Files/documents/Resources%20-%20Fair%20Recruitment%20&%20Selection%20Handbook%20(English).pdf), p. 37)

- *Welcome at the reception desk.*
- *Establish rapport (Use of ice-breaker, e.g. did the interviewee have difficulty finding his /her way here)? Conduct interview by asking prepared questions.*
 - *Take brief notes for reference and review (Use the interview evaluation form, take pointers for candidates' assessment, etc).*
 - *Provide information about the company, the job and expectations.*
 - *Allow candidates to ask questions.*
 - *Inform candidates on the next step following the interview.*

- *Close the interview with a note of thanks to the candidate.*

Как правило, руководители компаний не афишируют, что они обучают своих сотрудников применять в работе с клиентами жёстко заданный дискурс, предполагающий придание коммуникации стабильности и прогнозируемости за счёт приближения разговора к имеющемуся прототипу. Таким образом, обязательной частью технологического сценария интервью является обучение рекрутеров и инструктирование по ведению собеседования.

Пример 16. Обучение интервьюеров

(текст: [http://www.tafep.sg/assets/Files/documents/Resources%20-%20Fair%20Recruitment%20&%20Selection%20Handbook%20\(English\).pdf](http://www.tafep.sg/assets/Files/documents/Resources%20-%20Fair%20Recruitment%20&%20Selection%20Handbook%20(English).pdf), p. 38)

The specifics of a training programme for interviewers should include:

- *How to put job applicants at ease.*
- *Awareness of errors and pitfalls of interview (e.g. stereotyping).*
- (...)
- *Awareness to ensure that all candidates for the same job should be asked the same set of questions.*

- *Listening skills.*

Tips on Conducting Interviews

- *Be punctual for the interview.*
- *Establish rapport.*
- (...)
- *Use a prepared list of questions.*
- *Allow candidates to ask questions about the company and the job.*
- *Take notes.*
- *Prepare interviewer's report for candidate after each interview.*

Говоря о технологической составляющей когнитивно-дискурсивных действий интервьюера, прежде всего заключающейся в

таких процедурах, как стандартизация, регламентация, оптимизация и минимизация коммуникации, следует упомянуть и ещё одну её характеристику. Дискурсивную технологию можно определить в том числе «как проявление дискурсивной креативности и дискурсивной компетенции высокоинтеллектуальной личности» (Плотникова, 2011: 28). Аргумент в пользу данного тезиса находим в имеющемся эмпирическом материале, сославшись на мнение уже цитировавшегося ранее руководителя кадрового агентства.

Пример 17. Навык высокого уровня

(текст: http://eqpersonal.ru/index.php?Itemid=162&catid=85:2011-04-14-13-48-17&id=432:7----&option=com_content&view=article)

«... Умение наладить общение и разговорить человека, которого мы интервьюируем или «переманиваем» - это навык высокого уровня. Например, некоторые знания о хобби и интересах соискателя помогут вовлечь последнего в коммуникацию значительно лучше, чем любой «скрипт разговора»».

Анализ дискурсивной практики с позиций потребления дискурса предполагает также фокусирование на специфике коммуникативного соучастия претендентов на должность. Интересные наблюдения по этому поводу приводит в своём исследовании Рената Ратмайр. Само интервью, по мнению австрийского лингвиста, – «это инсценировка для самопрезентации соискателя» (Ратмайр, 2010: 358). Кроме того, она отмечает, что в последнее время в России, особенно в Москве, возник большой рынок тренингов по деловой коммуникации, в том числе для подготовки к ситуации собеседования. Таким образом, создаётся технологичная основа по обучению также и претендентов на должность умению продуцировать необходимый дискурс, а именно, «блестящие ответы на трудные вопросы при приёме на работу» (Ходгсон, 2006) с целью «сформировать о себе с самого начала собеседования положительное впечатление» (Зарецкая, 2002: 261). В данном случае, как мы видим, адресату предъявляется дискурс конкретных авторских дискурсивных

технологий, что сегодня не является общей тенденцией. В большинстве случаев реальные анонимные разработчики разных дискурсивных технологий переходят в разряд виртуальных фигур и в целом усиливается доминирование общей институциональной конфигурации дискурсивных практик над каждым конкретным человеком.

Приём на работу как тип коммуникации достаточно ярко демонстрирует, помимо всего прочего, взаимодействие/конфликт глобальной и национально-культурной составляющих реализуемой практики, поскольку собеседование-интервью при найме на работу выступает в современном мире общепринятой нормой, имеющей при этом свои национальные особенности в каждой стране. Привлечённые к анализу специализированные текстовые материалы обсуждаемой дискурсивной практики, а также сама коммуникативная действительность позволяют соотнести регламентирующие документы международного уровня, которые мы рассматриваем здесь как экспликации глобальных технологий, со своеобразием их реализации в определённом культурном контексте. Достаточно продуктивный пример в этом смысле представляют вопросы при трудоустройстве из культурно-коммуникативного пространства США. Мы интерпретируем данный текст как технологично созданный коммуникативный продукт для реализации дискурсивной практики приёма на работу. В стандартизированной форме в материалах текста представлен перечень вопросов и тем, которые с правовой точки зрения приемлемы в обсуждении с соискателем, либо неприемлемы:

Пример 18. Приемлемые и неприемлемые вопросы при собеседовании
(текст: <http://www.dfeh.ca.gov/res/docs/Publications/DFEH-161.pdf>, p. 2-3)

ACCEPTABLE	SUBJECT	UNACCEPTABLE
Name	NAME	• Maiden name
Place of residence	RESIDENCE	• Questions regarding owning or renting.

Statements that hire is subject to verification that applicants meet legal age requirements.	AGE	<ul style="list-style-type: none"> • Age • Birth date • Date of attendance / completion of school • Questions which tend to identify applicants over 40
Statements / inquiries regarding verification of legal right to work in the United States.	BIRTHPLACE, CITIZENSHIP	<ul style="list-style-type: none"> • Birthplace of applicant or applicant's parents, spouse or other relatives. • Requirements that applicant produce naturalization or alien card prior too employment.
Languages applicant reads, speaks or writes if use of language other than English is relevant to the job for which applicant is applying.	NATIONAL ORIGIN	<ul style="list-style-type: none"> • Questions as to nationality, lineage, ancestry, national origin, descent or parentage of applicant, applicant's spouse, parent or relative.
Statement by employer of regular days, hours, or shifts to be worked.	RELIGION	<ul style="list-style-type: none"> • Questions regarding applicant's religion. • Religious days observed.
Name and address of parent or guardian if applicant is a minor. Statement of company policy regarding work assignment of employees who are related.	SEX, MARITAL STATUS, FAMILY	<ul style="list-style-type: none"> • Questions to indicate applicant's sex, marital status, number / ages of children or dependents. • Questions regarding pregnancy, child birth, or birth control • Name / address of relative, spouse or children of adult applicant.
	RACE, COLOR, SEXUAL ORIENTATION	<ul style="list-style-type: none"> • Questions to applicant's race, color, or sexual orientation. • Questions regarding applicant's complexion, color of eyes, hair or sexual orientation.
	CREDIT REPORT	<ul style="list-style-type: none"> • Any report which would indicate information which is otherwise illegal to ask, e.g , marital status, age, residency, etc.

Statement that a photograph may be required after employment.	PHYSICAL DESCRIPTION, PHOTOGRAPHS, FINGERPRINTS	<ul style="list-style-type: none"> • Questions as to applicant's height / weight. Requiring applicant to affix a photograph to application or submit one at his / her option. • Require a photograph after interview but before employment.
Employer may inquire if applicant can perform job-related functions. Statement that employment offer may be made contingent upon passing a job-related mental / physical examination.	MENTAL / PHYSICAL DISABILITY, MENTAL CONDITION (APPLICANTS)	<ul style="list-style-type: none"> • Any inquiry into the applicant's general health, medical condition, or mental / physical disability. Requiring a psychological / medical examination of any applicant.
A medical / psychological examination / inquiry may be made as long as the examination / inquiry is job-related and consistent with business necessity and all applicants for the same job classification are subject to the same examination/inquiry.	MENTAL / PHYSICAL DISABILITY, MEDICAL CONDITION (POST-OFFER / PRE-EMPLOYMENT)	<ul style="list-style-type: none"> • Any inquiry into the applicant's general health, medical condition, or physical / mental disability, if not job-related and consistent with business necessity.
A medical / psychological examination / inquiry may be made as long as the examination is job-related and consistent with business necessity.	MENTAL/PHYSICAL DISABILITY, MEDICAL CONDITION (EMPLOYEES)	<ul style="list-style-type: none"> • Any inquiry into the employee's general health, medical condition, or mental / physical disability, if not job-related and consistent with business necessity.
Job-related questions about convictions, except those convictions which have been sealed, or expunged, or statutorily eradicated.	ARREST, CRIMINAL RECORD	<ul style="list-style-type: none"> • General questions regarding arrest record.
Questions regarding relevant skills acquired during U.S. military service.	MILITARY SERVICE	<ul style="list-style-type: none"> • General questions regarding military service such as dates/type of discharge. • Questions regarding service in a foreign military.

Requesting lists of job-related organizations, clubs or professional societies omitting indications of protected bases.	ORGANIZATIONS, ACTIVITIES	<ul style="list-style-type: none"> • General questions regarding organizations, clubs, societies and lodges.
Name of persons willing to provide professional and / or character references for applicant.	REFERENCES	<ul style="list-style-type: none"> • Questions of applicant's former employers or acquaintances which elicit information specifying applicant's race, etc.
Name and address of person to be notified in case of accident or emergency.	NOTICE IN CASE OF EMERGENCY	<ul style="list-style-type: none"> • Name, address, and relationship of relative to be notified in case of accident or emergency.

Очевидно, что одной из главных интенций интервьюера в ситуации собеседования служит дискурсивная установка: вопросы не должны дискриминировать кандидатов. Именно эту интенцию и иллюстрируют вышеприведённые рекомендации. Кроме того, поскольку «частью технологии может стать и табу на определённые речевые акты» (Копылова 2011: 79), данный список практически табуирует вопросы приватной сферы, такие как возраст, религиозные предпочтения и этническое происхождение, физические недостатки, семейное положение и т.д.

Сопоставление практик найма на работу в контексте российской лингвокультуры и в зарубежном опыте Европы и США позволяет сделать вывод о том, что в целом данный тип дискурса в России развивается под влиянием западных (в широком смысле слова) моделей. Этот вывод свидетельствует о процессах унификации коммуникации и в России, которая приобретает всё более глобальный технологический характер. При этом исследования в сфере корпоративного делового дискурса, авторами которых являются как отечественные, так и зарубежные учёные (Верещагин, Ратмайр, Ройтер, 1992; Куликова, 2004, 2009; Kulikova, 2012) демонстрируют национально-культурную маркированность дискурсивных практик в этой сфере. В русскоязычном институциональном взаимодействии по-прежнему редко соблюдается запрет на вопросы, касающиеся личной сферы соискателя, мало учитывается разграничение его служебного и приватного пространств. В соответствии с русским коммуникативным стилем стабильной дискурсивной проблемой для интервьюируемого, несмотря

на изученные технологии, остаются речевые акты самопохвалы, яркой самопрезентации компетенций и успешности.

Таким образом, технологические особенности дискурсивной практики найма на работу отражают как глобальную, так и культурно-конвенциональную специфику данной социальной сферы. Представляется, что обе составляющие находятся сегодня в отечественной лингвокультуре в состоянии динамического равновесия.

Итак, мы живём в эпоху тотального «схватывания» коммуникацией – социальной тенденции, связанной с процессами глобализации и интенсивным развитием дискурсивных технологий. В практической деятельности большинство людей выходит на уровень технологии коммуникации в качестве исполнителей и участников её сценариев: публичных, рекламных, коммерческих, корпоративных и т.д.

При этом корреляция глобальной технологичности дискурса и его культурной детерминированности, во-первых, зависит от сферы общения (насколько последняя является результатом и воплощением глобализации и интернационализации производства и общественной жизни), во-вторых, отражает модели, как минимум, трёх процессов взаимопроникновения дискурсивной технологичности и национальной специфичности: доминирования, поглощения или динамического равновесия двух названных составляющих институциональной коммуникации.

РАЗДЕЛ 2

Дискурсивные практики патернализма

«Несмотря на то, что анализ разговора предполагает, что коммуниканты обладают равными социальными ролями, очевидно, что и группа, и институциональное представительство, и в целом социальное неравенство воспроизводят различия в контроле над текущим диалогом. Эти различия возникают, например, в разговоре между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, белыми и черными, богатыми и бедными или между более и менее образованными. Признается, что такой контроль со стороны более влиятельного коммуниканта может распространяться на распределение и присвоение реплик, выбор речевых актов, отбор тем и переходов от одной темы к другой, определение стиля»

(ван Дейк, 2013: 63)

Всем нам с детства хорошо знакома ситуация, в которой мы вопреки своей воле совершаем какой-либо поступок: садимся в кресло зубного врача, учим наизусть длинное стихотворения в школе, надеваем шапку по настоянию мамы, прежде чем выйти на улицу всего на минуту. С наступлением совершеннолетия эта ситуация принципиально не меняется: теперь нужно надевать неудобный шлем при езде на мотоцикле, читать на пачке с сигаретами предупреждение о вреде курения, садиться в кресло страхового агента... И на новом жизненном этапе список подобных обязанностей вряд ли уменьшится. Дело в том, что в данных ситуациях мы не просто о себе заботимся, лечимся или учимся, мы *обязаны* о себе заботиться, лечиться или учиться. В противном случае нас заставят это сделать, не считаясь с нашим мнением. Забота о другом через ограничение его свободы – особый вид организации социального порядка, получивший в литературе название «патернализм».

Обобщая дефиницию патернализма, данную философом права Г. Дворкиным, можно сказать, что понятие патернализма объединяет

широкий круг явлений, для которых характерно действие во благо индивида или группы индивидов, которое, однако, может противоречить или не в полной мере соответствовать их воле (Dworkin, 2005: 1).

Особенность данного вида социального взаимодействия заключается в его амбивалентности – оно предполагает достижение блага другого за счет легитимной возможности причинения ему дискомфорта. Это противоречие стало отправной точкой в исследовании патернализма в ряде гуманитарных наук (Осипова, 2006: 10):

- истории (патрон-клиентские отношения в древних обществах);
- политологии (патернализм как форма общественного устройства);
- психологии (патернализм как ментальная установка);
- экономике (патернализм как стиль управления);
- философии права (патернализм как ограничитель свободы личности во имя ее благополучия);
- теории медицинской коммуникации (патернализм как модель коммуникации между врачом и пациентом);
- педагогике (патернализм как принцип воспитания).

В названных выше подходах патернализм довольно подробно описан как социальная практика, вместе с тем его дискурсивная составляющая исследована слабо. В данной работе нами предпринята попытка восполнить этот пробел и описать дискурсивные свойства патерналистского взаимодействия. Однако прежде ознакомимся с имеющимся в данной области теоретическим заделом – выводами теории медицинской коммуникации об особенностях патерналистского общения между врачом и пациентом.

Исследование патернализма в медицинской коммуникации сосредоточено на выявлении его роли в осуществлении эффективного коммуникативного взаимодействия между врачом и пациентом. В них патернализм предстает одной из моделей отношений между врачом и пациентом (Emanuel E., Emanuel L., 1992; Elwyn et al., 1999; Roter, Hall, 1992; Byrne, Long, 1976; Quill, Brody, 1996; Ende et al., 1989; Strull et al., 1984; Wadsworth, Robinson, 1976).

Разграничение моделей базируется на разной степени участия пациента в принятии решения о методах лечения (т.н. концепция принятия общего решения; англ. shared decision-making) и представлении врача и пациента об автономии пациента, под которой в теории патернализма понимается возможность и способность человека самостоятельно (автономно) принимать решения и действовать, руководствуясь ими. Г. Элвин и др. предложили представлять все многооб-

разие этих моделей в виде континуума, крайними полюсами которого выступают патерналистская модель (paternalistic), предполагающая, что решение врач принимает без участия пациента, и модель информированного выбора (informed choice), предполагающая, что решение пациент принимает самостоятельно, а роль врача заключается в исчерпывающем информировании (Elwyn et al., 1999: 202).

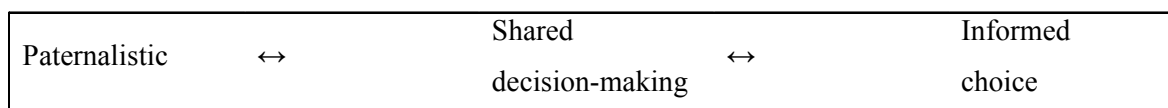

Рис. 1. Характер отношений между врачом и пациентом

Основываясь на наблюдениях за общением врача и пациента, Э. Эмануэль и Л. Эмануэль (Emanuel E., Emanuel L., 1992) выделяют четыре модели отношений между врачом и пациентом:

- патерналистская (paternalistic);
- информативная (informative);
- интерпретативная (interpretative);
- делиберативная (deliberative).

Суть патерналистской модели состоит в том, что интеракция между врачом и пациентом ориентирована на врачебное вмешательство, не предусматривающее активного участия пациента в процессе принятия решения о методах лечения. Врач анализирует состояние пациента, выбирает метод лечения и убеждает пациента в том, что выбранный метод оптимален. Патерналистская модель предполагает наличие общих для врача и пациента представлений о том, что выздоровление «любой ценой» является благом для пациента. Врач выступает представителем интересов пациента, а роль пациента в принятии решения относительно методов лечения минимизируется. Модель предполагает также, что после выздоровления пациент будет благодарен врачу, даже если он на определенном этапе лечения был против каких-либо методов, на которых врач в итоге настоял. В рамках данной модели вопрос выбора между возможностью пациента самостоятельно принимать решения и его благополучием решается в пользу последнего.

Основное отличие патерналистской модели от других заключается в том, что в ее рамках пациент практически не участвует в процессе принятия решения относительно методов лечения, в то время как в рамках других моделей пациент вовлечен в этот процесс. В рамках информативной модели врач предоставляет пациенту исчерпы-

вающую информацию о заболевании, методах лечения, побочных эффектах для того, чтобы пациент смог самостоятельно принять решение. Интерпретативная модель отводит врачу роль ментора, который помогает пациенту осознать его жизненные приоритеты и выбрать соответствующий метод лечения (если, например, речь идет о паллиативной медицине). В рамках делиберативной модели врач исчерпывающе консультирует пациента и рекомендует определенный метод лечения, оставляя, однако, право выбора за пациентом. Основные характеристики моделей отношений между врачом и пациентом представлены в таблице 1 (Emanuel E., Emanuel L., 1992: 2222).

Выводы теоретиков медицинской коммуникации, резюмированные в таблице 1, представляют собой наблюдения за этикой медицинского общения, которые, однако, при рассмотрении их сквозь призму дискурс-анализа предстают, с одной стороны, областью дискурсивности медицинского дискурса (в терминологии М.В. Йоргенсен и Л. Филлипс), с другой стороны, дискурс-строем патерналистского общения, в рамках которого разные дискурсы «борются» между собой за наделение смыслом узловых точек коммуникации (ср., например представление о роли врача). На основании этого, а также исходя из положения, что элементы патерналистской коммуникации могут быть идентифицированы в различных типах дискурса – бытовом, профессиональном, государственном (см. сферы изучения патернализма), с точки зрения коммуникативно ориентированного исследования мы рассматриваем данное явление как дискурс, а именно как *дискурс патерналистских отношений*.

В понимании дискурса мы исходим из точки зрения Э. Лакло и Ш. Муфф (Laclau, Mouffe, 2001; цит. по: (Йоргенсен, Филлипс, 2008) о том, что дискурс формирует социальный мир через значения. Значение, в свою очередь, не постоянно, т.к. язык находится в непрерывном изменении. Следовательно, ни один дискурс не завершен, они постоянно изменяются вследствие контакта друг с другом. Ключевой в этой теории служит идея о том, что различные дискурсы ведут борьбу за фиксацию значения в языке.

В рамках данного подхода дискурс трактуется как совокупность фиксированных значений в пределах специфической области. Все знаки внутри него Э. Лакло и Ш. Муфф называют *моментами*. Их значения закреплены посредством отличий друг от друга, т.е. значение отдельного знака определено его отношением к другим знакам. Дискурс сформирован благодаря частичной фиксации значений вокруг некоторых *узловых точек*.

Таблица 1

Основные характеристики моделей отношений между врачом и пациентом

Характеристики	Модели			
	<i>Информативная</i>	<i>Интерпретативная</i>	<i>Делиберативная</i>	<i>Патерналистская</i>
<i>Ценностные установки пациента</i>	Четко определены и точно известны пациенту	Не осознаны, нуждаются в разъяснении	Могут быть пересмотрены и изменены в процессе обсуждения	Объективны; известны и врачу, и пациенту
<i>Обязанности врача</i>	Предоставление релевантной информации и проведение выбранного лечения	Помощь в осознании и интерпретации ценностных установок пациента; предоставление релевантной информации и проведение выбранного лечения	Обсуждение ценностных установок пациента; предоставление релевантной информации и проведение выбранного лечения	Обеспечение благополучия пациента, независимо от его текущих пожеланий
<i>Представление об автономии пациента</i>	Выбор и контроль методов лечения	Понимание необходимости определения методов лечения	Моральное саморазвитие, необходимое в процессе лечения	Согласие на любые действия врача по реализации объективных ценностей
<i>Представление о роли врача</i>	Эксперт	Советник или наставник	Друг или учитель	Страж интересов

Узловую точку Э. Лакло и Ш. Муфф определяют как «привилегированный знак, вокруг которого упорядочиваются и приобретают свое значение другие знаки» (Йоргенсен, Филлипс, 2008: 57). В дискурсе патерналистских отношений, на наш взгляд, узловой точкой выступает знак «забота», вокруг которого выстраивается система значений таких знаков, как: «автономия», «самостоятельность», «дееспособность» и др. Они приобретают значение в связи с этим знаком.

Фиксация значений знаков и конституирование дискурса происходят за счет исключения всех других возможных значений знака, всех других способов, которыми знаки могут быть связаны друг с другом. Таким образом, дискурс предстает как ограничение возможностей, как «попытка остановить незаметное «скольжение» знаков по отношению друг к другу» (там же). Совокупность возможностей, которые дискурс исключает, авторы называют *областью дискурсивности*: «Область дискурсивности – это резервуар для «добавочных значений», возникающих в артикуляционной практике, т.е. значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определенным дискурсом ради создания единства значений» (там же). Дискурс патерналистских отношений в медицинском общении конституируется, на наш взгляд, за счет того, что он отграничивает себя от более мягких способов трактовки понятия «забота» в информативной, интерпретативной и делиберативной моделях, которые определяют ее не как непосредственное вмешательство в дела другого, а как информирование пациента о возможностях выбора между видами лечения и рисках, которые они влекут за собой.

По мнению М.В. Йоргенсен и Л. Филлипс, Э. Лакло и Ш. Муфф не достаточно четко определяют область дискурсивности. Остается неясным, как именно следует рассматривать область дискурсивности: как массу возможных значений или как структуру, возникающую в результате взаимодействия конкурирующих внутри нее дискурсов. Например, в медицинском дискурсе футбол не является темой разговора, но теоретически он может стать предметом разговора. Значит ли это, что элементы дискурса о футболе входят в область дискурсивности медицинского дискурса? Или скорее к области дискурсивности медицинского дискурса следует относить элементы дискурса об альтернативной медицине? Авторы предлагают называть все возможные исключенные конструкции значения (например, футбол по отношению к медицинскому дискурсу) *областью дискурсивности*, а ограниченный перечень дискурсов, которые «борются» на одной и той же территории за одни и те же узловые точки – *дискурс-строем*. Так мо-

дели медицинской коммуникации, представленные в таблице 1, иллюстрируют дискурс-строй медицинской патерналистской коммуникации.

Еще одним важным в данной теории является понятие *элемента*. Элемент – это знак, значение которого еще не зафиксировано, он имеет многочисленные потенциальные значения, т.е. он полисемичен. Дискурс «пытается» преобразовать элементы в моменты, редуцируя их полисемию до полностью фиксированного значения. Он устанавливает закрытость, временную остановку изменения значений знаков. Однако переход от элементов к моментам никогда полностью не завершается из-за разнообразия значений, вторгающихся из области дискурсивности. Таким образом, знак «забота» можно рассматривать как элемент, поскольку существует несколько альтернативных способов его трактовки. В патерналистском дискурсе элемент «забота» может быть редуцирована до момента путем однозначного определения, так же как и в оспаривающих его дискурсах.

Чтобы получить значение знака, редуцировать его полисемию, его необходимо расположить относительно других знаков. Это происходит посредством артикуляции. Э. Лакло и Ш. Муфф определяют артикуляцию как «любую практику, которая устанавливает отношение между элементами таким образом, что идентичность элементов меняется» (Йоргенсен, Филлипс, 2008: 59). Слово «забота» само по себе полисемично. Его идентичность определяется в процессе артикуляции посредством отношений к другим словам.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова (2011) дает следующие определения слова «забота»:

1) беспокойство, беспокойное, обременительное дело. *Жить без забот. Много забот у кого-н. Заботы по хозяйству;*

2) мысль или деятельность, направленная к благополучию кого-чего-н. *З. о человеке;*

3) внимание, попечение, уход. *Окружить кого-н. заботой.*

Патерналистская коммуникация как часть дискурса актуализирует второе значение знака «забота», а именно «мысль или деятельность, направленная к благополучию кого-чего-н.».

Дискурс организуется вокруг привилегированных знаков – узловых точек. Однако эти знаки сами по себе пусты. Они получают точное значение, только оказавшись вписанными в дискурс посредством артикуляционных практик. Отдельные знаки могут быть предметом «борьбы» нескольких дискурсов. Такие знаки Э. Лакло и Ш. Муфф называют изменчивыми знаками: «Изменчивые знаки –

это знаки, за которые «борются» различные дискурсы, чтобы наделять их значением своим особым способом» (Йоргенсен, Филлипс, 2008: 60). Если термин «узловая точка» относится к кристаллизации внутри дискурса, то термин «изменчивый знак» относится к конкуренции между различными дискурсами за фиксацию значения наиболее важных знаков. Например, понятие «забота» – это узловая точка в дискурсе патерналистских отношений и изменчивый знак в борьбе между дискурсом патерналистских отношений и либеральными дискурсами (см. таблицу 1).

Проиллюстрируем семиотическую организацию дискурса патерналистских отношений на примере следующего новостного сообщения, размещенного в социальной сети «ВКонтакте» и получившего широкий отклик пользователей.

Пример 19. Закон о комендантском часе
(текст: http://vk.com/topic-63575_20115131)

Дума приняла закон о «комендантском часе» для детей

Государственная дума в среду единогласно приняла в третьем, окончательном, чтении поправки в закон «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ». Речь идет об ограничении пребывания несовершеннолетних в общественных местах поздно вечером и ночью.

Нормы, внесенные в палату президентом РФ Дмитрием Медведевым, предоставляют субъектам РФ право определять перечень таких мест, где детям ночью запрещается быть без сопровождения родителей либо лиц, их заменяющих. К таким местам относятся игорные заведения, рестораны, кафе, бары, клубы, кинотеатры, иные помещения, используемые в сфере развлечений, а также улицы, парки, скверы, стадионы, общественный транспорт.

Поправками ко второму чтению регионам предоставлена возможность распространять эти ограничения на детей до 18 лет, а не до 14 лет, как предусматривалось концепцией законопроекта, и считать «недетским» временем промежутки между 22:00 вечера и 6:00 утра по местному времени.

При этом субъекты РФ получают право «снижать возраст, до достижения которого не допускается нахождение детей в ночное время в установленных местах (но не более чем на 2 года), и сокращать период ночного времени с учетом сезона года и климатических условий». Они также будут определять порядок уведомления родителей или органов внутренних дел об обнаруженном в неположенное время в неположенном месте ребенке и порядок возвращения его либо домой, либо в приют, если ребенок — сирота, сообщает ИТАР-ТАСС.

Согласно закону, для оценки предложений по определению мест, нахождение в которых может нанести вред физическому, духовному и нравственному развитию подростков, будут создаваться специальные экспертные комиссии. За попустительство нахождению несовершеннолетних в указанных местах предусматривается ответственность.

Как пояснила глава профильного думского комитета по вопросам семьи, женщин и детей Елена Мизулина, «главная задача новых норм — оградить ребенка от насилия и не допустить втягивания детей в различные преступления».

В качестве эксперимента «комендантские часы» действовали в 15 регионах страны. По данным главы МВД Рашида Нургалиева, по итогам 11 месяцев 2008 года в Липецкой области количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, сократилось на 11,6%, а в ночное время — на 4,5%. На 59,4% снизилось число преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних.

В данном тексте мы можем наблюдать, как минимум, два способа артикуляции статьи 14.1. закона «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ». Данный закон относится к т.н. патерналистским правовым нормам, под которыми А. ван Аакен понимает нормы, посредством которых государство вправе вторгаться в автономию граждан с целью обеспечения их благ или ограничения граждан от опасности (van Aaken, 2006: 134). Первый способ артикуляции воспроизводит данную патерналистскую модель регулирования социальных отношений, второй отражает критическое отношение к ней автора текста и некоторых прокомментировавших его пользователей. Иными словами, приведенное новостное сообщение и в особенности комментарии к нему являются ареной борьбы дискурсов — патерналистского и, скажем, делиберативного (по аналогии с моделями медицинской коммуникации) за наделение смыслом ряда изменчивых знаков. Данный процесс условно представлен в таблице 2.

Таблица 2

Дискурсивные элементы текста «Закон о комендантском часе»

<i>Моменты дискурса патерналистских отношений</i>	<i>Моменты делиберативного дискурса</i>	<i>Изменчивый знак</i>
<ul style="list-style-type: none"> • Предупреждение причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовно-му и нравственному развитию 	<ul style="list-style-type: none"> • Комендантский час • Руслан Богдан: Думаю, я немного перефразирую, запретить очень легко, а создать условия для жизни сложнее... 	<ul style="list-style-type: none"> • Цель законодательной инициативы (забота vs. запрет)
<ul style="list-style-type: none"> • Дети (лица, не достигшие возраста 18 лет) 	<ul style="list-style-type: none"> • Дети 	<ul style="list-style-type: none"> • Адресант законодательной инициативы (несовершеннолетние vs. дети)
<ul style="list-style-type: none"> • Меры по недопущению нахождения детей (лиц, не достигших возраста 18 лет) в ночное время в общественных местах 	<ul style="list-style-type: none"> • Ограничение пребывания несовершеннолетних в общественных местах • Запрет быть без сопровождения родителей либо лиц, их заменяющих 	<ul style="list-style-type: none"> • Суть законодательной инициативы (меры предосторожности vs. ограничение свободы)
<ul style="list-style-type: none"> • На улицах, стадионах, в парках, скверах, спортивных средствах общего пользования, на объектах <...>, где в установленном законом порядке предусмотрена розничная продажа алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе <...> 	<ul style="list-style-type: none"> • Игорные заведения, рестораны, кафе, бары, клубы, кинотеатры, иные помещения, используемые в сфере развлечений, а также улицы, парки, скверы, стадионы, общественный транспорт 	<ul style="list-style-type: none"> • Сфера действия законодательной инициативы (опасные общественные места vs. общественные места)
<ul style="list-style-type: none"> • Ночное время • Время с 22 до 6 часов местного времени 	<ul style="list-style-type: none"> • Поздно вечером и ночью • Ночью • «Недетское» время 	<ul style="list-style-type: none"> • Время действия законодательной инициативы (22:00 –06:00 vs. вечер и ночь)
<ul style="list-style-type: none"> • Количество преступлений <...> сократилось на 11,6%, а в ночное время – на 4,5% 	<ul style="list-style-type: none"> • Руслан Богдан: <...> Кстати уменьшение на 4-11% детской преступности, для меня не такой уж большой результат, это даже не сокращение вдвое.. 	<ul style="list-style-type: none"> • Эффективность законодательной инициативы (эффективна vs. малоэффективна)

Анализ процесса борьбы дискурсов целесообразно вести с опорой на первоисточник – закон «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ», который в силу его громоздкости мы не приводим, но читатель может легко найти его в любой юридической базе данных. В левой колонке таблицы приведены выдержки из данного закона, подвергшиеся реартикуляции в тексте новостного сообщения, продукт реартикуляции представлен в средней колонке. В правой колонке на основе сопоставления двух первых реконструированы соответствующие изменчивые знаки – те концепты, за которые ведут борьбу названные дискурсы. При этом узловыми точками, т.е. знаками, вокруг которых концентрируется смысл, следует признать цель и адресанта законодательной инициативы, поскольку все сказанное приобретает смысл в связи с ними. В дискурсе патерналистских отношений целью является забота («предупреждение причинения вреда»), которая, однако, оспаривается делиберативным дискурсом, сфокусированном на запрете, маскирующемся под заботу («запретить очень легко»). Данная цель обусловлена спецификой адресанта, под которым в дискурсе патерналистских отношений понимаются несовершеннолетние, а в оспаривающем его делиберативном дискурсе – дети. Следует отметить, что в философско-правовой концепции патернализма легитимными, т.е. оправданными с точки зрения закона, признаются патерналистские правовые нормы относительно несовершеннолетних и душевнобольных, поскольку ни те, ни другие не обладают самостоятельностью. Понятие «дети», в свою очередь, апеллирует к более эмоциональному восприятию событий, заставляя читателя представить на месте адресатов данной законодательной инициативы собственных или знакомых ему детей. Остальные знаки при рассмотрении их внутри соответствующего дискурса (чтение таблицы по вертикали) следует признать моментами, т.к. их соположение друг относительно друга создает временную закрытость значений. При сопоставлении знаков в двух текстах (чтение таблицы по горизонтали) они предстают элементами, т.к. оказываются вовлеченными в борьбу дискурсов и наделяются новыми значениями. Так, суть законодательной инициативы, мигрируя из дискурса патерналистских отношений в делиберативный дискурс, из мер предосторожности превращается в ограничение свободы, время действия из четкого временного промежутка (22:00 – 06:00) в размытое время суток «вечер / ночь», когда возможна любая привычная «легитимная» активность, которую закон запрещает, эффективность законодательной инициативы под-

вергается сомнению («количество преступлений сократилось на 11,6%» vs. «это даже не сокращение вдвое»).

Наблюдая за борьбой дискурсов в новостном сообщении и комментариях к нему, мы можем идентифицировать как минимум две разные практики артикуляции событий – реартикуляцию патерналистского порядка и артикуляцию нового, делиберативного, порядка. Так, реартикуляция происходит путем дословного цитирования положений закона, прямой речи одного из инициаторов названных поправок к нему и приведения статистики, размещенной в тексте без критического анализа. Новая артикуляция происходит путем размещения в названии текста одной из узловых точек нового дискурса («комендантский час»), синонимической замене в рамках косвенных цитат из закона («меры по недопущению» vs. «ограничение пребывания»), изменения актуального членения предложения (ср. перечисление сфер действия, где в первой колонке привычные, неопасные общественные места перечисляются в начале фразы, в то время как во второй колонке они закрывают перечисление, создавая ощущение абсурдности запрета).

Наблюдение за текстовым материалом позволило нам выдвинуть предположение о том, каким способом узловые точки и моменты дискурса патерналистских отношений оспариваются в делиберативном дискурсе, однако вопрос о том, как они замыкаются внутри дискурса, остался открытым. Решить его, пользуясь инструментарием, разработанным для анализа борьбы дискурсов, невозможно. В связи с этим целесообразно обратиться к понятию *дискурсивных практик*, под которыми Н. Фэрклоф понимает методы производства и интерпретации текста (устного или письменного) (Fairclough, 1993: 136). Однако, учитывая данную им выше в цитируемой работе трактовку дискурса как способа задания идеологических координат понимания текста (*ways of signifying areas of experience from a particular perspective*), мы здесь определяем дискурсивную практику как метод производства и интерпретации текстов и устных высказываний, который манифестирует определенный порядок социального взаимодействия.

Автор предлагает анализировать дискурсивные процессы с помощью трехмерной модели, включающей в себя текст / высказывание, дискурсивную практику создания и интерпретации этого текста / высказывания и социальную практику, частью которой является практика дискурсивная. При этом под социальной практикой в критическом дискурс-анализе так или иначе понимаются процессы распределения власти. Все компоненты модели связаны друг с другом: текст и социальная

практика соотносится посредством дискурсивной практики, которая при этом детерминирована природой социальной практики и определяет правила построения текста / высказывания, которые, в свою очередь, определяют пути своей интерпретации. Наложение трех этих перспектив позволяет рассматривать конкретные коммуникативные эпизоды как *дискурсивные события* – акты коммуникации, в которых одновременно актуализируются два и более типов дискурса (например, ТВ-шоу выступает одновременно и беседой, и шоу) и в которых с помощью коммуникативно-языковых средств коммуниканты не только общаются, но и манифестируют тот или иной социальный порядок.

Именно с точки зрения обнаружения этой надкоммуникативной патерналистской надстройки в исследовании (Белецкий, Куликова, 2011) нами был проанализирован корпус различного по своей природе языкового материала, включающий транскрипты собеседований при приеме на работу на немецком языке, эпизоды реалити-шоу, художественных фильмов, телеспектаклей, текстовый материал повседневного городского дискурса (объявления в общественных местах, общественные указатели, упаковки табачной и алкогольной продукции и т.п.), а также отдельные коммуникативные эпизоды из исследований медицинской и педагогической коммуникации. В результате анализа мы реконструировали ряд дискурсивных практик, конституирующих патерналистский порядок социального взаимодействия во всех рассмотренных сферах коммуникации. Эти практики мы назвали *макродискурсивными*. Они абстрактны по своей сути и призваны обозначить вектор коммуникативного взаимодействия на том или ином этапе его развертывания в плоскости идеологического диалога, который коммуниканты ведут незаметно для себя.

В моделировании макродискурсивной сферы патерналистского общения мы исходим из синтеза двух концепций патернализма – из понимания его сути как патрон-клиентного взаимодействия (Eisenstadt, Roniger, 1984; Радаев, Шкаратан, 1995; Афанасьев, 2000) и как ограничения свободы личности во имя ее благополучия, которое выражается во вторжении в ее автономию, т.е. ее способность действовать и принимать решения самостоятельно (Dworkin, 2005; Zude, 2006; van Aaken, 2006). Патрон-клиентное взаимодействие характеризуется обменом благ, которыми владеет патрон, на лояльность клиента: лояльность выменивается на блага, а блага, в свою очередь, на лояльность. С нашей точки зрения, лояльность как пресуппозиция коммуникации обуславливает возможность вторжения патрона в автономию клиента без особых на то причин. Однако, с точки зрения этики

права, такое вторжение может быть признано легитимным, только если оно происходит с целью избавления личности от опасности, которую она сама для себя представляет в силу своей *иррациональности*, т.е. «неверного, искаженного, неполного, иными словами, иррационального восприятия действительности» (БСЭ, 1972: 1333). При этом иррациональность, если рассматривать ее в плоскости межличностной коммуникации, предстает коммуникативным конструктом, субъективной категорией (то, что одну коммуниканту кажется иррациональным, другому может казаться вполне рациональным). Мы видим особенность патерналистской картины мира именно в представлении об иррациональности как об объективной категории, поскольку в альтернативных системах координат, в тех, например, что представлены в таблице 1, отношение к иррациональности другое, не влекущее непосредственного вторжения. И благом – также объективным – в патерналистском понимании следует признать собственную картину миру, лишённую того момента иррациональности, который приковал к себе внимание патрона, готового незамедлительно поделиться с клиентом собственной «правильной» перспективой восприятия действительности – дать совет, распоряжение, поделиться ценным опытом, предостеречь, пригрозить, запретить и в итоге, если слова не помогают, совершить за другого «правильное» действие, не оставив места «неправильному» поступку. Лояльность же клиента состоит в принципиальной готовности принять заботу – просить советов, распоряжений, интересоваться чужим опытом, позволять делать себе предостережения, угрозы, запреты или благодарить другого за совершенное от его имени действие.

Итак, описанные выше фреймы складывают в одно целое посредством следующих макродискурсивных практик:

- актуализация симптома иррациональности;
- атрибуция иррациональности другому;
- обработка иррациональности;
- конструирование статуса дискурса патерналистских отношений как состоявшегося или опровергнутого.

Непосредственное вторжение в автономию другого мы рассматриваем в качестве момента не дискурсивной, а социальной практики, пусть даже он реализован вербально (например, практика исправления удара). При этом вторжение как практика вплетается в дискурсивную обработку иррациональности, которая, в свою очередь, встраивается в атрибуцию иррациональности, а последняя интегрируется с актуализацией симптома иррациональности. Иными словами,

данные дискурсивные практики вложены друг в друга (вертикальные практики). Они могут реализовываться последовательно от актуализации симптома иррациональности до вторжения, а могут быть задействованы все разом, пересекаясь в одной точке. Их аналитическое расчленение возможно путем изучения *микродискурсивных практик* – коммуникативно-языковых средств, манифестирующих отдельную макродискурсивную практику. Они, в отличие от макродискурсивных практик, осознаются коммуникантами как отдельные коммуникативные действия, ратификацией или отвержением которых разговор продолжается, а дискурс патерналистских отношений подтверждается или опровергается. Интерактивные механизмы общения используются дискурсом как отдельная дискурсивная практика (горизонтальная), вплетающаяся в «тела» остальных практик.

На уровне конкретной коммуникативно-языковой организации общения микродискурсивные практики предстают последовательностями коммуникативных действий (*sequences of action*), которые, согласно теории конверсационного анализа, служат материальным субстратом какой-либо деятельности (*activity*). Для такой деятельности, равно как и для серий коммуникативных действий ее составляющих, не всегда есть готовое название в языке (Schegloff, 2007: 8). Так, например, актуализация симптома иррациональности происходит, среди прочего, путем повторения части коммуникативного вклада собеседника, которое, однако, является не согласием с его точкой зрения, как обычно бывает при повторах, а сигналом несогласия. Для данного коммуникативного действия нет специального обозначения, в то время как для повтора в качестве сигнала согласия специальное слово есть – «поддакивание». В связи с этой особенностью аналитического подхода мы дали собственные названия некоторым из микродискурсивных практик. Другие же практики по своему стратегическому характеру удалось сопоставить с привычными коммуникативными действиями (например, запрет, объяснение), но не следует отождествлять их с одноименными речевыми актами. В нашем случае это явления интерактивного характера, порой включающие в себя не одну мену коммуникативных ролей, сопровождающиеся вставочными смежными парами, риторическими приемами и т.п. феноменами. Поэтому когда мы говорим, например, о запрете, мы говорим обо всем комплексе коммуникативных действий, к которыми прибегли коммуниканты, чтобы договорится о том, что один из них другому что-то запретил.

Проанализированный материал позволил выделить следующие микродискурсивные практики в рамках макродискурсивных:

- переосмысление источника коммуникативной проблемы как симптома иррациональности путем а) повторения части источника проблемы; б) перефразирования источника проблемы; в) резюмирования фрагмента коммуникации, содержащего источник проблемы; г) непосредственного введения проблемного компонента;

- атрибуция иррациональности путем а) упоминания; б) подчеркивания; в) разъяснения;

- обработка иррациональности путем: а) объяснения; б) раскрытия значений; в) трансфера знаний; г) запроса на разъяснение; д) предоставления вариантов понимания; е) запрета; ж) рефлексии; з) помещения проблемного компонента коммуникации за границы рационального;

- конструирование статуса дискурса патерналистских отношений путем а) ратификации его как состоявшегося; б) оспаривания значений его узловых точек другими дискурсами.

Следует заметить, что дискурсивный характер названные виды коммуникативной деятельности приобретают от соположения друг с другом по мере создания дискурсом своей закрытости и наделения значениями узловых точек коммуникации. Так, например, трансфер знаний, не сопровождаемый атрибуцией иррациональности, нельзя признать микродискурсивной практикой патернализма. Однако, если другого при этом «тычут носом» в незнание, то, вполне вероятно, тем самым задаются патерналистские рамки общения.

Обратимся к примерам.

Пример 20. Also PSYchosomatisch

(транскрипт: <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/fileadmin/dateien/heft2006/ga-birkner.pdf>, S. 154)²

01 Z: SO. (---) wie häufig kommt=s VOR,

² Здесь и далее данные представлены в соответствии со стандартами немецкой системы транскрипции устной речи (Selting, 1998). Транскрипционные знаки см. в приложении.

02 diese diese diese SCHMERzen;
 03 f: (.) also wenn sie jetzt' SAG=n mer mal so;
 04 wieviel <<rhyth> tAge im schnItt in der wOche>
 05 sind sie schmErzFREI. (1.18)
 06 BL: ganz EHRlich;
 07 =ich dEnk (au) dass es so bisschen
 08 PSYchosomatisch isch mit der knirscherEI,
 09 und (wenn) ich besonders (.) ARG (.) KNIRSCH? (.)
 10 Z: hm=hm,
 11 BL: dann hab ich=s TÄGlich.
 12 (h)hh (0.79)
 13 un: da ich momentan (.) ziemlich im STRESS bin,
 14 hab ich des also seit zwei wochen kontinuIERlich.
 15 des kann ich [Sagn.]
 16 Z: [gut.]
 17 (0.97)
 18 also PSYchosomatisch,
 19 das hieße aber' das is was ANderes;
 20 das hieße dass sie psychische proBLEme haben; (-)
 21 die [dann]
 22 BL: [psychisch] STRESS momentan.
 23 Z: JA;; aber PSYchosomatisch is dann eher'
 24 (und) nich nur STRESS, das wär dann was ANderes.
 25 das wär dann richtig psychische erKRANKungen, (.)
 26 die sich dann aber manifesTIERen in der k' im körper.

В данном коммуникативном эпизоде, заимствованном нами из исследования субъективных описаний болезней (Birkner, 2006: 167-168), стоматолог (Z от нем. «Zahnarzt») просит пациентку (BL) описать беспокоящие ее боли. При описании она указывает на их психосоматический характер (psychosomatisch), что для стоматолога становится проблемным моментом коммуникации, который он пытается «починить», разъясняя пациентке смысл слова «психосоматический» поучительным тоном («Belehrung» у автора статьи). В то же время на дискурсивном уровне общения участники договариваются о патер-

налистской модели медицинского обследования, в которой ключевая роль отведена врачу. Симптомом иррациональности является произнесенное пациенткой в строке 8 прилагательное «PSYchosomatisch». В следующем коммуникативном ходе стоматолог тематизирует симптом иррациональности, повторяя данное прилагательное и маркируя его при этом довольно долгой паузой (0,97 с.), призванной сигнализировать «проблемное» содержание последующего хода, и вводным словом «also», которое зачастую используется для введения противоположной точки зрения. Атрибуция иррациональности пациентке ведется стоматологом одновременно с ее обработкой – в рамках одной и той же последовательности коммуникативных действий, объединенных синтаксическим параллелизмом (das hieße). В строке 19 он дает весьма размытое безличное определение того, что следует понимать под психосоматической причиной болезни (собственно трансфер знаний). В строке 20 он переформулирует данное определение, делая его более конкретным и адресованным лично пациентке (атрибуция иррациональности через микродискурсивную практику подчеркивания иррациональности), которая, в свою очередь, возможно, из соображений сохранения лица пытается переформулировать данную ею ранее версию, перебивая разъяснения стоматолога (пытается опровергнуть патерналистскую тональность). В итоге стоматолог в своем следующем коммуникативном ходе максимально деэвфемизирует толкование термина, «выворачивая» наизнанку вторую ошибочную трактовку пациентки (использует слово «STRESS» в том же супрасегментном исполнении, что и в ее ходе), словно передразнивая ее, и тем самым заставляет пациентку потерять лицо окончательно, т.е. он совершает акт коммуникативного подчинения. Здесь, на наш взгляд, такой обширный вставочный пассаж призван не внести ясность в диалог, а подчеркнуть на дискурсивном уровне ролевое неравенство коммуникантов. Микродискурсивные практики повтора симптома иррациональности, трансфера знаний и подчеркивания иррациональности превращают данный коммуникативный эпизод в дискурсивное событие, создавая замкнутость внутри патерналистской модели.

Коммуникативное взаимодействие врача и пациента неизбежно асимметрично в силу того, что это – коммуникация между профессионалом и дилетантом, разницу компетенций которых невозможно нивелировать. На фоне актуализации институциональной ролевой пары «врач-пациент» в ходе вербального взаимодействия происходит конструирование ситуативной ролевой пары «эксперт-дилетант». В

рамках данных моделей обхождение с очевидным ролевым неравенством строится по-разному. Менее патерналистичные модели медицинской коммуникации придерживаются *принципа диалогической симметрии*, согласно которому и врач, и пациент располагают приблизительно равными возможностями ведения разговора и развития важных для себя тем, обсуждения целей коммуникативного взаимодействия и выбора соответствующих форм коммуникации. Принцип диалогической симметрии не предполагает наличия у врача и пациента равных возможностей в построении диалога. Он предполагает, что и у врача, и у пациента есть принципиальная возможность участвовать в диалоге, который, однако, остается асимметричным по своей сути. В связи с этим, А. Керфер различает *функциональную и дисфункциональную асимметрию* коммуникативных ролей врача и пациента (Koerfer, 2008: 42). Любой диалог функционально асимметричен: в разговоре кто-то неизбежно должен говорить, а кто-то слушать. Никто из вовлеченных в коммуникативный процесс не ожидает, что оба коммуникативных партнера будут одинаково много говорить и слушать, спрашивать и отвечать, рассказывать и переспрашивать, предлагать и соглашаться и т.п. Дисфункциональная асимметрия возникает в случае, если один из коммуникативных партнеров «злоупотребляет» некоторыми подчиняющими по своей коммуникативной функции действиями (перебивание, смена темы, недооценка и т.п.), т.е. дисфункциональную асимметрию можно рассматривать как привнесенную асимметрию, как подчеркнутое ролевое неравенство. В основе патерналистского коммуникативного взаимодействия лежит дисфункциональная асимметрия коммуникативных ролей эксперта и дилетанта.

После такой «расстановки сил» потенциально возможно любое одностороннее вмешательство стоматолога в автономию пациентки — ему решать, от какой боли она страдает, как ее от этой боли избавить и что ей не помешало бы выучить, прежде чем прийти на осмотр к врачу, поскольку сам факт успешно совершенной атрибуции иррациональности в патерналистской логике легитимирует последующее вмешательство.

Как именно происходит патерналистское вмешательство на дискурсивном уровне, рассмотрим на примере из исследования (там же: 43). В нем пациент весьма преклонного возраста рассказывает врачу о своем желании быть прооперированным. Врач считает операцию крайне нежелательной и обходится с желанием пациента патерналистично.

Пример 21. Meinen sie gar nicht?
(транскрипт: <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/fileadmin/dateien/heft2008/ag-koerfer.pdf>, S. 43)

01 A: wissen sie es ist bei ihnen am herzen nicht so ganz\
02 und die narkosekollegen sagen natürlich mit recht wenn
03 es nicht sein muss warum denn
04 P: <<erschrocken> ja meinen sie gar nicht>
05 A: und der stuhlgang der klappt ja
06 P: ja ja ja

В данном дискурсивном событии врач единолично принимает решение о непроведении операции. Он не считает нужным аргументировать свою позицию. Вместо этого он озвучивает мнение врачей-наркологов, не считающих проведение операции необходимым, и вместе с тем исключает возможность обсудить вопрос еще раз в силу отсутствия наркологов «здесь и сейчас». При этом он пользуется микродискурсивной практикой разъяснения иррациональности. Попытка пациента продолжить обсуждение (оспорить дискурс) жестко пресекается дисфункциональным введением новой темы в строке 5, которое можно рассматривать как имплицитный необсуждаемый запрет. Пациент принимает свою дискурсивную роль, включаясь в обсуждение новой темы и отступая тем самым от своего видения методов лечения (соконструирует дискурс как состоявшийся).

В медицинском дискурсе в силу распределения ролей между его участниками роль патерналиста отводится врачу, однако, это не значит, что патерналистское действие иницируется и совершается одним и тем же участником коммуникации. В следующем коммуникативном эпизоде оно иницировано со стороны клиента института.

Пример 22. Schreiben=se lieber nich rEin
(аудио: из личного архива автора)

01 I: mhm, (-) 'h <<f>so.=und was machen sie sOnst noch?>
02 <<p>vOlleyball, (.) tEnnis, (.) ski,> <<murmelt>
03 'h was is <<staccato>callan::Etic:s:?> (.)
04 [(was=s das?)]
05 B: [<<lachend> das] fragt jEder; (.) ich glaub ich
06 schreib das nich mehr in die 'h (.)
07 [bewErbung mit rei:n?> ((lacht))]
08 I: [nee; schreiben=se lieber nich rEin];
09 ((allgemeines Lachen))
10 I: bei so was wird Immer gefragt.
11 (allgemeines Lachen)
12 B: 'h <<p, lachend>das is also eine: speziElle gymNAstik;>
13 für die (.) proBLEMzonen der frAu?=>
14 ((lacht))
15 I: [alles klAr.] (-) gut, (-) denn fragen=wer nIch weiter;
16 [((lacht))]
17 B: [<<lachend>gut>]

В данном коммуникативном эпизоде интервьюер (I от нем. «Interviewer») читает автобиографию соискательницы (B от нем. «Bewerberin») и в рубрике «Хобби» «спотыкается» о неизвестный ему вид спорта, после чего просит соискательницу объяснить ему, что это такое. С точки зрения коммуникативного взаимодействия, соискательница предваряет свое разъяснение специальной вставочной конструкцией, называемой в разговорном анализе «pretelling», которую используют для того, чтобы отодвинуть ответную реплику. В данной конструкции содержится имплицитный запрос совета, который она получает в ответной реплике интервьюера. Затем он после общего смеха продлевает свой коммуникативный ход комментарием, содержащим трансфер знания о нормах проверки резюме. Далее после повторного общего смеха соискательница объясняет, что представляет собой упомянутый интервьюером вид спорта.

Если рассматривать данный коммуникативный эпизод как субстрат патерналистского дискурса, то можно заметить, что соискатель-

ница интерпретирует замешательство интервьюера при чтении незнакомого слова (читает по слогам и с вопросительной интонацией <<staccato>callan::Etic:s:?)>, актуализируя микродискурсивную практику повтора) как симптом иррациональности и упреждает ее атрибуцию ликосберегающим актом самоуничтожения, реализованным в предваряющей ответ конструкции (das fragt jEder). В свете дискурсивного взаимодействия данное коммуникативное действие можно рассматривать как субстрат микродискурсивной практики атрибуции иррациональности через ее упоминание. В следующей конструкционной единице хода она предлагает решение своей рекуррентной проблемы, которое интервьюер в контексте ликосберегающей коммуникации обязан одобрить, что он незамедлительно делает в форме совета, реализованного вежливым императивом, и в то же время обрабатывает ее иррациональность, пользуясь микродискурсивной практикой запрета. Он по ее просьбе запрещает впредь ей вписывать данный вид спорта в автобиографию. Далее он расширяет актуализированное соискательницей коммуникативное неравенство в дискурсивное и занимает позицию эксперта, осуществляя трансфер знания в строке 10 и легитимируя тем самым свое вмешательство в дела другого. Ответом на изначальный вопрос соискательница ратифицирует не только его коммуникативный ход, но и весь курс его дискурсивного поведения и тем самым дискурсивную составляющую общения.

Собеседование при приеме на работу, подобно медицинской коммуникации, является институциональной разновидностью общения с заданным коммуникативным неравенством партнеров, что предопределяет возможность патерналистской надстройки над коммуникативными ролями интервьюера и соискателя. Однако в собеседовании, в отличие от медицинской консультации, проблема рациональности / дееспособности не детерминирует общение и не оформляет его в какую-либо особую модель коммуникации. Глобальной целью данной институционализированной формы общения служит отбор подходящих на вакантные должности кандидатов. Глобальная цель общения детерминирует коммуникативное поведение его участников: соискатель придерживается стратегии позитивной самопрезентации, интервьюер – стратегии критической проверки (Birkner, 2001: 4). Поэтому интервьюеры прибегают к техникам выявления «искренних» ответов, т.е. таких, которые заранее не ориентированы на то, чтобы понравиться интервьюеру. Основной техникой при этом является создание легкой, непринужденной, доверительной атмосферы и равноправия коммуникативных партнеров (там же). Иными словами, это

одна из стратегических задач интервьюера. В проанализированном корпусе мы обнаружили коммуникативные эпизоды, в которых интервьюеры прибегали к средствам патерналистской коммуникации с целью создания доверительного разговора – как если бы разговор велся наставником и стажером.

Приведем фрагмент транскрипта, в котором интервьюер убеждает соискательницу в необходимости начать профессиональную деятельность в банке в отделе по работе с клиентами, а не с непосредственной занятости в отделе по работе с юридическими лицами, как она это себе представляет, т.е. обрабатывает симптом иррациональности, названный нами «неразумное желание».

Пример 23. Wertpapier (аудио: из личного архива автора)

001 B: (2,3) und (-) ich bin natürlich gerne bereit; (.)
002 dann (.) noch nen bisschen (-) praktikum zu machen,
003 (.) kein problem, (-) wenn sie das gerne; (1,4)
004 anstreben (-) würden.
005 [<<cresc>um dann nochmal genau],
006 I: <<f>[also sie sagt aber] (1) <<acc>tschuldigung.>
007 B: in wertpapiere; nochmal bisschen reinzuriechn? (1)
008 I: 'h (0,9) ja. (-) wertpapier (-) <<f>[also es gibt]
009 B: [ansonstn]
010 I: eine ganz (.) ganz (.) ganz (.) wichtige (-)
011 funktion>. das haben sie noch nicht; (-) ganz begriffen
012 (-) aber das=ist=eh (0,9) werden (.) sie dann
013 begriffen; (0,6) begriffen; (0,9) <<rall>wenn: sie (-)
014 das nicht können> (.) es gibt eine funktion, (-) das
015 ist das (.) beratungs (.) und serviceteam. (1)
016 B: mhm; (-)
017 I: 'h (-) ehm (1,2) alle bewerber (-) reden natürlich
018 immer von (.) kreditabteilungen; (.) von
019 firmenkundengeschäft; (1,7) von=eh:m (1,5)
020 individualkundenbereich; (-) von (1) alles
021 möglichem. (1) aber (0,6) <<rall>das grundlegende

022 (-) bankgeschäft>. (1,7) eh (-) die (.)
 023 schAltertätichkeit; (.) <<dim>wie sie immer so schön
 024 gesacht hat>? (1) ehm (-) also das (-) berAtungs und
 025 serviceteam. (-) <<f, acc>nicht nur das
 026 kOntoauszügerausgeben; (.) das lernt man ziemlich
 027 schnEll; (-) aber> (1) eh das (-) berAtn des kundes?
 028 (0,9) des kundn; (.) bei - wE:ni:ger:; (-) bei
 029 <<acc>klEineren>; (0,6) nicht so [fürchterlich],
 030 B: [mhm]
 031 I: schwierigen (-) produktn; (-) also (-)
 032 I: bOnussparvertrach; (0,7) oder (.) bei (-)
 033 sparverträgn; (.) bei fEstgeldern; 'h bei herausgabe
 034 (-) von (.) schEcks; (1,4) 'h ehm (-) <<acc>gut da
 035 muss man nicht viel berAtn>; (-) aber auch (-) dAs
 036 (.) muss man; (-) irgendwIe, (0,6) freundlich (-)
 037 rüberbrIngn. (0,6) bei:m: (-) verkaufn (-) einer (-)
 038 EUrocard, (1,6) beim (1) eh (-) wie läuft eigentlich
 039 nen (.) überwEisungsvorgang; (0,6) eh: (-) wie (-)
 040 was wird (.) mit dIeser liste; (.) und mit jEner
 041 liste gemacht; (-) wie wird (.) disponIe:rt? (0,8)
 042 'h ehm (0,8) wo läuft dIeses hin, (.) und wo läuft
 043 jEnes hin; (-) und weiß der=eh solche (.) ganzn (-)
 044 grUndlegenden (.) dinge; (.) wie mach ich (-) nen
 045 klEinkredit? (2) ehm (0,9) <<f>dAs> müssen (.) sie
 046 alles (-) mal gesEhn (-) und auch mal geMACHT habn?
 047 (0,6) oder (-) wie geb ich ne lAstschrift zurück?
 048 und all solchn [krAm;]
 049 B: [nee ist] klAr, (0,6)
 050 I: <<f>wenn sie (.) dAs (-) nicht (-) können> (0,9) das
 051 wird ihnen (-) Immer (-) anhängn, (0,7) später, (1)
 052 wenn (.) sie mal Irgendwo; (0,7) nen stock höher;
 053 (0,7) oder (.) auch (-) so irgendwo (-) als (.)
 054 <<cresc>individuAlkundenbetreuer> sitzn; (1) 'h denn
 055 (-) die lachn sie alle Aus, (-) wenn sie (.) da noch

056 (-)[nIe] was von gehört [habn.] (-)
 057 B: [mhm] [stimmt]
 058 I: h so dEswegen (0,9) nicht das (-) wErtpapiergeschäft
 059 (.) fehlt ihnen, sondern (.) diese grUndlegende (-)
 060 sache. (1) 'h auch (.) wenn sie da (-) am Anfang,
 061 (0,6) mit GROLLn reingehn, ((lacht)) und sagt hm das
 062 ist so hm hm <<acc>kontoauszüge einsortIern und so
 063 weiter; (1) 'h bislAng (1) hab ich immer (.) Alle
 064 überredet, (-) das zu mAchn, (1,4) und bislang ham
 065 mir alle (-) denn immer nach (.) ein zwei jahn auch
 066 rEcht gegeb, (0,9) das war gUt, (.) also dIeses,
 067 vOrlauf; nä?
 068 B: =ich denk mal [das ist doch] schon mit bEi, (-)
 069 I: [das war gUt,]
 070 I: ja (.) nee (-) [nicht] Unbedingt; (.) das=[eh]
 071 B: [nä?] [nee?]
 072 ((lacht)) (0,6)
 073 I: das war gUt, (0,9) dass (-) das\ gemAcht [wurde.]
 074 B: [und das]
 075 ist auch [rIchtich], das seh ich [auch völllich Ein.]
 076 I: [nä?] <<cresc> [so denn]
 077 das trainEeprogramm>, eh oder (1,2) d\ d\ der
 078 Ablaufplan beginnt im grunde ab erstn sIebtn erst.
 079 [dat is] wirklich
 080 B: [mhm]
 081 I: nen vOrlauf, (-) [das] machn ja nicht Alle. (-)
 082 B: [mhm]
 083 I: 'h so und (-) bei IHnen? (0,7) studium Ohne
 084 banklehre? (-) ist das sch\ (-) noch wIchtiger. (.)
 085 also (0,7) eh normAlerweise (0,9) <<acc>müssn wir
 086 sAgn>; VIERTeljahr? (2,7) be es tE, <<lachend>heißt
 087 das> bei uns, [jetzt kommt] auch so=ein (-)
 088 B: [mhm]
 089 I: fürchterlicher begriff, (.) also kUnden[center];

090 B: [((lacht))]

091 I: (0,9) 'h kommt von dEr; (0,7) be vAu; (-) das:>

092 berAtungs (-) und service\team? (1) da vOrschaltn.

093 (0,8) das sollte (.) man schon tun, (1,8)

094 B: ta\ da <<acc>ich hab gedAcht? das ist schon so:>

095 geplant, (-) [also]

096 I: [schon klar] ja okAy. mhm,

097 B: damit hab ich kein problEm [((lacht))] ich dEnk mal;

098 I: [mhm;]

099 B: das muss ich auch wissn; (-) [wie] das alles läuft,

100 I: [mhm]

101 B: [das ist natürlich] klar, und wenn das

102 I: [(.....)]

103 B: [nun nicht kAnn];

104 I: [und dAzu]; <<dim>würd ich das auch benÜtzn>.

105 (0,9) das wäre schon ganz gUt, (0,9) 'h und je

106 länger sie (.) das machn, (.) desto (1,2) dAnkbarer

107 (-) sind (-) sInd (.) sie mir dann

108 <<lachend>Irgendwann> mal, [dass ich sie]

109 B: [mhm]

110 I: dazu überrEdet habe, (0,9) weil (-) das ist (-) Echt

111 (0,7) echt (.) wIchtig. (0,7)

112 B: mhm, (1)

113 I: weil das (.) fEhlt ihnen nachher alles. (1,5)

114 B: das ist völllich klAr, (-) <<acc>ich hab (0,6) also

115 da (-) gar nicht dran gedAcht; (.) ich dAchte; das

116 ist so und so schon ge[plAnt,]>

117 I: [mhm] ja, ist okAy. hab ich

118 (-) auch (-) so (-) verstAndn.

После актуализации иррациональности представления соискательницы о работе в банке путем повторения части предшествующего коммуникативного вклада соискательницы (wErtrapiert) интервьюер начинает дискурсивную обработку ее иррациональности. При этом он обращается к комплексу приемов убеждения. Следует отметить, что

сам он определяет свое коммуникативное поведение на данном этапе коммуникативного взаимодействия как убеждение (bislAng (1) hab ich immer (.) Alle überredet).

С целью убеждения соискательницы в том, что она заблуждается в своих представлениях, интервьюер последовательно конструирует соответствующую микродискурсивную практику через следующие последовательности коммуникативных действий:

описывает текущее положение дел, т.е. иррациональное представление соискательницы о работе в банке (das ham sie noch nicht; (-) ganz begriffen), уподобляя его представлению других соискателей (Alle bewerber (-) redn natürlich immer von (.) kreditabteilung; (.) von firmenkundengeschäft; (1,7) von=eh:m (1,5) individukundenbereich; (-) von (1) alles möglichem.);

описывает желаемое положение дел (021-063), суть которого он выражает фразой, содержащей компонент директивности: «das müssen (.) sie alles (-) mal gesehen (-) und auch mal gemacht haben?»;

имплицитно указывает на способ достижения желаемого положения дел (h so deswegen (0,9) nicht das (-) wertpapiergeschäft (.) fehlt ihnen, sondern (.) diese grundlegende (-) sache.);

апеллирует к собственному авторитету в вопросах «устройства» профессиональной судьбы молодых специалистов ('h bislang (1) hab ich immer (.) Alle überredet, (-) das zu machen, (1,4) und bislang ham mir alle (-) denn immer nach (.) ein zwei jahren auch recht gegeben, (0,9) das war gut);

прибегает к эксплицитно патерналистской аргументации, т.е. убеждает соискательницу, что его предложение в долгосрочной перспективе соответствует ее интересам, хотя и противоречит сиюминутным желаниям ('h und je länger sie (.) das machen, (.) desto (1,2) dankbarer (-) sind (-) sind (.) sie mir dann <<lachend>Irgendwann> mal, dass ich sie dazu überredet habe.);

описывает сценарий возможного развития событий – он говорит о проблемах, которые могут возникнуть у соискательницы в дальнейшем, если иррациональность ее решения не будет устранена сейчас, на данном этапе коммуникативного взаимодействия: «<<f>wenn sie (.) das (-) nicht (-) können> (0,9) das wird ihnen (-) immer (-) anhängen, (0,7) später, (1) wenn (.) sie mal irgendwo; (0,7) nen stock höher; (0,7) oder (.) auch (-) so irgendwo (-) als (.) <<cresc>individukundenbetreuer> sitzen; (1) 'h denn die lachen sie alle aus, (-) wenn sie (.) da noch (-) nie was von gehört haben.».

Процесс дискурсивной обработки иррациональности складывается из последовательного применения стратегической аргументации,

реализованного сложным набором коммуникативных действий, выступающих материальным субстратом дискурса патерналистских отношений, который окончательно замыкается в момент его ратификации соискательницей в строках 114-116.

Как мы смогли убедиться, патернализм – при рассмотрении его с позиций лингвистических подходов – предстает дискурсом. Дискурс патерналистских отношений через соответствующие дискурсивные практики устанавливает закрытость смыслов как внутри макродискурсивной сферы (макродискурсивные практики), так и в рамках отдельно взятого дискурсивного события (микродискурсивные практики). Узловыми точками патерналистского общения являются такие понятия, как забота, иррациональность, благо, автономия. При этом под заботой понимается интеграция другого в собственную перспективу реальности, поскольку отличная от нее перспектива полагается иррациональной и потому способной нанести вред ее созерцателю. Дискурсивные практики патернализма циркулируют в разнообразных контекстах общения, среди которых и институциональная коммуникация. В медицинском дискурсе патерналистская модель долгое время была ведущей в общении врача и пациента и потому хорошо изученна. В другие сферы институционального общения, где рациональность / дееспособность не является ключевым понятием, патерналистская коммуникация проникает в силу предустановленной коммуникативными жанрами асимметрии коммуникативных ролей участников как профессиональных и непрофессиональных участников общения.

Подводя итог сказанному, заметим, что проблематика дискурсивности патернализма не ограничена лишь описанием конституирующих его макродискурсивных практик как этапов построения патерналистской коммуникации и микродискурсивных практик как конкретных коммуникативных действий по их реализации. Она намного шире и включает в себя такие аспекты, как коммуникативные пространства и контексты его реализации, жанры и стратегии, параметры и ситуация общения, которые, однако, нуждаются в отдельном исследовании.

РАЗДЕЛ 3

Дискурсивные практики конструирования авторитетности в жанре научного доклада

«Дискурс проявляется в виде жанров, которые представляют собой исторически обусловленные форматы коммуникативного поведения. Дискурс предполагает сознательное и помимо-вольное позиционирование участников общения и строится как драматургическое образование. Участвуя в дискурсе, коммуниканты вырабатывают свой стиль, в котором раскрываются их социальные и личностные характеристики»

(Карасик, 2007: 353)

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть и проанализировать дискурсивные практики конструирования авторитетности в академическом общении на примере коммуникативного жанра научного доклада.

Коммуникация представляет собой сложный процесс, в рамках которого создаётся многомерная сеть отношений между общающимися. Любое коммуникативное взаимодействие в институциональных рамках либо в быту может быть рассмотрено как борьба или как игра, нацеленная на доминирование и подчинение. Каждый раз, когда общаются двое или более человек, конструируются отношения власти, доминирования и актуализируются статусы актантов (Kiesendahl, 2011: 42). В каждом коммуникативном эпизоде кто-то оказывается более компетентным, одерживает верх или находится в зависимом положении, является скорее активным или пассивным. В процессе коммуникации люди постоянно, хотя и не всегда осознанно, принимают определенные позиции и конструируют таким образом свой статус (Олешков, 2013: 156). Феномен социального статуса становился предметом многочисленных исследований, в первую очередь в социальных науках (Owens, Neale, 2003; Staehle, 1999). В теории коммуникации в качестве ре-

сурса, позволяющего конструировать социальный статус, существует коммуникативная категория авторитетности, которая может быть рассмотрена как «способ маркирования динамики своей социальной позиции в сторону повышения относительно позиции собеседника или позиции объекта (темы) коммуникации» (Шилихина, 2008: 186).

Сущностными характеристиками коммуникативной категории авторитетности, согласно работам таких исследователей, как В.Б. Кашкин, А.А. Болдырева, Я. Кизендаль, К.М. Шилихина (Болдырева, Кашкин, 2001; Кашкин, 2007; Кашкин, 2008; Шилихина, 2008; Kießendahl, 2011), являются следующие.

1. Любое высказывание в той или иной мере связано с авторитетностью. Подобно тому, как, по мнению П. Вацлавика, человек не может не общаться, можно отметить, что человек не может не конструировать свой статус, не может не создавать или разрушать авторитетность свою, своих высказываний и высказываний собеседника, этот процесс носит перманентный характер.

2. Категория авторитетности диалогична по своей сути, она конструируется совместно коммуникантами в процессе общения, «только одобренная собеседником, либо признанная социумом авторитетность возможна как таковая» (Кашкин, 2008: 7).

3. В каждом конкретном фрагменте дискурса участники коммуникативного процесса актуализируют свою идентичность, прикладывают усилия для упрочнения своих позиций. Категория авторитетности не является константной, она динамична.

4. Авторитетность не обладает языковой категоризацией, ее реализация выходит за рамки грамматических средств.

5. Выражение коммуникативной категории авторитетности, согласно В.Б. Кашкину, возможно через следующие дискурсивные маркеры: словесные метакоммуникативные (универбы, коннотации внутри семантики слова, словосочетания), фразовые (например, вводные предложения), текстовые (нарратив, позволяющий сделать вывод об авторитетности и доверии), интертекстовые (ссылка на прецедентный текст), интонационные и фонетические (ударение), невербальные знаки (корона, гербовая печать, подпись, логотип фирмы и т.д.).

В данной работе мы подробно остановимся на дискурсивных практиках конструирования авторитетности в академическом общении. Номинация «академический дискурс» употребляется в данном исследовании для обозначения всей совокупности коммуникативных явлений в рамках взаимодействия субъектов научной и педагогиче-

ской сфер деятельности. Академический дискурс понимается нами как коммуникация между членами академического сообщества, а именно учеными-исследователями, преподавателями и студентами, по векторам вертикального и горизонтального взаимодействия в рамках соответствующих коммуникативных жанров.

Многочисленные авторы отмечали, что дискурсивное конструирование авторитетности относится к основным интенциям академической коммуникации, наравне с формулированием новых знаний и устно-вербальным и вербально-текстовым трансфертом научных сведений. По мнению А.А. Болдыревой, «авторитет является сущностным свойством научного познания», а его становление происходит «в результате информационного взаимодействия субъектов научно-познавательной деятельности» (Болдырева, 2008: 90). К.М. Шилихина относит «стремление участников академического дискурса к повышению собственной авторитетности» к ключевым свойствам академической коммуникации (Шилихина, 2012: 145). А.В. Кирилина и Л.Н. Маслова утверждают, что вопросы создания собственного статуса являются сущностными для научной коммуникации, «именно у учёных с высоким научным статусом, как правило, больше шансов оказаться авторами утверждений, принимаемых за истинные; <...> от того, как, при помощи каких стратегий и тактик представляет свою точку зрения ученый, во многом зависит, будет ли она признана заслуживающей внимания, а он сам – авторитетным лицом» (Кирилина, Маслова, 2008).

Необходимо отметить, что признание в академическом сообществе возможно благодаря высокой профессиональной компетентности субъектов академического общения. В задачи настоящей работы не входит рассмотрение внелингвистических составляющих, из которых складывается компетентность ученого. Здесь предпринимается попытка выявить, какими дискурсивными маркерами субъекты академической коммуникации манифестируют авторитетность.

Материалом для изучения послужили видео- и аудиозаписи фрагментов аутентичного академического дискурса в сфере гуманитарных и естественно-научных дисциплин, а именно научные доклады, прозвучавшие на заседаниях диссертационных советов, посвященных защитам кандидатских диссертаций, на научных конференциях и семинарах в Испании и России.

Рассмотрение дискурсивных практик конструирования авторитетности в жанре научного доклада требует конкретизировать существенные для представляемой работы характеристики данного жанра.

Под научным докладом в работе понимается коммуникативный жанр, в рамках которого адресант, позиционирующий себя в качестве эксперта в определенной исследовательской области, информирует группового адресата, воспринимаемого как представитель научного сообщества, о результатах своей исследовательской деятельности либо о разработанности определенного научного вопроса.

Коммуникативно-прагматически доклады в контексте академического общения в рамках конференций принято делить на пленарные и секционные. Пленарный доклад характеризуется большей продолжительностью, большим количеством слушателей по сравнению с секционным, регламент пленарного заседания не всегда предполагает возможность задавать вопросы докладчику. К коммуникативным прототипам научного доклада относятся также доклады в ситуации защиты диссертации (диплома и т.д.), что предполагает более критичное отношение адресата к содержанию доклада.

Коммуникативной ситуации, в которой разворачивается жанр научного доклада, присущи, согласно работам таких исследователей, как В. Барнет, О.А. Лаптева, К. Концет (Барнет, 1985; Лаптева, 1999; Konzett, 2012), следующие характеристики:

1. Научный доклад реализуется в научной сфере общения, в публичной официальной обстановке: на семинарах, научных конференциях, совещаниях, заседаниях и т.д.

2. Адресант широко информирован в излагаемом вопросе, он является автором либо одним из соавторов научного исследования, результаты которого представлены в докладе. Групповой адресат включает специалистов, знакомых с проблематикой обсуждаемой научной области.

3. Ведущей стратегией докладчика является информирование аудитории о результатах исследования, кроме того, он стремится доказать истинность своих взглядов на определенную научную проблему и убедить адресата в своей правоте. Х. Коттхофф отмечает также, что выступление с докладом играет центральную роль в демонстрации выступающим своей высокой квалификации и в приобретении «веса» в академической среде. Выступление с докладом, по мнению данного автора, позволяет не только формулировать и передавать знания, но и искать признания в научном сообществе (Kotthoff, 2001: 322).

4. Коммуникативная ситуация «выступление с докладом» включает в себя сообщение докладчика и научную дискуссию между выступающим и аудиторией. Первая составляющая может быть охарак-

теризована как статическая, в ее основе лежит монолог, говорящий стремится «воздействовать на слушающего путем формирования у него взгляда на объект действительности, сходного со взглядом говорящего, или убедить его в истинности/ложности той или иной оценки фрагмента реального мира»; вторая составляющая носит динамический характер, основанный на диалогическом общении, здесь происходит выявление «совпадения и несовпадения в оценке участниками определенных фрагментов действительности» (Аликаев, 1999: 38). Особенностью научной дискуссии, сопровождающей выступление с докладом, выступает то, что дискурсивный вклад аудитории регулируется председательствующим лицом, оно выбирает, кому из желающих предоставить право задавать вопросы, и следит за соблюдением регламента.

5. На выступление с докладом влияет временное ограничение. Конвенции научного общения в различных культурах определяют продолжительность доклада. Регламент может распространяться как на продолжительность сообщения, так и на следующую за ним научную дискуссию.

6. Для научного доклада характерно мультимодальное общение, то есть совмещение устного и письменного каналов коммуникации. Доклад произносится устно, но его содержание заранее подготовлено в виде письменного текста. Устное выступление может сопровождаться презентацией Power Point или другими текстовыми раздаточными материалами, содержащими примеры, цитаты, тезисы выступления, библиографические ссылки и т.д.

7. Тематика научного доклада определяется научной дисциплиной и научными интересами исследователя. В структуре композиционного развития темы научного доклада представлены, согласно О.А. Лаптевой, следующие компоненты: манифестация темы, формулировка гипотезы или тезиса, доказательство, иллюстрация, выводы.

Сам факт выступления с докладом способствует повышению статуса субъекта академической коммуникации и сопряжен с дискурсивной деятельностью, направленной на конструирование собственной идентичности как эксперта в обсуждаемом научном вопросе. Выступающий получает право на продолжительный период говорения без смены коммуникативных ролей и на привилегированную позицию на стадии обсуждения доклада. Речь идет о времени и очередности на право говорить. За докладчиком остается также последнее слово в дискуссии. Выступление с докладом представляет собой первую реплику в интеракции, вопросы аудитории выступающему являются ре-

акцией на нее. Отвечая на вопросы, докладчик производит третью мену коммуникативных ролей. Тема интеракции также принадлежит выступающему, инициирование совершенно новой темы в вопросах встречается редко.

К инструментам конструирования авторитетности докладчика можно отнести владение языком науки (научным стилем). В качестве наиболее значительных выделяют следующие лингвистические характеристики языка науки: *точность*, т.е. широкое использование терминов, стремление к сокращению полисемии и омонимии в терминологии; *ясность*, которая реализуется через выбор простых синтаксических конструкций, включение вводных слов и выражений, использование пояснительных союзов и других элементов, служащих организации речи; *объективность изложения*, достигаемая через номинативность, пассивные и безличные конструкции, повествовательные предложения, выделение объекта речи путем использования определений, дополнений, уточняющих предложений и т.д., и *универсальность*, для выражения которой служат слова с абстрактной семантикой, артикли в функции генерализации, абсолютное настоящее время (Sanz Álava, 2007: 121). Также его характеризуют диалогичность и аргументированность. Диалогичность выражается в манифестации согласия или несогласия с идеями предшественников и в предвосхищении критики формулируемых идей. Аргументированность подразумевает эксплицитную обусловленность одних высказываний аргументами, приводимыми в других фрагментах речи (Кузе, 2012:232). Специфику научного повествования составляет высокая частотность ментальных перформативных высказываний, т.е. высказываний, экспликация которых тождественна называемым ими мыслительным операциям (считать, соглашаться, предполагать; *comentar, comprender*) (Рябцева, 1992:24).

Рассматриваемые нами дискурсивные практики конструирования авторитетности в жанре научного доклада могут быть условно разделены на три группы: повышения авторитетности научного повествования; конструирования авторитетности докладчика; создания авторитетности участников дискуссии, сопровождающей научный доклад.

Стремление авторов **повысить авторитетность научного изложения** реализуются через следующие дискурсивные практики:

1. Создание объективной тональности повествования, что достигается благодаря использованию безличных, неопределенно-личных и пассивных конструкций.

Пример 24. Транскультурная презентация
(аудио: из личного архива автора)

- 01Д: *транскультурная репрезентация **определена** как трансляция ре-*
02 *лигиозных понятий и представлений, их восприятие, осмысление*
03 *и освоение в новых культурных средах;*

В приведенном примере докладчик представляет результаты диссертации. Выбор пассивной конструкции при дефинировании ключевого для данного исследования понятия «транскультурная репрезентация», позволяет говорящему дистанцироваться от излагаемого содержания и как бы снимает с него ответственность за артикулируемую идею, перенося ее в плоскость объективных вопросов, не связанных с личным мнением диссертанта.

Пример 25. Plan director
(видео:<http://www.youtube.com/watch?v=WaV7slWm6jE&feature=channel&list=UL>, 9:25 – 9:23)

- 01Д: *en este plan director, (0) en este borrador, ya **se contemplan** eh*
02 *algunas cuestiones de/ del plano de seguimiento de la red;*

Использование местоименной формы страдательного залога позволяет опустить в данном фрагменте субъект действия. Таким образом исключается упоминание автора обсуждаемого в докладе плана развития природоохранных территорий, что позволяет избежать субъективной тональности.

Пример 26. Три уровня знания
(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=PekAJNZFhcA>, 33:25 - 33:47)

- 01 Д: *то есть я говорю о том что обнаружено все-таки три уровня*
02 *знания; да? есть знания которые вообще никак не осознаются;*
03 *то есть я (0) правильно выбираю ответ задачи; да? но моя уве-*
04 *ренность не коррелирует с правильностью этого типа; есть та-*
05 *кой уровень знаний; да?*

Докладчик не называет субъект действия, он не уточняет, кто обнаружил уровни знаний, а как бы констатирует факт, имеющий место быть. Наличие ментального перформативного высказывания «я говорю» в еще большей степени акцентирует объективность изложения, достигаемую использованием безличного предложения.

2. Использование ссылок на работы признанных специалистов в рассматриваемом вопросе.

Пример 27. Академик Шмальгаузен
(видео: <http://tube.sfu-kras.ru/video/1612>, 45:08 – 45:25)

- 01 Д: *я это называю эти направления ар/ароморфозами скажу вам ээ/*
02 *этот термин **предложен академиком Шмальгаузенем** извест-*
03 *ным (2) советским эволюционистом*

В приведенном дискурсивном фрагменте говорящий подчеркивает преемственность между излагаемыми в докладе идеями и тем, что ранее уже было обосновано другим ученым. При этом происходит актуализация темы авторитетности цитируемого автора: сначала через экспликацию его высокого научного статуса «академик Шмаль-

гаузен» и далее еще раз через атрибуцию «известный советский эволюционист». Положительная семантика прилагательного «известный» сочетается здесь с имплицатурой, содержащейся в слове «советский», т.е. работавший во времена расцвета отечественной биофизики.

Пример 28. Артур Ребер

(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=PekAJNZFhcA>, 2:40 – 3:04)

01 Д: *итак имплицитное научение здесь приведено определение, кото-*
02 *рое дает Артур Ребер э человек который э: собственно предло-*
03 *жил этот термин имплицитное научение а: в тысяча девятьсот*
04 *шестьдесят седьмом году, он провел эксперименты в которых*
05 *обнаружил вот это вот явление, которое заключается в том,*
06 *что э: испытуемые могут приобретать знания;(0) и это науче-*
07 *ние совершается в значительной степени независимо от намере-*
08 *ний самих испытуемых обучаться и э: результат этого научения*
09 *не может быть эксплицирован не может быть передан другому;*
10

В представленном эпизоде реализуется мультимодальное общение. Выступающий демонстрирует слайд, на котором отражена цитата с именной и темпоральной ссылками. Озвучивается данное интертекстуальное заимствование в трансформированном виде, темпоральная ссылка опускается. Через устный канал коммуникации докладчик сообщает дополнительную информацию об авторе цитируемого текста, демонстрируя таким образом знания об истории обсуждаемого научного вопроса.

3. Широкое употребление специальной терминологии.

Пример 29. Культура эпифеноменальна

(аудио: из личного архива автора)

01 Д: *исходя из анализа различных позиций э авторов которые иссле-*
02 *дуют когнитивные теории религиозного сознания, э можно вы-*

03 двинуть две взаимосвязанные проблемы данного направления
04 первая проблема касается того что в стандартной модели,
05 преобладает позиция культурного эли/эли/
06 **Э:ЛИ:МИ**нативизма; считается что культура **эпифеноме-**
07 **нальна** по отношению к базовым когнитивным и: психологиче-
08 ским процессам; вторая проблема связана с тем что в стан-
09 дартной модели используется слишком упрощенная трактовка
10 человеческого познания, в рамках которой человеческое сознание
11 рассматривается как изолированное от социального и культур-
ного окружения;

Употребление терминологической лексики позволяет докладчи-
ку в представленном эпизоде провести границу между «своими» и
«чужими», теми, кто владеет используемой терминологией, и теми,
для кого она остается неясной, актуализируя принадлежность гово-
рящего и адресатов к группе «посвященных», владеющих указанными
терминами, т.е. конструируя их авторитетность.

Пример 30. Disminuir la conciencia del paciente

(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=pz4pJJ4tMjs&feature=relmfu>,
11:07 – 11:20)

01 Д: *el problema de esto es simplemente DISMINUIR disminucio/ no es*
02 *acabar con la vida del paciente; es **disminuir la conciencia del***
03 ***paciente**; eh? para, acabar con ese **síntoma RE:fractario**; insisto en*
04 *la importancia de este concepto;*

Представленный фрагмент включает лексические единицы, при-
надлежащие к медицинской терминосистеме.

4. Использование статистических данных.

Пример 31. Десятиметровый слой воды в реке
(видео: <http://tube.sfu-kras.ru/video/238?playlist=222>, 05:35 – 05:59)

01 Д: почему нужно привлекать еще осенние так сказать данные, по-
02 тому что легко посчитать, что **полтора два сантиметра (0)**
03 **воды, находящейся в грунте превращается в десятиметровый**
04 **слой воды в реке; так что (0) на самом деле э некоторые данные**
05 **нужно вести заранее; осенью еще закладывается фундамент па-**
06 **водков (0) в Сибирских регионах.**

Числовые данные позволяют повысить плотность информации в тексте, кроме того, числительные обладают узким семантическим спектром, не оставляющим возможностей для множественной интерпретации. Такая однозначность вызывает доверие у реципиента в дискурсивном процессе.

Пример 32. Camas de cuidados paliativos
(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=pz4pJJ4tMjs&feature=relmfu>, 20:51–21:05)

01 Д: en cuanto a camas de cuidados paliativos españa está todavía **entre el**
02 **veinte y treinta por millón de habitantes, mientras que los países**
03 **avanzados tienen MÁS de setenta y cinco; es decir más del doble, de**
04 **camas de paliativos;**

Сопоставление количественных данных в приведенном примере позволяет актанту формулировать идеи в лаконичной форме и обладает большим убедительным потенциалом.

5. Включение в текст доклада фрагментов на иностранных языках.

Пример 33. The cognitive science of religion
(аудио: из личного архива автора)

01 Д: в настоящее время развиваются когнитивная антропология; ког-
02 нитивная экономика; когнитивная археология и так далее в девя-
03 ностые годы двадцатого века возникают так называемые ког-
04 нитивные теории религиозного сознания; **the cognitive science of**
05 **religion** новое междисциплинарное направление, которое раскры-
06 вает гносеологические проблемы формирования религиозного соз-
07 нания опираясь на конкретно научные экспериментальные иссле-
08 дования

Включение на английском языке в данном эпизоде избыточно, оно дублирует русскоязычный отрывок текста. Однако переключение на другой семантический код позволяет имплицировать связь данного текста с англоязычной исследовательской традицией, подчеркнуть актуальность излагаемых идей.

Пример 34. One degree removed
(<http://www.youtube.com/watch?v=bGFHN9nSZVg>, 32:17 - 32:37)

01 Д: entonces la reversión por pares será más cara a la gente no le gusta, a
02 la gente que reparte el dinero no le gusta porque es mucho más cara,
03 tarda más tiempo, e: son seres humanos implicados, pero yo quiero
04 que al final en la biblometría también son seres humanos los que están
05 implicados; que es un: **one degree removed** pero al final es GEnte

Выделенная фраза в приведенном примере не мотивирована необходимостью выразить идею автора, которую невозможно было бы сформулировать на испанском языке. Используя иноязычное включение, говорящий конструирует авторитетность тех, кто владеет английским языком, и косвенно повышает престижность продуцируемого текста.

6. Использование ссылок на ненаучные прецедентные тексты.

В качестве источников цитаций могут выступать речи политиков, тексты законов, труды великих мыслителей, художественные произведения и др.

Пример 35. La ley nos dice

видео:<http://www.youtube.com/watch?v=WaV7slWm6jE&feature=channel&list=UL>, 6:43 – 6:57)

01Д: *ahora en este momento de la historia, (0) es eh aplicar lo que nos*
02 *manda ser la ley, **la ley nos dice**, al organismo autónomo de parques*
03 *nacionales, que: tenemos obligación de realizar el seguimiento, y la*
04 *evaluación general de la red;*

В представленном фрагменте авторитетность научному изложению призвана придать ссылка на законодательный текст.

Пример 36. О чем вообще можно разговаривать
(видео: <http://tube.sfu-kras.ru/video/533>, 11: 20 – 1:51)

01Л: *запасы ископаемого топлива которые также накоплены посред-*
02 *ством солнца/ солнечной энергии на сегодняшний день подходят к*
03 *(0) балансу; то есть восстановления практически нет (0) возни-*
04 *кает вопрос как мы будем жить дальше ну хотя бы на тысячу*
05 *лет вперед; так сказал Булгаков словами Воланда **если у вас ре-***
06 ***бята планов нет хотя бы на тысячу лет вперед то о***
07 ***чем вообще можно разговаривать***

В приведенном эпизоде цитируется художественное произведение. Интертекстуальное заимствование представлено в трансформи-

рованном виде, что свидетельствует о спонтанном неподготовленном включении цитаты в текст доклада. Данным приемом говорящий демонстрирует свою широкую эрудированность за рамками обсуждаемого научного вопроса, что косвенно также способствует повышению авторитетности самого выступающего и продуцируемого им текста. Цитации из художественных произведений придают научному изложению определенный колорит и облегчают восприятие научного текста адресатом, благодаря чему докладчик также содействует укреплению своей авторитетности как успешный ритор.

Конструирование авторитетности докладчика реализуется через следующие дискурсивные практики:

1 Акцентирование внимания на достижениях автора текста.

Пример 37. Самая цитируемая наша работа
(видео: <http://tube.sfu-kras.ru/video/1612>, 77:47 – 78:08)

01 Д: *это модель которую мы построили чтобы объяснить (0) почему*
02 *происходит такое обеднение по мере движения воды к центру ээ*
03 *к центру Тихого океана;но мы ее не будем сейчас рассматри-*
04 *вать; но это я **очень ценю** она вызвала **массу откликов**, запро-*
05 *сов, **самая цитируемая** наша работа*

Докладчик дает позитивную оценку работе научного коллектива, частью которого он сам является. Используется глагол «ценить», семантика которого содержит положительную характеристику. Приводятся косвенные оценки, указывающие на признание работы в научном сообществе: «вызвала массу откликов» (квантификатор «масса», призван подчеркнуть большое количество отзывов), «самая цитируемая» (положительная характеристика выражена через страдательное причастие в превосходной степени).

Пример 38. El éxito fue impresionante
(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=V-hO2bUOBp8&feature=channel&list=UL>, 2:56 – 3:12)

01 Д: *y éxito fue impresionante; porque eh hemos tenido más de dos cientos*
02 *cincuenta niños, en grupos de cincuenta la semana, (0) durante cinco*
03 *semanas desde eh la última semana de julio, de junio perdon, y todo el*
04 *mes de julio*

Позитивная характеристика результатов педагогического проекта, презентации которого посвящен доклад, вербализуется говорящим через прямую номинацию «éxito» (успех), «impresionante» (впечатляющий) и далее косвенно через приведение числовых данных, свидетельствующих об успехе проделанной работы «más de dos cientos cincuenta niños» (более двух сотен пятидесяти детей).

2. Презентация себя в качестве добросовестного исследователя.

Реализуется данная дискурсивная практика через перечисление докладчиком слабых мест в своей научной работе. Данный прием позволяет избежать ликоугрожающей критики со стороны коллег и продемонстрировать способность говорящего к рефлексии по отношению к результатам своего труда.

Пример 39. Только первые результаты
(видео: <http://tube.sfu-kras.ru/video/1572#0>, 09:05 – 09:14)

01 Д: *то есть это очень молодЫЕ результаты только ПЕРвые ре-*
02 *зультаты; поэтому к сожалению больше гораздо вопросов чем*
03 *ответов*

В представленном фрагменте можно наблюдать просодическое выделение прилагательных «молодые», «первые», использованных в качестве атрибуций по отношению к существительному «результаты», семантика которых содержит оценочный элемент. Первые, молодые – следовательно, немногочисленные, нерепрезентативные, требующие быть перепроверенными. Актуализируя данные коннотации, адресант демонстрирует открытость к возможной критике и объективное отношение к результатам своей работы, что позволяет ему создать образ авторитетного ученого.

Пример 40. Дуракаваляние

(видео:<http://www.youtube.com/watch?v=PekAJNZFhcA>, 51:52 – 52:32)

01 Д: *таким образом, э: ну мы предположили следующее; что видимо*
02 *отсутствие каких бы то ни было явных признаков подделок да,*
03 *только смещение, привело к тому что испытуемые ну поначалу*
04 *честно пытались решать задачу и искали? где же здесь подделки*
05 *да? но через какое-то время поняли; что они не МОгут эти под-*
06 *делки никак обнаружить; и м: плюнули и перестали решать эту*
07 *задачу? и стали заниматься угадыванием; ну дуракавалянием*
08 *наша/ наша версия и соответственно в общем-то (0) их резуль-*
09 *таты не очень для нас оказываются релевантны, и дальше я*
10 *практически о них говорить не буду; потому что ну вот они*
здесь не научились да, мы здесь наверное что-то неправильно
сделали

Коммуникант описывает допущенную в ходе выполнения эксперимента ошибку и аргументирует, почему считает необходимым отказать от использования полученных результатов. Эксплицитное указание на недостаток позволяет создать имидж добросовестного исследователя и содействует повышению авторитетности докладчика.

3. Дискурсивная практика конструирования имиджа остроумного оратора.

Способность к переходу к шутливой тональности в ситуациях научного общения позволяет сократить дистанцию между коммуни-

кантами, вносит вклад в создание и укрепление групповой идентичности. Особенностью использования иронии в ситуациях научного общения является подчеркнутая релевантность средств иронии академическим целям, теме разговора. Работа по созданию имиджа остроумного оратора требует от докладчика выхода за рамки его институционального образа, однако такое отступление от серьезной тональности не мешает говорящему сохранять контроль над ориентацией на глобальную коммуникативную цель. Для создания имиджа остроумного оратора используются следующие приемы:

– Включение в речь фрагмента, содержащего средства иронии (преувеличение, игра слов, контраст и др.).

Пример 41. El porcentaje de mortalidad de ser humano
(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=pz4pJJ4tMjs&feature=relmfu>,
24:42 – 24:57)

01 Д: *saben ustedes cuál es el porcentaje de mortalidad de ser humano?* (4)
02 <смех в аудитории> *son ustedes en (...) de la medicina quien no lo*
03 *saben <смех в аудитории> el cien por ciento nos morimos*

Данный пример заимствован из доклада, прочитанного на конференции по медицине, посвященной проблемам эвтаназии. Докладчик – опытный практикующий врач, поддерживающий необходимость легализации данной медицинской процедуры. В представленном дискурсивном фрагменте создание комического эффекта входит в интенции говорящего. Докладчик задает аудитории вопрос «*cuál es el porcentaje de mortalidad de ser humano?*» (какой процент людей заканчивает жизнь смертью). Комический эффект возникает из-за неуместности данного вопроса в силу очевидности ответа на него. Интенция адресанта была правильно интерпретирована слушателями, о чем свидетельствует смех в аудитории.

– Создание нарратива. Нарративы в академическом общении лаконичнее и в меньшей степени интерактивны, чем повествования в бытовом дискурсе. Нарратив часто, но не всегда служит приглашению

ем к смеху, в научном общении он нередко используется для оформления примеров и иллюстраций к научному изложению.

Пример 42. А women где?
(видео: <http://tube.sfu-kras.ru/video/1612>, 42:37 – 43:03)

01Д: за эту/ название этой монографии мне так досталось в Америке,
02 понимаете (0) она называется manmade а там же такое движе-
03 ние феминизма, они говорят почему MANmade? а women где? (4)
04 ну я пообещал что в следующем издании исправлюсь

В приведенном примере говорящий актуализирует противопоставление «своих» и «чужих» – российского академического сообщества и американского. Комический эффект возникает благодаря акцентированию нерелевантности поднимаемой в американской аудитории темы отстаивания феминистских ценностей научным проблемам, которыми занимается автор. Данный прием позволяет реализовать стратегию игры на повышение как самого докладчика, так и всех присутствующих относительно «чужих», «не принадлежащих к данной группе».

4. Дискусивная практика конструирования статуса исследователя-практика.

Субъекты академической коммуникации могут фокусировать внимание на разных аспектах своей профессиональной идентичности. Активное применение находит практика презентации самого себя как человека, совмещающего теоретическую работу с практической занятостью. Автор, будучи исследователем, анализирует свою собственную профессиональную деятельность.

Пример 43. Dieciocho años dedicados a cirugía
(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=pz4pJJ4tMjs&feature=relmfu>,
15:47 – 15:53)

01 Д: *yo en mi carrera llevo **dieciocho años** dedicados a cirugía y he tenido*
02 *dos peticiones de eutanasia*

В представленном дискурсивном фрагменте докладчик приводит в качестве аргументации своей научной позиции данные, основанные на его личном многолетнем практическом опыте. Использование числительных повышает степень доверия к представляемой информации.

Пример 44. Это стало мне интересно после (0) года работы
(аудио: из личного архива автора)

01 Д: *это стало мне интересно после (0) года работы в центре ис-*
02 *панского языка института филологии и языковой коммуника-*
03 *ции; э я вынес понимание того что существует определенная*
04 *повторяющаяся коммуникативная проблема в частности*

В приведенном выше примере докладчик обосновывает актуальность своего научного исследования необходимостью решать вопросы, возникающие в его практической деятельности. Он демонстрирует готовность дистанцироваться от рутинной работы и проанализировать ее с позиции ученого.

5. Манифестация широкой информированности об актуальных исследованиях в обсуждаемой научной сфере.

Пример 45. Американская база данных
(видео: <http://tube.sfu-kras.ru/video/238?playlist=222>, 04:50 – 05:08)

01 Д: *на самом деле в январе этого года открыта америКАНская ба-*
02 *за данных; где разрешение порядка двадцати тридцати метров,*
03 *в/уже в открытом так сказать распространении, но правда не*
04 *обработанная но зато с/э: с интервалом в несколько дней вы ее*
05 *можете считывать; что наши сотрудники уже и делают соб-*
06 *ственно говоря*

Реципиентами научного доклада являются специалисты, знакомые с проблематикой обсуждаемой научной области. В данном дискурсивном фрагменте говорящий сообщает актуальную информацию, представляющую, на его взгляд, значительную ценность для слушателей. Докладчик конструирует собственную авторитетность, демонстрируя владение фактическим знанием, представляющим интерес для коммуникативных партнеров.

Пример 46. Итересная концепция
(видео: <http://tube.sfu-kras.ru/video/702?playlist=701#0>, 06:23 – 06:56)

01Д: *это довольно интересная концепция ее авторами были выдаю-*
02 *щиеся ученые н один из которых недавно н умер э Топоров э ака-*
03 *демик а а его коллега ближайший Вячеслав Всеволодович Иванов*
04 *уже много лет живущий в америке нн вот они вдвоем создали*
05 *концепцию основного мифа который описывал все прошлое как э я*
06 *имею в виду все литературное фольклорное прошлое как э неко-*
07 *торое разнообразие которое можно редуцировать к борьбе гро-*
08 *мовержца со змеем*

В данном примере автор демонстрирует информированность не только о научных работах, релевантных теме доклада, но и об авторах, что является имплицитным сигналом о возможном знакомстве докладчика с цитируемыми исследователями, либо о глубоком знании их биографии и трудов.

6. Дискурсивная практика опоры на моральные и этические нормы и ценности.

Пример 47. Conceptos que no tienen absoLUtamente ningún valor ético (видео: <http://www.youtube.com/watch?v=pz4pJJ4tMjs&feature=relmfu>, 09:03 – 09:20)

01 Д: *hay dos tipos de eutanasia e? la solicitada voluntariamente; y la NO*
02 *solicitada voluntariamente; olVÍdense ustedes de activa pasiva*
03 *indirecta directa son conceptos que no tienen absoLUtamente ningún*
04 *valor ético; (0) es la solicitada voluntariamente o no solicitada*
voluntariamente;

Повышению авторитетности докладчика в приведенном эпизоде способствует демонстрация приверженности этическим нормам. При этом говорящий использует директивную конструкцию «olVÍdense ustedes de activa pasiva indirecta directa son conceptos que no tienen absoLUtamente ningún valor ético» (забудьте об активной, пассивной, не прямой, прямой эвтаназии, данные концепты не обладают никакой этической ценностью), выражая тем самым высокую степень категоричности своего утверждения. Использование ментального перформатива «olvidarse» (забывать) способствует акцентированию степени категоричности высказывания. Данный коммуникативный прием обладает высокой степенью убедительности и делает представленную дискурсивную практику весьма эффективной.

Пример 48. Приобрести моральное право
(видео: <http://tube.sfu-kras.ru/video/1612>, 28:28 – 29:41)

01 Д: крайний (0) на заднем плане <показывает на экран> это Юрий
02 Николаевич Окладников, доктор э на: плечах которого лежала
03 Тяжесть ответственности за: (2) все эксперименты с людьми
04 в системе; э: между ними первые испытатели системы; вот ко-
05 гда она была создана, то: я злоупотребил правом первой ночи, (1)
06 и: очень хорошо там выспался; (3) при работе не всегда это уда-
07 валось; а там удалось; ну понимаете вот у: врачей которые за-
08 нимаются м: экспериментальной разработкой новых средств
09 лечения; (0) такая традиция сна ЧАЛА на себе; может быть
10 потому что вот мой отец который создал вакцину э против э
11 лейшманиоза, он работал в южных республиках; он сначала на
12 себе; это такая прививка вроде оспы; первый на себе; ну вот я
13 подумал что тоже раньше чем мы туда людей будем сажать;
надо приобрести моральное право

Выступающий повествует об экспериментах по созданию замкнутой биологической системы. В представленном фрагменте тематизируется вопрос этичного поведения ученых при проведении экспериментов с участием людей. Актуализация авторитетности говорящего происходит через причисление им себя к группе исследователей, которые придерживаются нравственных принципов в научной работе.

Приведенный отрывок включает нарратив, характеризуемый ироничной тональностью. Комический эффект создается благодаря использованию фразы, выходящей за рамки тематического репертуара академического дискурса «я злоупотребил правом первой ночи» (05). Данное высказывание контрастирует с некоторой патетичностью темы всего фрагмента, что позволяет привлечь к нему особое внимание реципиентов.

Конструирование авторитетности участников дискуссии реализуется через дискурсивную практику конструирования имиджа эксперта.

Вступление в дискуссию с докладчиком способствует повышению статуса субъекта академической коммуникации и позволяет ему продемонстрировать свою компетентность в обсуждаемом вопросе. Участники научных дискуссий используют следующие коммуникативно-прагматические приемы конструирования имиджа эксперта: резюмирование выступлений докладчиков; формулировка рекомендаций выступающему; высказывания, представляющие альтернативные подходы к представлению исследуемого объекта и другие.

Пример 49. Так ли это?

(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=PekAJNZFhcA>, 31:37 – 32:47)

01 Д: скажите пожалуйста все очень логично и стройно чрезвычайно
02 интересно но вот у меня немножко вот зацепилось вот за что
03 значит что вы считаете что/ по крайней мере цитируя класси-
04 ков э: считаете что если испытуемый осознает уверенность (0)
05 то он уже как бы не совсем э бессознательно действует; э: вот
06 так ли это? почему у меня возникло такое сомнение, потому
07 что вот то что вы говорите можно транслировать в совсем
08 другой терминологии, в частности в терминах теории принятия
09 решений Канемана, и там будет все ка/ все как бы похоже; бу-
10 дет рациональная система принятия решений может и созна-
11 тельное; и будет соответственно эмоциональная система; а:
12 которая древняя все верно все так и все сходится но.; эмоцио-
13 нальная принятия система решений никто не запрещает осоз-
14 навать эмоции; мы можем не знать продукта, мы можем не
15 знать причину этой эмоции но можем чувствовать ее резуль-
16 тат и на основе этого принимать решение; мне кажется что
17 тут нет противоречия; это полностью остается бессозна-
18 тельное древним механизмом; но при этом человек может осоз-
19 навать через эмоцию свою уверенность; мне кажется тут нет
20 противоречия или как?

В представленном фрагменте говорящий оспаривает один из тезисов докладчика. При этом коммуникантом выбран неконфронтативный вариант формулирования своей точки зрения: критике предшествует целая серия позитивных оценок «все очень логично и стройно чрезвычайно интересно» (01-02), несогласие формулируется косвенно в форме вопроса «вот так ли это?» (05-06). О стремлении избежать ликоугрожающего эффекта для докладчика свидетельствует экспликация того, что подвергаемый сомнению тезис основан на идеях других авторов (03). Конструирование собственной авторитетности участника дискуссии в данном дискурсивном вкладе происходит через резюмирование критикуемой идеи (04-05), через манифестацию информированности о цитируемой в докладе литературе (03), через демонстрацию способности провести параллель между изложенным и результатами других исследований (08-12).

Пример 50. Это было бы очень интересной изюминкой
в вашей диссертации
(аудио: из личного архива автора)

01 УД: уважаемая Карина Станиславовна я/ у меня два вопроса, но я
02 сразу скажу, что **вы зря открещиваетесь от архетипов (0)**
03 **поскольку на мой взгляд это было бы очень интересной изю-**
04 **минкой в вашей диссертации поскольку по/ только по философ-**
05 **ским наукам не говоря о социологических и психологических за-**
06 **щищена за последние десять пятнадцать двадцать лет в россии**
07 **масса диссертаций мног/ множество солиднейших публикаций**
08 **есть в которых речь идет о коллективном массовом бессозна-**
09 **тельном и архетипах дальше я продолжать не буду значит во-**
10 **прос к вам такой соответственно шестой пункт/ шестой**
11 **пункт научной новизны**

Дискурсивное поведение участника дискуссии в данном эпизоде позволяет ему актуализировать статус носителя авторитета, способного оценить представляемую научную работу и сформулировать рекомендации докладчику по поводу содержания диссертационного исследования.

Пример 51. Ничего подобного не было
(видео: <http://tube.sfu-kras.ru/video/1229>, 27:00 – 28:08)

01 УД: *еще очень важную вещь я хотел сказать; э здесь складывается*
02 *такое впечатление после вот этого доклада о том что: ну как*
03 *бы правительство канады и правительство америки само со-*
04 *зрело и начало оправдываться и так далее; **ничего подобного не***
05 ***было** в семьдесят я не помню втором первом году было восста-*
06 *ние индейцев в канаде; э молодые люди вели бой с регулярной ка-*
07 *надской армией в течение неДЕли и вот ПОсле этого была пол-*
08 *ностью изменена национальная политика канадского государ-*
09 *ства и такие же акции протеста действуют и в соединенных*
10 *штатах; поэтому они э догоНЯют ситуацию и догнали и о от-*
11 *регулировали; с моей точки зрения некоторые политические*
12 *процессы которые могут сейчас на наших северных territori-*
13 *ях являются хорошим сигналом для властей красноярского края*
14 *и россии с тем чтобы ну делать опережающие шаги; но нужен*
15 *хороший диалог*

Дискурсивный вклад коммуниканта демонстрирует в данном примере достаточно высокий ликоугрожающий потенциал по отношению к докладчику. Он занимает конфронтативную позицию, опровергая результаты доклада в крайне категоричной форме «ничего подобного не было». Далее он развернуто излагает альтернативное мнение по обсуждаемому вопросу, приводя в подтверждение своей позиции конкретные исторические факты. Докладчик не предпринимает попытку отстоять свою позицию, что позволяет рассматривать дискурсивную практику создания имиджа эксперта участника дискуссии в данном эпизоде как состоявшуюся.

На основании проведенного исследования можно констатировать высокую частотность и разнообразие дискурсивных практик конструирования авторитетности в жанре научного доклада. В зависимости от субъекта, авторитетность которого конструируется, они могут быть разделены на три группы.

1. Дискурсивные практики повышения авторитетности научного повествования:

- 1) создание объективной тональности повествования;
- 2) использование ссылок на работы признанных специалистов в рассматриваемом вопросе;
- 3) широкое употребление специальной терминологии;
- 4) использование статистических данных;
- 5) включение в текст доклада фрагментов на иностранных языках;
- 6) использование ссылок на ненаучные прецедентные тексты.

2. Дискурсивные практики конструирования авторитетности докладчика:

- 1) акцентирование внимания на достижениях автора доклада;
- 2) создание имиджа добросовестного исследователя;
- 3) конструирование имиджа остроумного оратора;
- 4) конструирование статуса исследователя-практика;
- 5) манифестация широкой информированности об актуальных исследованиях в обсуждаемой научной сфере;
- 6) манифестация опоры на моральные и этические нормы и ценности.

3. Дискурсивные практики создания авторитетности участников дискуссии, сопровождающей научный доклад: практика конструирования имиджа эксперта.

Представленная типология носит в значительной степени условный характер. Во многих случаях стремление к повышению авторитетности научного повествования способствует созданию авторитетности докладчика. Дискурсивные вклады участников научной дискуссии также могут включать в себя практики, представленные в первой и второй группах классификации.

Анализ эмпирического материала позволяет уточнить принятое за основу в данной работе определение коммуникативной категории авторитетности. Авторитетность – это способ маркирования динамики своей социальной позиции в сторону повышения относительно позиции собеседника, позиции третьего лица либо объекта коммуникации. Также мы можем сделать вывод о том, что конструирование авторитетности субъектами академической коммуникации в большинстве случаев носит не прямой, косвенный характер, т.е. требует от адресата интерпретативных усилий по ее распознаванию. Многочисленность дискурсивных практик, направленных на создание и поддержание авторитетности, служит подтверждением тому, что стремление к признанию, к позитивной самопрезентации в академической сфере носит стратегический характер для ее участников.

РАЗДЕЛ 4

Конструирование образа «чужих» в дискурсивных практиках политической коммуникации

«...полемичность политической речи – своеобразная театрализованная агрессия. Направлена полемичность на внушение отрицательного отношения к политическим противникам говорящего, на навязывание (в качестве наиболее естественных и бесспорных) иных ценностей и оценок. Вот почему термины, оцениваемые позитивно сторонниками одних взглядов, воспринимаются негативно, порой даже как прямое оскорбление, другим»

(Демьянков, 2002)

Дискурсивное конструирование – актуальный и эффективный способ изучения процессов социального взаимодействия, что отражено в современных работах отечественных и зарубежных исследователей. Например, можно говорить о дискурсивном конструировании социального мира (Макаров, 2003) или дискурсивных способах конструирования социальной реальности (Филинский, 2002); дискурсивном конструировании национальных идентичностей (Wodak et al., 2009); опыта межкультурной коммуникации в биографическом нарративе (Смирнова, 2011); эмпатии, доброжелательности, «демократии в действии», солидарности и т.д. (Плотникова, 2008; Плотникова, 2011). Данный инструментально-аналитический метод позволяет категоризовать фрагмент реальности в дискурсивных терминах. При этом дискурс определяется как упорядоченное и систематизированное использование языка (и других семиотических систем), ориентированное на определенную общественную практику и обусловленное социальными, идеологическими и когнитивными факторами (Детинко, 2013: 25).

Дискурсивное конструирование реальности представляется возможным благодаря конституирующим особенностям дискурса как формы социальной практики (Fairclough, Wodak, 2004). Под социальной практикой понимается способ контролирования выбора одних

структур и исключения других, а также удержания этих предпочтений в течение времени в определенных сферах общественной жизни (Fairclough, 2003: 23-24). Н. Фэрклоф отмечает, что, с одной стороны, дискурс организован и ограничен социальной структурой на разных уровнях: классовыми и социальными отношениями, институциональными особенностями, различными нормами и условиями дискурсивного и недискурсивного характера и т.д. Таким образом, дискурсивные события различаются по структуре, представляющей определенную социальную сферу, или институциональной парадигме, в которой они были созданы. С другой стороны, дискурс конституирует социальную реальность, влияя на организацию всех параметров социальной структуры, которые прямо или косвенно формируют и ограничивают ее: нормы и условия, а также отношения, участники и институты, которые составляют их основу. Итак, дискурс – это практика не только репрезентации, но и конструирования мира (Fairclough, 1992: 64).

Н. Фэрклоф выделяет три аспекта конструирующих возможностей дискурса: социальной идентичности, социальных отношений и системы знаний и значений; которые соответствуют трем функциям дискурса: идентичности, отношения и означивания (Йоргенсен, Филлипс, 2008: 119). Определенное социальное явление может быть рассмотрено с учетом данных трех аспектов, при этом устанавливается связь между текстом, дискурсивной практикой и социальной практикой (рис. 2). Анализ дискурсивного события предполагает описание текста и его формальных свойств (*текст*), интерпретацию взаимосвязи между текстом и теми, кто его создает (иными словами, процессов воспроизводства и потребления текста – *дискурсивная практика*), и объяснение связи между текстом и социальной ситуацией, породившей этот текст (*социальная практика*) (Fairclough, 2001: 21-22, 91).

При анализе политического взаимодействия социальная практика рассматривает аспекты власти и доминирования. Дискурсивная практика выступает посредником между текстом и социальной практикой: с одной стороны, процессы производства и интерпретации текста зависят от характера социальной практики; с другой – процесс производства организует и оставляет «след» в тексте; соответственно, процесс интерпретации опирается на «сигналы» (маркеры) в тексте (Fairclough, 1993: 136).

Анализ дискурсивной практики связан с социо-когнитивными аспектами производства и интерпретации текста и занимается детальным пошаговым объяснением этих процессов с привлечением кон-

версационного анализа и прагматики, а также фокусируется на отношении дискурсивного события к дискурс-строю (конфигурации всех типов дискурсов, которые используются в каком-либо социальном институте или социальной области), рассматривая, какие дискурсивные практики используются и в каких комбинациях (там же: 136-137).

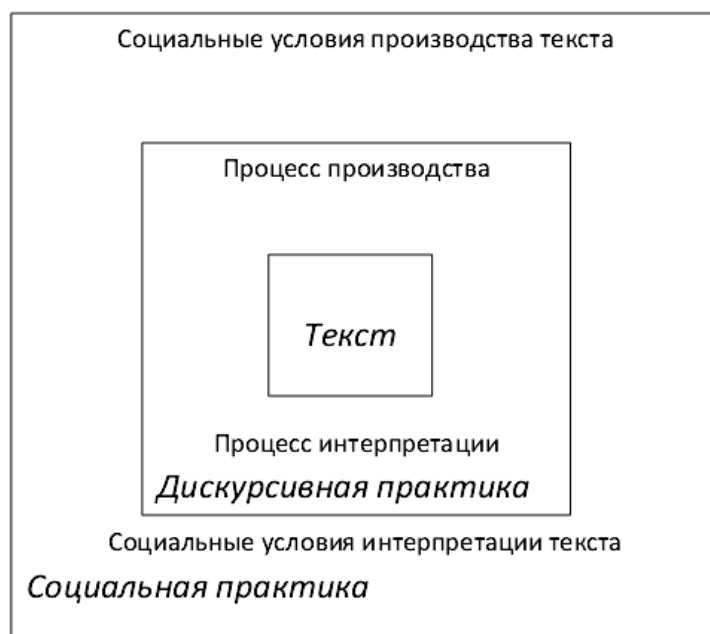

Рис. 2. Взаимосвязь текста, дискурсивной практики и социальной практики

Социальная практика подразумевает разные аспекты – экономический, политический, культурный, идеологический. Анализ дискурсивного события как социальной практики может относиться к таким уровням, как контекст ситуации, институциональный контекст, социальный контекст или «контекст культуры» (Fairclough, 1993: 137; Fairclough, 1992: 66).

Очевидно, что язык определенным образом реализует структуры дискурса в дискурсивных практиках (Олешков, 2011: 38). В свою очередь дискурсивные и социальные практики предполагают диалектику между определенными дискурсивными событиями и ситуативными, институциональными и социальными условиями, в которых эти события происходят: с одной стороны, ситуативные, институциональные и социальные контексты формируют дискурсивные практики и оказывают на них воздействие; с другой стороны, дискурсивные практики сами влияют на социальную и политическую реальность.

Таким образом, социальное взаимодействие отражается и конструируется в дискурсе, а поэтому дискурсивные практики могут ис-

пользоваться для утверждения власти, для защиты или критики. Например, через дискурсивные практики происходит конструирование определенных социальных условий – идентификация «чужих» в политической коммуникации. Вместе с тем посредством дискурсивных практик можно утвердить и обосновать уже сложившееся положение вещей, в частности, объяснить или доказать, что субъект – «чужой». Кроме того, дискурс может служить средством изменения имеющегося положения дел, то есть показать, что было бы, если бы «они» вели себя так или иначе. И наконец, с помощью дискурсивных практик можно разрушить образ оппонента, делегитимировав его.

Отнесенность к «чужим» в политическом дискурсе происходит вследствие процессов самоидентификации и идентификации других, отличных от «себя» групп. Для идентификации себя в обществе человек генерирует два вида дискурсивных практик – дискурс различности и дискурс схожести, отвергая или принимая соответствующие характеристики (Уфимцева, 2011; Riggins, 1997). Чаще всего границы группы, с которой человек себя идентифицирует, четко очерчены. При этом различиям внутри группы придается минимальное значение, в то время как различия между отдельными группами всегда четко осознаются, преувеличиваются и выполняют непосредственно идентификационную функцию, являясь своего рода паролем для «своих» (Колосов, 2004).

Конструктивный характер дискурсивной идентификации описан в работах отечественных и зарубежных исследователей (см., например, Казула, 2009; Laclau, Mouffe, 2001). Применяя данные теории к репрезентации чужеродности в политическом дискурсе, мы вывели ряд принципов выстраивания образа «чужих»:

- один субъект идентифицирует другого как «чужого» одновременно с самоидентификацией;
- один субъект определяет другого как «чужого» посредством репрезентации в дискурсе;
- образ «чужого» конструируется дискурсивно через сравнение себя с другими и всегда зависит от позиции говорящего/пишущего.

В связи с этим возникает необходимость в дискурсивном маркировании принадлежности к «чужому». Поскольку осмысление «чужого» обусловлено самоидентификацией человека, В.И. Карасик обращает внимание на возможность выделения разновидностей чужих (врагов) применительно к тем типовым субъектам, которые ощущают для себя угрозу со стороны определенных социальных групп (Карасик, 2011: 240). Анализируя сферу политического общения, А.В. Оля-

нич делает акцент на том, что всякое объединение политиков, любая группа или партия, военная группировка или противоборствующий милитаристский клан ставят перед собой задачу выработать свою систему идентифицирующих признаков, которые позволяли бы отличать «своих» от «чужих» (Олянич, 2007: 288). В контексте репрезентации чужеродности «дихотомия «свои и чужие» логически предполагает уточнение чужих как представляющих опасность либо не вызывающих опасения» (Карасик, 2011: 239).

Так, противопоставление «свой-чужой» концептуализируется в дискурсе при помощи четырех логико-когнитивных способов:

- идентификации как разграничения Добра и Зла в соответствии с представлениями идентифицирующего («Ты был мне другом, но теперь ты мой враг»);
- атрибуции или сближения по свойствам («враг, который имеет ряд отрицательных характеристик» – «друг, который имеет ряд положительных характеристик»);
- стереотипизации («враг, потому что дружит с моим врагом», «враг, потому что так выглядят все враги»);
- установления ассоциативных связей («враг, потому что с Запада, а все на Западе – враги») (Баженова, Лапчева, 2003: 16-18).

Закономерным является ряд когнитивных последствий разделения людей на «своих» и «чужих»:

- 1) у нас есть тенденция ожидать от членов «своих» групп поведения и образа мысли, схожего с нашими;
- 2) мы склонны представлять «своих» в выгодном свете, когда мы сравниваем их с «чужими»;
- 3) у нас меньше беспокойства при общении с членами «своих» групп, чем при общении с членами «чужих» групп;
- 4) мы можем быть более точны в предсказывании поведения членов «своих» групп, чем в предсказывании поведения членов «чужих» групп (Gudykunst, 1998: 71);
- 5) считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»;
- 6) среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»;
- 7) оценки «чужих» тяготеют к крайностям: они, как правило, бывают либо очень позитивными, либо очень негативными (Bootzin et al., 1991; цит. по: Леонтович, 2005: 236).

То есть человек, как правило, убежден в «себеподобности» тех, кого он объединяет понятием «мы», и чаще всего не испытывает за-

труднения в определении «чужого». Содержание феномена чужеродности, представленное оппозицией «свой-чужой» может быть определено как «принадлежащее (или не принадлежащее) лицу говорящему; относящееся (или не относящееся) к личности говорящего, к группе, к кругу, сообществу, в которые входит говорящий» (Захарова, 1998: 88-89).

При интерпретации отношений чужеродности в русле гуманитарных наук необходимо учитывать семантическую неоднозначность понятия «чужой» и определять его не только как неизвестное, непонятное, враждебное, таящее в себе угрозу, но и как потенциально нужное, привлекательное, требующее толерантного отношения. В связи с этим отношение к «чужим» в политическом дискурсе может варьироваться от негативного до нейтрального или положительного.

Следует отметить, что специфика репрезентации «чужих» через дискурсивные практики политической коммуникации предопределяется особенностями политического дискурса как такового. Политический дискурс – сложное социальное явление, доказательством чему служат разнообразные методики его интерпретации и различные методологические подходы к его анализу (Филинский, 2002: 15).

Согласно определению П. Чилтона и К. Шэффнер политический дискурс является результатом политики, которая, с одной стороны, представляется как борьба за власть между теми, кто стремится заявить о своей силе, и теми, кто старается противостоять ей; с другой стороны, политика представляется как взаимодействие, как практики и институты, которые существуют в обществе для регулирования столкновения интересов по поводу денег, влияния, свободы и т.п. (Chilton, 2004: 3; Chilton, Schäffner, 2002: 4-5). Специфика политической деятельности заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе выступают речевыми действиями (Шейгал, 2000: 17). По утверждению Р. Водак, политические группы нуждаются в их собственном языке и представляют себя через язык; они определяют свою территорию посредством языка, передают свою идеологию через слоганы и стереотипы; их идеологическая структура, так же как и их аргументация, сформированы определенным образом (Wodak, 1989: 137).

Реализация дискурсивных практик в политической коммуникации в значительной степени зависит от участников политического общения, представляющих различные ранги государственной власти,

а также общественных деятелей, политических аналитиков и журналистов, которые описывают политическую ситуацию, прогнозируют ее дальнейшее развитие, дают оценку анализируемым событиям и фактам. Немаловажный параметр – ситуация общения, контекст. По утверждению Дж. Уилсона, в большинстве случаев именно контекст, а не только отдельные слова или предложения, содержит политическую идею (Wilson, 2003: 409). Кроме того, анализ дискурсивных практик не будет полным без учета мультимодальности политических текстов. Функционируя в семиотическом поле, пространство политического дискурса формируется знаками разной природы, как вербальными, так и невербальными. С точки зрения содержания следует отметить полемический характер дискурсивных практик политической коммуникации.

Важной при исследовании таких практик является идеологическая составляющая. Идеология представляет собой комплексную когнитивную систему, контролирующую формирование, трансформирование и применение социальных знаний, таких как мнения и оценки, а также социальных репрезентаций, включая и социальные предубеждения (ван Дейк, 2013: 54). Политические ситуации не просто вынуждают людей говорить или писать определенным образом, наоборот, существует необходимость в установлении связи между непосредственно наблюдаемыми вербальными и невербальными единицами и ненаблюдаемыми структурами сознания, которые опосредованы культурно-историческим, социальным, общественно-политическим контекстами, что имеет огромное значение при конструировании отношений чужеродности в национально опосредованной политической коммуникации.

Учитывая многоаспектность политического общения, на наш взгляд, целесообразно рассматривать политический дискурс как структурированную совокупность вербальных и невербальных знаков, актуализируемых в институциональной сфере, ориентированных на полемический характер общения и реализуемых в тесной взаимосвязи с национально-культурным и социально-политическим контекстом (Детинко, 2013).

Приведенное определение отражает те аспекты политической коммуникации, которые играют существенную роль при конструировании образа «чужого». В качестве иллюстрации рассмотрим анализ отрывка речи Дэвида Милибенда, произнесенной им 1 октября 2009 года на Конференции лейбористской партии. В то время Дэвид Милибэнд был министром иностранных дел правящей партии лейбористов.

Пример 52. Extract from David Miliband's speech
to Labour Party Conference
(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=y9BxPzwoSpc>)

01 conference I don't know about you (2) what makes me (1) angry
02 is that the Tories have failed
03 (0) every (0) big (0) policy test (0) that (0) they (0) have (0) faced (0)
04 the (0) Cameron plan to deal with the financial crisis was simple (1)
05 sit on your hands and hope (0) that it sorts itself out (1)
06 now to be fair (1)
07 ?George Osborn (2) he ?did come up fighting (1)
08 fighting for the millionaires and billionaires who got us into the mess
09 robbing the hardworking families who were suffering the conse-
quences
10 ?friends first country second
11 so ?we have a duty (1)
12 let's make sure that they can't run away from what (0) they (0) said
13 let's hang it round their necks
14 today (0) tomorrow (0) every day until polling day
15 they said it then they should live with it now
16 it's not just the economy (0)
17 that they would have destroyed with (0) their (0) decisions (1)
18 if we had followed their advice (0) on (0) Europe
19 we would have been irrelevant (0)
20 on the margins (0) resented and completely
21 unable (0) to fight for (0) British interests.
22 it's tempting (0) to ?laugh at Tory policy on Europe
23 because I don't want people laughing at my country
24 because a bunch of ?schoolboys have ?taken ?over the Government

Отрывок носит явный полемический характер, демонстрируя отрицательную оценку позиции «чужого», наличие противоречия во взглядах и стремление отстаивать свою точку зрения в споре с оппонентом. Желая укрепить негативный образ консерваторов перед со-

бравшимися, министр иностранных дел произносит все, что касается их промахов и ошибок, очень отчетливо, выделяя каждое слово (*Tories have failed (0) every (0) big (0) policy test (0) that (0) they (0) have (0) faced, the (0) Cameron plan, was simple (1) sit on your hands and hope (0) that it sorts itself out*). Последнее высказывание усиливается жестом соединения рук, сопровождающим метафору *sit on your hands* – «сидеть, сложа руки», демонстрируя тем самым бездействие.

Ироничная реплика на счет Джорджа Осборна (в 2009 году теневого министра финансов партии консерваторов) *now to be fair* сопровождается на начальной стадии жестом открытой ладони, свидетельствуя об искренности оратора. Данный жест используется, на наш взгляд, для консолидации аудитории путем расположения своей честностью и объективностью с целью создания в дальнейшем более сильных оппозиционных взглядов. Ироничный подтекст фразы можно также понять, обратив внимание на взгляд политика: он не смотрит прямо на аудиторию, как во время всего выступления, глаза немного опущены, демонстрируя недосказанность, скрытый смысл в действиях или словах. Имя оппонента (*George Osborne*) и действие (*did come up fighting*) выделены тоном голоса. Далее в тексте представлен речевой акт разоблачения в виде рефрейминга контекста с лексемой *fighting*. Оратор в первый раз использует лексическую единицу *fighting* в естественном для ее употребления контексте, то есть после описания негативной ситуации Дэвид Милибенд заявляет, что все же был политик (Джордж Осборн), который попытался противостоять неблагоприятным условиям. Однако, дальнейший контекст, в котором звучит лексема *fighting*, выставляет действия теневого министра финансов в негативном свете. Эмоциональный накал придает также негативно коннотированные лексические единицы *who got us into the mess, robbing the hardworking families, who were suffering the consequences*. Эффект представления оппонента в качестве врага национальным интересам серьезно усилен также за счет наращивания темпа (*fighting for the millionaires and billionaires who got us into the mess robbing the hardworking families who were suffering the consequences*). Еще одной составляющей нагнетания негативизма является интенсивная жестикуляция во время произнесения данного отрывка: своеобразное выбивание ритма и подчеркивание каждого отрицательного действия Джорда Осборна. Емкий и лаконичный вывод (*friends first country second*) закрепляет созданный эффект и вызывает бурные аплодисменты публики, представленной единомышленниками Дэвида Милибенда. Кроме того, вывод, прагматически заложенный во фразе *friends*

first country second, явно демонстрирует уличение оппонента в неуважении к приоритету национальных интересов и отнесение его к классу «чужих» по этому признаку.

Выбор дискурсивных средств маркирования «чужих» в политической коммуникации обусловлен различными факторами, например, культурно-историческими условиями (формирование политических институтов в разных культурах происходило по-разному, это отразилось на политической коммуникации), национально-когнитивной базой (влияние менталитета народа на специфику восприятия «чужих»), стремлением поддерживать толерантные отношения с «чужими» и, наконец, перспективой актуализации чужеродности, а именно интракультурной и интеркультурной перспективами.

Термины «интракультурный» и «интеркультурный» часто соотносятся с понятиями «монокультурный» – «межкультурный», «свой» – «чужой» (или «in-group» – «out-group») с присущими им атрибутами для обозначения участников особого отношения «мы» в отличие от его аутсайдеров: отношения в «мы-группе» характеризуются сплоченностью, тогда как отношения с «они-группами» («others-groups», в терминах У. Самнера) – враждебностью; если в пределах «мы-группы», или «своих», утверждаются покой, согласие, являющиеся следствием принятых в группе норм, обычаев и традиций, то в отношении к «они-группе», или «чужим», напротив, наблюдается борьба, несогласие, изоляция и отчуждение (Sumner, 2008: 13). Такое отношение к «ним» объясняется тем, что все чужое воспринимается и оценивается, исходя из закрепленных в культуре ингрупповых стереотипов (Шипилов, 2008: 55). В исследованиях политического дискурса наиболее часто используют термины «in-group» и «out-group», «insiders» и «outsiders», а также другие семантические пары, например, «internal political communication» и «external political communication» (Schäffner, 1996), которые, однако, не являются их синонимами. В качестве основания функционирования оппозиции «internal-external» в политической коммуникации К. Шэффнер выделяет ситуацию общения (setting) и вовлеченных коммуникативных партнеров. С такой позиции внутренняя политическая коммуникация (internal political communication) относится ко всем формам дискурса, которые связаны непосредственно с деятельностью внутри политических институтов (правительства, партий и т.д.), в то время как внешняя политическая коммуникация (external political communication) ориентирована на общую публику, то есть не политиков (там же: 201).

Если следовать традиционному пониманию, то схематически отношения «свой» – «чужой» можно представить следующим образом (рис. 3).

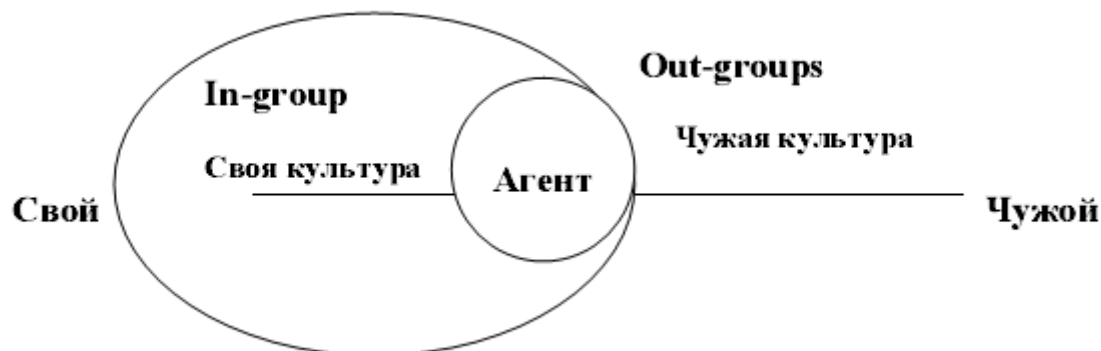

Рис. 3. Противопоставление «свой» – «чужой» («in-group» – «out-group»)

Рассматривая понятия «интракультурная коммуникация» и «интеркультурная коммуникация», следует учитывать, что 1) отношения чужеродности традиционно связаны в основном с межкультурным общением и 2) согласно современной трактовке, интеркультурная коммуникация может рассматриваться в узком и широком смысле. Под интеркультурной коммуникацией в широком смысле понимается общение между представителями разных лингвокультурных сообществ; в узком смысле интеркультурная коммуникация рассматривает также особенности общения в рамках одной страны, даже внутри разного рода структур и организаций. Л.В. Куликова отмечает, что «межкультурный» момент возникает в этом случае в связи с разницей возраста, профессий, интеллектуального «багажа» коммуникантов, манеры поведения и выбора языковых средств (например, употребление жаргонизмов, профессиональной лексики, языковая грамотность и т.д.) (Куликова, 2004: 29-30). Иными словами, в рамках одной лингвокультуры также возможны отношения чужеродности, поскольку «своя» культура не является гомогенной средой и в ней тоже присутствует компонент «чужого». Задействуя различные парадигмы, на это указывают в своих исследованиях Б. Вальденфельс, используя термин «Чужость» внутри Родного мира» (Вальденфельс, 1995: 81); Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, говоря о том, что в русской культуре «чужими» по отношению к народу считали себя, например, представители интеллигенции (Лотман, Успенский, 1982: 121). А. Шюц выделяет специальную категорию – «чужак». В качестве «чужака» может выступать, с одной стороны, иммигрант, с другой стороны, это

может быть претендент на вступление в члены закрытого клуба, предполагаемый жених, желающий быть допущенным в семью де-вушки, сын фермера, поступающий в колледж, обитатель города, переехавший в сельскую местность, «призывник», уходящий на службу в армию (Шюц, 2004: 533). М. Эделман, говоря о международных конфликтах (*international conflicts*), обращает внимание на то, что и «внутри» наций также существуют многообразные и конфликтующие группы (Edelman, 1971: 12). В каждой из приведенных ситуаций мы говорим о «чужом», но обстоятельства и способы отнесения его к этой категории для каждого случая специфичны.

За более «радикальным» примером отношений чужеродности в рамках одной лингвокультуры можно обратиться к исследованиям народов, разъединенных в силу исторических событий несколько десятилетий назад, а сейчас вновь объединившихся. Так, Л.В. Куликова анализирует ситуацию в современной Германии, где, несмотря на объединение западной и восточной частей страны, проблема «внутреннего единства» остается актуальной как среди политиков, так и среди населения (Куликова, 2004: 142). То есть по сути в одной стране говорящих на одном языке людей разделяет ментальная граница между двумя идентичностями, что порождает отношения чужеродности. При этом проявляется важная составляющая отношения к «чужим», когда «чужой» – это «тот, по отношению к кому я чувствую превосходство или подчинение» (Galasin'ska, Galasin'ski, 2003: 850). Л.В. Куликова приводит исследование Г. Мааца с описанием особенностей общения между представителями восточных и западных немцев, в котором «восточники» постоянно испытывали «ощущение неполноценности и неуверенности в контактах с западными немцами», пройдя «попрошайничество и позу просителя». Тогда как для «западников» были характерны «щедрость, великодушие, постоянная поза дарителя и учителя, чувство превосходства» (Maaz, 1990; цит. по: Куликова, 2004: 145).

Таким образом, факт принадлежности одной или разным лингвокультурам детерминирует вид отношений чужеродности. В данном исследовании мы разграничиваем отношения к так называемым «ближнему чужому» («чужой» находится в той же самой лингвокультуре, что и сам адресант) и «дальнему чужому» («чужой» находится за пределами лингвокультуры, которой принадлежит адресант). Представим это следующим образом (рис. 4).

При таком подходе в первом случае мы имеем в виду интра- (или моно-) культурную коммуникацию, рассматриваемую как обще-

ние представителей одного национально-лингво-культурного сообщества, обладающих единой когнитивной базой (Красных, 2003: 96). Во втором случае речь идет об иртер- (или меж-) культурной коммуникации в широком смысле, понимаемой как «общение представителей разных национально-лингво-культурных сообществ, носителей разных ментально-лингвальных комплексов, обладающих разными национальными когнитивными базами» (там же: 96). Соответственно, при анализе дискурсивных практик конструирования чужеродности в политической коммуникации в рамках интракультурной перспективы мы изучаем дискурсивное взаимодействие представителей политических партий и политических агентов, принадлежащих одному национально-лингво-когнитивному сообществу; в рамках интеркультурной перспективы мы рассматриваем отношение к политическим агентам – представителям других (по отношению к автору дискурса) национально-лингво-когнитивных сообществ. Термин «национально-лингво-когнитивное сообщество» определяется как социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность людей, владеющих одним языком и обладающих единой когнитивной базой.

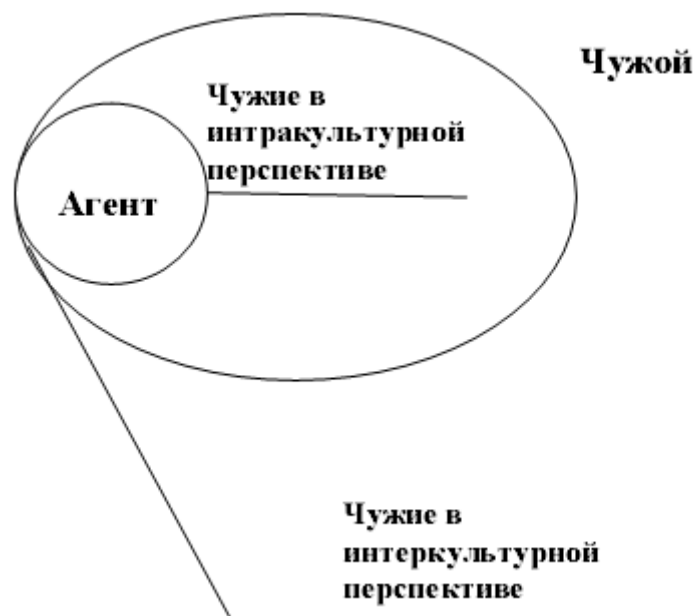

Рис. 4. Представление «чужих» в интракультурном («in-group») и интеркультурном («out-group») пространствах

Дискурсивное конструирование чужеродности осуществляется в соответствии со многими факторами, относящимися к контексту и содержанию коммуникации. Для выстраивания модели конструирования образа «чужих» мы используем парадигму критического дис-

курс-анализа как метода, который основан на аутентичной повседневной коммуникации в институциональной, медийной, политической и других сферах и фокусирует свое внимание на пересечении языка, дискурса, речи, социальной структуры (Леонтович, 2009: 51). Наиболее актуально для нас дискурсивно-историческое направление критического дискурс-анализа, активно развиваемого в трудах европейских ученых (R. de Cillia, M. Krzyzanowski, K. Liebhart, M. Reisigl, R. Wodak). Данный подход отличается особым вниманием к лингвистической составляющей дискурса и привлечением разнообразных эмпирических данных и всей контекстуальной информации по истории вопроса (Wodak et al., 2009: 9).

Дискурсивные практики репрезентации «чужих» в политической коммуникации реализуются в трехуровневой лингвокоммуникативной модели, представленной четырьмя основными стратегиями конструирования чужеродности; специфическими дискурсивно-семиотическими техниками репрезентации «чужих», конституирующими каждую из стратегий и опосредованными рядом факторов, включая интракультурную и интеркультурную перспективы актуализации; разноуровневыми (лингвистическими, прагматическими, мультимодальными) средствами репрезентации дискурсивно-семиотических техник.

Стратегии опосредованы принципами конструирования образа «чужих» как типа дискурсивной идентичности и представляют четыре варианта развития отношений чужеродности:

1) дискурсивная идентификация «чужих» (лингвистические и визуальные средства используются для четкой отнесенности социальных агентов к группе «чужих»);

2) дискурсивное обоснование статуса «чужого» (лингвистические и визуальные средства используются для объяснения принадлежности агента к группе «чужих» и удержания (укрепления) статуса «чужого»);

3) дискурсивное трансформирование образа «чужого» (лингвистические и визуальные средства используются для демонстрации возможного изменения отношения к «чужим»);

4) дискурсивная делегитимация «чужого» (лингвистические и визуальные средства служат усилению чужеродности).

В соответствии с данными вариантами выделяют четыре стратегии конструирования образа «чужих» в политической коммуникации:

- стратегия идентификации чужеродности, направленная на дискурсивное определение сфер «свое» и «чужое»;

- стратегия обоснования и удержания статуса «чужого», ориентированная на дискурсивное утверждение отнесенности к «чужим» и сохранение этого статуса;
- стратегия трансформации, нацеленная на дискурсивную экспликацию изменения сложившегося образа «чужого»;
- деструктивная стратегия, имеющая целью дискурсивную интенсификацию чужеродности.

На основании выделенных стратегий и анализа эмпирического материала было установлено, что для каждой из представленных стратегий характерен определенный набор процессов реализации, опосредованный прагматической интенцией отправителя дискурса. Терминологически эти процессы мы обозначаем как дискурсивно-семиотические техники, понимая под техникой совокупность средств, направленных на осуществление поставленной цели. Тогда дискурсивно-семиотические техники определяются нами как комплекс интенционально мотивированных вербальных и невербальных средств, характеризующихся мультимодальностью репрезентации, обусловленных национально-лингво-когнитивными особенностями участников коммуникации и ориентированных на выстраивание образа «чужих» в рамках определенной стратегии и культурной перспективы (Детинко, 2013: 70).

Средства, конституирующие дискурсивно-семиотические техники манифестации чужеродности, принадлежат разным уровням языка, коммуникативно-прагматического и семиотического пространств дискурса и актуализируются в таких измерениях, как семантика, грамматика, синтаксис, прагматика, визуализация и др. Обращая внимание на разнообразие уровней репрезентации средств в политической коммуникации, Л.В. Куликова пишет, что политический дискурс можно рассматривать на уровне семантики языковых знаков, где воздействие осуществляется в основном посредством метафорики и антонимии, включая использование отрицательно или положительно коннотированной лексики; на уровне номинативных средств, актуализирующих в политическом дискурсе акты политической референции и точку зрения, оценку, выражаемую политиком в отношении именуемых им референтов через, например, манипуляции с именем политика или партии; на тематическом уровне, анализируя общий выбор темы коммуникации, и наконец, на коммуникативно-прагматическом уровне, где особую роль играют характерные стратегии и тактики (Куликова, 2009: 205-214). Дж. Уилсон отмечает, что на уровне лексического выбора интерес представляет изучение таких яв-

лений, как «веские слова» (loaded words), термины (technical words) и эвфемизмы; в грамматике – изучение определенных функциональных систем (selected functional systems) и их организация в рамках различных идеологических структур; а также изучение местоимений и их использование относительно политической и других форм ответственности и, наконец, изучение более прагматически направленных аспектов, таких как имплицатуры, метафоры и речевые акты (Wilson, 2003: 410-411).

Таким образом, исследование дискурсивных практик конструирования чужеродности в политической коммуникации сводится к следующему:

- 1) анализ содержания, то есть интерпретация взаимосвязи между текстом и социальной практикой, в которой этот текст был создан;
- 2) выявление стратегий и дискурсивно-семиотических техник реализации чужеродности;
- 3) описание свойств текста, реализованных лингвистическими или иными семиотическими средствами.

Содержание британского политического дискурса опосредовано интракультурной и интеркультурной перспективами репрезентации чужеродности. Для интракультурной перспективы «чужими» по отношению друг к другу являются представители различных политических направлений: консервативной и лейбористской партий и партии либерал-демократов, наиболее многочисленно представленных в Парламенте Великобритании. Основным эмпирическим материалом для исследования послужили предвыборные речи британских политиков, а также публикации в британских общественно-политических газетах и журналах. Критерием отбора примеров была адресная интракультурная направленность текста и дискурса: для чистоты анализа адресат представлял британское национально-лингво-когнитивное сообщество.

С точки зрения интеркультурной перспективы «чужими» по отношению к британскому национально-лингво-когнитивному сообществу выступают все небританские политические партии и сообщества. В рамках данного исследования мы рассматривали примеры взаимодействия Великобритании с Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки, Францией, Германией, Китаем, Ираном, Ираком, Афганистаном, Сирией и другими государствами. Основным источником эмпирического материала послужили публикации в британских СМИ, связанные с международными отношениями; выступления на заседаниях Парламента и речи британских политиков, посвящен-

ные международным вопросам. При сборе материала мы ориентировались на освещенные в прессе крупные международные мероприятия; ситуации, в которых происходило столкновение интересов Великобритании и других стран; отраженную в СМИ реакцию Великобритании на мировые политические события.

В качестве примера реализации дискурсивных практик в политическом общении представим стратегию идентификации чужеродности в британской политической коммуникации, одну из наиболее важных при конструировании образа «чужих».

Стратегия идентификации чужеродности направлена на «построение» и позиционирование определенной социально-политической группы – «чужих». Данная стратегия представляется наиболее комплексной, являясь, прежде всего, вербальным выражением, которое формирует определенную «они-группу» через акты референции, например, посредством местоимения «они» (*they*) в связи с упоминанием другой партии или партийной системы, иных политических взглядов, традиций, законов и т.д. Выражения «разделения» часто прослеживаются в самом контексте и демонстрируют дистанцирование и маргинализацию «чужих» (в то же время предполагая отождествление и солидарность с «мы-группой», со «своими»).

Как показали результаты исследования, для интракультурной перспективы британского политического дискурса идентификации «чужих» характерно, во-первых, стремление к негативной оценке оппонента, а во-вторых, желание позитивно представить себя. В связи с этим в рамках интракультурного взаимодействия политических оппонентов были выявлены две наиболее распространенные дискурсивно-семиотические техники идентификации чужеродности: техника негативного позиционирования оппонентов, которая чаще всего одновременно ориентирована на положительную самопрезентацию, и техника изолирования, акцентирующая внимание на разнице между «ними» и «нами». Представим техники более подробно.

Дискурсивно-семиотическая техника негативного позиционирования оппонентов характеризуется распространенной системой дискурсивных средств, ориентированных на категоризацию «чужих» как «политиков, не соответствующих возложенной на них ответственности», аргументация выстраивается по типу «они – плохие».

Основными средствами негативного позиционирования «чужих» служат личные и притяжательные местоимения *they, them, those*, которые выполняют функцию дистанцирования и способствуют формированию образа «чужих», чаще в негативном свете.

Пример 53. Gordon Brown: Leader's conference speech
(текст: [http://www.britishpoliticalspeech.org/
speech-archive.htm?speech=181](http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=181))

They've deliberately held their cards close to their chest. They've done their best to conceal their policies and their instincts. But the financial crisis forced them to show their hand and they showed they had no hearts.

В данном примере премьер-министр Великобритании (в 2009 году) лейборист Гордон Браун высказывается в адрес консервативной партии, позиционируя ее членов как скрытных и прагматичных политиков, обманывающих народ. Изобилие местоимений 3-го лица множественного числа дистанцирует Г. Брауна и тех, кто его поддерживает, от консерваторов. Для усиления воздействия используются негативно коннотированные лексемы *conceal, deliberately*; метафора с семантикой безразличия *they showed they had no hearts*, а также метафоры с семантикой скрытности, обмана: *held their cards close to their chest* и *to show their hand*.

Для негативного позиционирования «чужих» в интракультурной перспективе британские политики прибегают к номинациям, вызывающим отрицательные ассоциации.

Пример 54. Eric Pickles: Mr Brown, your time is up
(текст: [http://www.totalpolitics.com/speeches/conservative/
conservative-party-conference-general-speeches/35203/
pickles-mr-brown-your-time-is-up.shtml](http://www.totalpolitics.com/speeches/conservative/conservative-party-conference-general-speeches/35203/pickles-mr-brown-your-time-is-up.shtml))

You are Mr Brown a prime minister «full of sound and fury, signifying nothing».

Пример демонстрирует отношение представителя консервативной партии Эрика Пиклза к политике действующего в то время премьер-министра Гордона Брауна. Негативно коннотированная номинация есть часть цитаты из знаменитого произведения Уильяма Шекспира «Макбет», которая в оригинальном тексте звучит так: ...*And then is heard no more: it is a tale / Told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing*. Следует обратить внимание, что Э. Пиклз использовал только последнюю часть цитаты, избегая оскорбительной номинации *an idiot*, которая, однако, имплицитно предполагается, поскольку текст произведения достаточно известен и может быть легко восстановлен. В этом контексте возникают отрицательные ассоциации в результате проведения параллелей с оригинальным текстом литературного произведения.

Позиционирование «чужих» также осуществляется посредством персонификаций с политическими организациями и названиями партий, представленными через негативный контекст.

Пример 55. Ken Clarke: Labour's economic incompetence
(текст: <http://www.totalpolitics.com/speeches/economics/economic-policy/35218/ken-clarke-labours-economic-incompetence.shtml>)

This is not because of plain speaking from the Opposition, but because the markets could take fright over the prospect of the irresponsible, profligate Gordon Brown government somehow hanging onto office for another five years.

Персонификация *Gordon Brown government* позволяет обозначить «чужих», при этом ключевым здесь выступает контекст, раскрывающий интенцию автора представить правительство Гордона Брауна безответственным, расточительным и кое-как проводящим время у власти – *irresponsible, profligate, somehow hanging onto office*.

Для негативного позиционирования оппонентов в британском политическом дискурсе активно используется метафора. По утверждению исследователей А.П. Чудинова и Э.В. Будаева, «нацио-

нальная метафорика в одних своих аспектах отражает современное состояние общества, национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и др.), а в третьих – имеет общечеловеческий характер» (Будаев, Чудинов, 2008: 91). В качестве примера специфической метафоры, отражающей британскую политическую реальность, можно отметить метафору *sofa government*.

Пример 56. David Cameron: Fixing broken politics
(текст: <http://www.telegraph.co.uk/news/newstopics/mps-expenses/5387077/MPs-expenses-David-Cameron-pledges-to-give-disgusted-public-more-power.html>)

We need to end the culture of sofa government.

Метафорическое представление правительства (в лице лейбористской партии) как *sofa government* свидетельствует о его бездействии, пассивности, отсутствии мобильности.

Анализ мультимодальных текстов британской политической коммуникации показал, что негативное метафорическое позиционирование оппонентов может осуществляться и через визуальные средства. Метафорические образы в интракультурной перспективе носят более культурно опосредованный характер, то есть представленные изображения отражают внутривнутриполитические ситуации, довольно часто являются «визуальной реакцией» на вербальные широко обсуждаемые и, возможно, осуждаемые, действия политиков. В большей степени отношение чужеродности в интракультурной перспективе ориентировано на демонстрацию негативных профессиональных качеств конкретных политических оппонентов, не институтов в целом.

Например, представление премьер-министра Дэвида Кэмерона в виде кричащей чайки (рис. 5) имеет целью его негативное позиционирование.

Отрицательный образ чайки основан на метафоре *seagull manager*, характеризующей «начальника, который влетает в офис, делает много шума, резко критикует всех, затем убегает, оставляя других разбираться с последствиями» (Alex Andreou, *New Statesman*, 25.07.12). То есть Д. Кэмерон как руководитель правительства предстает в качестве «начальника-чайки» – несостоятельного лидера, который много говорит или даже кричит, но безрезультатно.

Рис. 5. The ultimate «seagull» manager

Вторая техника реализации стратегии идентификации чужеродности в интракультурной перспективе – дискурсивно-семиотическая техника изолирования, которая ориентирована на подчеркивание «своих» преимуществ и занижение достоинств и достижений оппонентов. Соответственно, аргументация строится по типу «они – плохие, мы – хорошие».

Весьма продуктивным средством изолирования в интракультурной перспективе британского политического дискурса служит противопоставление на основе лексической единицы *choice*. Характерной чертой подобных конструкций является использование союзов *or* или *and*, актуализирующих выбор:

- *future – past: It's a choice between the future and the past* (David Cameron);

- *Conservative – Labour, democracy – control: Conservative local democracy or Labour Whitehall control* (Eric Pickles);

- *Conservatives – Government, weak – strong: A choice between a weak and divided Government and a strong, united Conservative team* (David Cameron);

- *Cameron – Brown: Our country is at a fork in the road. At that fork is a choice between five more years of Gordon Brown... Or the change we need under David Cameron and the Conservatives (Caroline Spelman);*
- *tired Government – energy: It is a simple choice 5 more years of GB and his tired government or David Cameron and the conservatives who have the energy, leadership and values to get the country moving (Eric Pickles).*

Актуализация разницы между «ними» и «нами» осуществляется также посредством лексемы *difference*.

Пример 57. Gordon Brown: Leader's conference speech
(текст: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=181>)

Because there is a difference between the parties. It's the difference between Conservatives who embrace pessimism and austerity and progressives like Labour who embrace prosperity and hope.

Подчеркивая различность двух партий, Гордон Браун дважды повторяет сочетание *difference between* и поясняет свою точку зрения отрицательными атрибуциями в адрес консерваторов (*who embrace pessimism and austerity*) и положительными атрибуциями в адрес партии лейбористов (*progressives, who embrace prosperity and hope*). Аргумент построен по принципу конкретизации, то есть второе предложение объясняет и дополняет первое. Синтаксически второе предложение является сложным с двумя относительными придаточными предложениями, имеющими параллельные конструкции, что придает аргументу более четкую интенцию противопоставления.

Нередки случаи переноса личных качеств политиков на характеристики партий, которые они представляют, также с элементом противопоставления.

Пример 58. Peter Mandelson issues "State of the Race" memo to supporters
(текст: <http://www2.labour.org.uk/peter-mandelson-issues-state-of-the-race-memo-to-supporters,2010-04-04>)

Between the granite-like resilience and big brain of Gordon Brown or the plastic PR and wobbliness of David Cameron.

Агитируя избирателей голосовать за свою партию, лейборист Питер Мэнделсон использует положительно коннотированные лексемы в адрес лидера лейбористской партии Гордона Брауна *granite-like resilience*, *big brain*, противопоставляя их негативным номинациям по отношению к лидеру оппозиционной партии Дэвиду Кэмерону *plastic PR* и *wobbliness*.

Приведем подобный же пример от партии консерваторов.

Пример 59. Eric Pickles: Trust us with your vote
(текст: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2007/09/Eric_Pickles_Trust_the_people_and_they_will_trust_you.aspx)

The decisive George Osborne or dithering Alistair Darling?

Эпитеты *decisive* и *dithering* используются с целью представления политики партий: решительной – у консервативной; и склонной к колебаниям – у лейбористской.

Эффективным средством техники изолирования служит частица *not* в сочетании с номинацией в адрес оппозиции, а также наречие *instead*, актуализирующие интенцию исключения оппонента.

Пример 60. David Cameron: Join us help bring the change Britain needs
(текст: [http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/
David_Cameron_Join_us_help_bring_the_change_Britain_needs.aspx](http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/David_Cameron_Join_us_help_bring_the_change_Britain_needs.aspx))

And today, we are announcing a bold and radical new reform which shows clearly how it is now the modern Conservatives, not Labour, who have the plans that will help working people to build a better life for themselves and their families.

В данном примере конструкция *not Labour* эксплицирует контраст между партией консерваторов и партией лейбористов. На фоне положительной презентации себя вводная фраза *not Labour* противопоставляет решительные грандиозные планы консерваторов (*we are announcing a bold and radical new reform*) отсутствию планов помочь народу со стороны партии лейбористов.

Пример 61. Eric Pickles: Making a real change
for the communities we represent
(текст: [http://www.conservatives.com/News/Speeches/2008/02/
Eric_Pickles_Making_a_real_change_for_the_communities_
we_represent.aspx](http://www.conservatives.com/News/Speeches/2008/02/Eric_Pickles_Making_a_real_change_for_the_communities_we_represent.aspx))

That is why we intend to put an end to Labour's top down, centrally imposed house targets, and instead trust in people to decide what level of development is right and sustainable for their community.

Наречие *instead* употребляется для демонстрации контраста между своими действиями и действиями партии-оппонента – лейбористской.

Как показывает исследование, реализация техники изолирования в интракультурной перспективе британского политического дискурса активно осуществляется за счет использования сравнительной и превосходной степеней прилагательных и наречий. Авторы дискурса выделяют свои лучшие качества и тем самым косвенно указывают на недостаточность или отсутствие этих качеств у других.

Пример 62. Danny Alexander gives speech to Spring Conference
(текст: <http://henleylibdems.org.uk/en/article/2010/080652/danny-alexander-gives-speech-to-spring-conference>)

*The Liberal Democrats have the best plan for fixing the economy. We are the best guarantee this country has of future financial stability. <...>
I can tell you that of the three party leaders, he is the best qualified of them all to be Prime Minister.*

Либерал-демократ Дэни Александер в качестве эпитетов к существительным, представляющим характеристики партии и ее лидера Ника Клегга использует прилагательные в превосходной степени *the best plan, the best guarantee, the best qualified*. Высказывание ориентировано на положительную презентацию «себя», косвенно представляя оппонентов в менее выгодном для них свете.

Имплицитно техника изолирования актуализируется посредством использования наречия *only*, часто с определенным артиклем – *the only*.

Пример 63. Chris Huhne: Tory immigration policy worst of both worlds
(текст: <http://www.theguardian.com/politics/blog/2010/mar/16/liberaldemocrats-immigration>)

The Liberal Democrats are the only party offering a hard-headed assessment of the needs of different regions and parts of the economy.

Используя конструкцию *the only party* либерал-демократ Крис Хан отделяет свою партию от остальных, тем самым завуалированно отрицая способность других партий дать четкую оценку ситуации и подчеркивая, что это может сделать партия либерал-демократов *the only party offering a hard-headed assessment* (*hard-headed* – трезвый, тщательно просчитанный).

Для интеркультурной перспективы британской политической коммуникации характерно стремление четко определить границы «своего» и «чужого» и обозначить свою позицию по отношению к этому «чужому». Следует отметить, что мы предпочитаем не использовать термин «оппонент», поскольку отношения чужеродности в интеркультурной перспективе не всегда ориентированы на соперничество, скорее, здесь речь идет именно о «чужих» как представителях небританских национально-лингво-когнитивных сообществ, с которыми выстраиваются разнообразные отношения в зависимости от сложившихся исторических и политических обстоятельств. В связи с этим в качестве одной из основных была выделена дискурсивно-семиотическая техника оценочного позиционирования других государств, которая позволяет определить позицию «чужих» посредством нейтральной, положительной или отрицательной идентификации.

Нейтральная идентификация актуализируется посредством личных и пространственных номинаций (*Russia, Russians, China, the US, Obama*).

Пример 64. Liam Fox Labour's treatment
of the Territorial Army is unforgivable

(текст: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2009/10/Liam_Fox_Labours_treatment_of_the_Territorial_Army_is_unforgivable.aspx)

... both Russia and China have adopted a tougher stance on the issue of new sanctions against Iran.

В данном случае номинации не несут явной оценочной коннотации, а используются для нейтрального маркирования «чужих».

Кроме того, активно употребляются дейктические средства (*there, in Beijing, in Ukraine, they, them, their*), либо выполняя роль нейтральных идентификаторов группы «чужих», либо приобретая контекстуально опосредованную окраску.

Пример 65. Nick Clegg: Second prime ministerial debate

(текст: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/23_04_10_seconddebate.pdf)

What I noticed there was that the Chinese and the Russians, they only listened to what we were saying because I was representing the largest single market in the world of 475 million consumers.

В данном примере Ник Клегг использует наречие *there*, ссылаясь на встречу, и местоимение *they*, идентифицирующее китайскую и российскую стороны. Дейктические средства здесь способствуют противопоставлению Великобритании и группе Россия-Китай, о чем дополнительно свидетельствует дублирование Н. Клеггом подлежа-

щего: *the Chinese and the Russians, they only listened...* Однако, основываясь на интерпретации контекста, мы полагаем, что интенция автора заключается в том, чтобы подчеркнуть значимость Китая и России, а также положительно позиционировать Великобританию. Представляя Китай и Россию как государства, которые «не всех слушают», политик косвенно выражает идею, что Великобритания «попала в число избранных, имея определенные заслуги и достижения» (*they only listened to what we were saying because I was representing the largest single market in the world of 475 million consumers*).

Нейтральное, позитивное или негативное позиционирование «чужих» осуществляется преимущественно за счет лексических средств. В ходе исследования мы обнаружили, что для экспликации определенной позиции, выражающей отношение к «нам», используются лексические единицы *rival, opponent, ally, friend*.

Пример 66. Timothy Kirkhope: The Transatlantic Alliance
is more relevant than ever

(текст: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/Timothy_Kirkhope_-_The_Transatlantic_Alliance_is_more_relevant_than_ever.aspx)

Today China is a rival, rather than an opponent, and there is of course a danger that any prophesy becomes self-fulfilling.

Тимоти Керкхоуп тщательно выбирает номинацию, называя Китай не соперником (*opponent*), а конкурентом (*rival*), то есть тем, с кем нужно не бороться, а кого нужно брать в расчет, чьи интересы нужно принимать во внимание. На наш взгляд, таким образом имплицитно реализуется интенция положительной идентификации «чужих».

Приведем пример эксплицитной положительной идентификации.

Пример 67. William Hague: Hague discusses Afghan mission
with Clinton in US
(текст: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/8681865.stm)

Without doubt the US is the most important ally of the UK.

Уильям Хаг использует положительно коннотированную номинацию *ally* в адрес Соединенных Штатов Америки, при этом воздействующий эффект усиливается за счет превосходной степени прилагательного *important*.

Наблюдения показали, что позиционирование в интеркультурной перспективе британского политического дискурса в основном реализует негативные идентификации и осуществляется с помощью оценочных эпитетов, метафоры и метонимии с семантикой неодобрения.

Пример 68. Simon Tisdall: Russia may regret Kyrgyzstan coup
(текст: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2010/apr/21/russia-kyrgyzstan-coup-regret>)

But as ethnic violence, score-settling, and political confusion continue to roil the impoverished central Asian country, the coming question is whether a clever-boots Kremlin has bitten off more than it can chew.

Номинация в адрес Киргизии (*central Asian country*) представлена оценочным эпитетом *impoverished* (обедневший). Автор использует метафорическую конструкцию *has bitten off more than it can chew*, ко-

торая в сочетании с эпитетом *clever-boots* (умники) и метонимической номинацией *Kremlin* выражает неодобрение позиции России.

В качестве эмоционально окрашенной негативно коннотированной номинации выступает ярлык.

Пример 69. Max Bergmann et al.: New start to rein in Iran's ambitions
(текст: <http://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2010/apr/08/nuclear-weapons-russia>)

But the improved climate in the relationship between Washington and Moscow that New Start puts on display is important because it decreases the chances that Russia will act as a «spoiler» just to thwart the US goal.

Номинация *spoiler* (третий кандидат на выборах, портящий шансы наиболее вероятного победителя) в адрес России является примером ярлыка, актуализирующего интенцию недоверия, которая усиливается в сочетании с дальнейшей фразой *just to thwart the US goals*, придающей вероятным действиям российской стороны непредсказуемый характер.

Визуализация оценочного позиционирования других государств представлена либо через образы ключевых политических фигур, либо изображением группы людей, однозначно идентифицируемых с определенным народом. Наблюдения показали, что в иллюстрации реализуется интерпретация политической линии «чужих», а не конкретных высказываний или действий. Образы более обобщенные, метафоры общеизвестные, присутствует элемент стереотипизации. Так, изображение на первой странице журнала *New Statesman* канцлера Германии Ангелы Меркель в образе терминатора – пример однозначно негативного позиционирования «чужого» (рис. 6).

Одна сторона лица канцлера выражает спокойствие, уверенность, вторая – «вскрывает» сущность безжалостной неостановимой машины (тот образ, с которым ассоциируется робот из известного американского фильма «Терминатор»). Помимо актуализации на уровне визуальных средств, важную роль в интерпретации интенции

автора играет вербальный компонент. Надпись «*Europe's most dangerous leader*» содержит негативно коннотированное прилагательное *dangerous* в превосходной степени, усиливающее воздействующий эффект. В надписи также присутствуют лексические единицы с семантикой снижения роста, застоя: *before she terminates growth, new Depression*. Используя глагол *to terminate* автор «связывает» визуальный и вербальный компоненты мультимодального текста, интенсифицируя силу воздействия на реципиента.

Рис. 6. Europe's most dangerous leader

Второй важной техникой в рамках стратегии идентификации «чужих» выступает дискурсивно-семиотическая техника патерналистского отношения, которая также позволяет определить «свою» позицию в адрес «чужих». Термин «патернализм» непосредственно связан с исследованием чужеродности, поскольку актуализирует отношения «чужого» и более влиятельного «господина», который считает своим долгом проявлять заботу и заступничество по отношению к «чужаку» (Белецкий, Куликова, 2011). Обязательным является имплицитное или эксплицитное присутствие адресата, на которого направлено патерналистское отношение. Следует отметить, что идея патерналистского отношения не всегда имеет положительные коннотации, поскольку при анализе контекста становится очевидно, что патерналистские отношения предполагают некоторую зависимость или подчинение того, кому оказывается помощь.

Техника патерналистского отношения характерна только для интеркультурной перспективы британской политической коммуникации. Основными средствами ее манифестации служат лексические единицы с семантикой заботы, попечительства, помощи, обеспечения

безопасности, мира, стабильности, партнерства (*support, help, safety, train, partner, contact*). В качестве примеров приведем два высказывания Гордона Брауна (в обоих случаях занимающего пост премьер-министра Великобритании) в отношении Афганистана.

Пример 70. Gordon Brown: Afghanistan and Pakistan
(текст: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmhansrd/cm091130/debtext/91130-0004.htm#09113012000001>)

Over the next nine months, President Karzai will be expected to implement, with our support and that of our international partners, far-reaching reforms to ensure that from now on all 400 provinces and districts have a governor appointed on merit, free from corruption with clearly defined roles, skills and resources.

Конструкция *with our support* эксплицирует намерение Великобритании помочь (вместе с другими международными партнерами) афганскому президенту провести реформы. Однако использование в контексте выражения с пассивной формой *President Karzai will be expected to implement* указывает, по нашему мнению, на «навязанное» оказание помощи.

Пример 71. Gordon Brown: Second prime ministerial debate
(текст: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/23_04_10_seconddebate.pdf)

Our strategy in Afghanistan depends on contact with the local people, persuading them they are safe with us and safe in an Afghanistan free of the Taliban.

Намерение позаботиться выражено в конструкции *they are safe with us*; лексема *contact* также имеет положительные коннотации и предполагает диалог, сотрудничество. Однако причастие *persuading* со значением «уговаривая, убеждая» несет, на наш взгляд, интенцию вмешательства.

В ходе анализа были зафиксированы примеры, демонстрирующие контраст между сложившейся негативной ситуацией и ролью Великобритании в качестве путеводаителя, убежища или миротворца. Намерение автора здесь заключается в имплицитном и эксплицитном подчеркивании значительной роли Великобритании на мировой политической арене. Нередко это сопровождается приуменьшением роли «чужого», а именно того, кто является виновником сложившейся неблагоприятной ситуации.

Пример 72. Julian Borger: British companies
and envoys feel Russian backlash

(текст: <http://www.theguardian.com/politics/2007/jul/17/uk.business>)

This time round, all the indicators on the state of the relationship are negative. British companies have been shouldered out of joint ventures in Russia. Embassy and British Council staff have been harassed by a pro-Putin youth movement, Britain has emerged as a haven for wealthy Russian dissidents, and the Litvinenko affair, involving a horrific assassination and the dispersal of lethally radioactive material around London, is in itself far more than a spy scandal.

Контраст реализуется за счет негативно коннотированных лексических конструкций, характеризующих взаимоотношения России и Великобритании в июле 2007 года (*all the indicators on the state of the relationship are negative, shouldered out, harassed, a horrific assassination, the dispersal of lethally radioactive material around London, far more than a spy scandal*), усиленных параллельными синтаксическими структурами, которые также ведут к более трагическому восприятию накопленных проблем, и позиционирования Великобритании как

убежища для «богатых российских диссидентов» (*Britain has emerged as a haven for wealthy Russian dissidents*).

Исследование показало, что стремление оказать помощь и поддержку может принимать форму прямого обращения к потенциальным «нуждающимся в помощи». Подобный способ презентации материала способствует созданию более сильного воздействующего эффекта. Рассмотрим заявление Дэвида Кэмерона, сделанное им на саммите G8 в Довиле в мае 2011 года и цитированное британской газетой *The Guardian*. Высказывание обращено к государствам Ближнего Востока и северной Африки.

Пример 73. Patric Wintour: G8 summit : UK offers Egypt and Tunisia £110 m. to boost democracy
(текст: <http://www.theguardian.com/world/2011/may/26/g8-summit-egypt-tunisia-democracy>)

We'll help you build your democracies; we'll help you build your economies; we'll help you with trade – we'll help you in all the ways that we can, because the alternative to successful democracies is more of the poisonous extremism that has done so much damage in our world.

В своем прямом обращении британский премьер-министр использует положительно коннотированные лексемы *help, build, successful democracies*, анафорические повторы и синтаксический параллелизм, способствующие большей убедительности высказывания. Немаловажен тот факт, что желание помочь странам Ближнего Востока и северной Африки связано со стремлением спасти мир от экстремизма, что выражено в предложении *because the alternative to successful democracies is more of the poisonous extremism that has done so much damage in our world.* Таким образом, мы делаем вывод, что интенция автора – не только показать готовность помочь, но и подчеркнуть значимость Великобритании.

При реализации дискурсивно-семиотической техники патерналистского отношения визуальными средствами обязательным компо-

нением является имплицитное или эксплицитное присутствие в мультимодальном тексте адресанта и адресата коммуникации, то есть того, кто оказывает помощь или защиту, и того, кто их получает. Обнаружено, что интенция покровительства манифестируется через невербальные знаки оказания помощи, например, один персонаж изображения передает что-то другому или, по крайней мере, стремится это сделать; положение руки поверх объекта с интенцией конструктивного воздействия на этот объект и др. Демонстрируем один из подобных примеров, представляющий собранный корпус материалов (рис. 7).

Рис. 7. The hand over

На наш взгляд, изображение актуализирует негативное проявление техники патерналистского отношения. Очевидно, что рука в манжете с изображением британского флага актуализирует образ Великобритании: этот человек «помогает» ливийцу (о том, что второй субъект на изображении – представитель Ливии, свидетельствует надпись на листе бумаги – «*Libyan oil contracts*» (ливийские нефтяные контракты) и ливийский флаг). Ливиец держит ручку, «руководит» которой, по сути, британец. Надпись под изображением также содержит негативные импликации – «*The hand over*» (передача контроля). Пытаясь интерпретировать интенцию автора, мы, учитывая контекст изображения и вербальную составляющую, сделали вывод, что данное изображение направлено на неодобрение вмешательства в политику Ливии. Таким образом, мы полагаем, что приведенный мультимодальный текст способствует реализации дискурсивно-

семиотической техники патерналистского отношения с негативными коннотациями.

Итак, дискурсивные практики, позволяющие идентифицировать «чужих» в британской политической коммуникации, опосредованы направленностью дискурса на оппонентов внутри британского национально-лингво-когнитивного сообщества или за его пределы (интракультурная и интеркультурная перспективы), представлены в виде стратегии идентификации чужеродности, реализуемой посредством дискурсивно-семиотических техник, свойственных конкретной культурной перспективе, и вербальных и невербальных средств репрезентации «чужих» на различных уровнях языка и дискурса. Выявленные дискурсивные практики для идентификации чужеродности в британской политической коммуникации позволяют говорить о ряде закономерностей конструирования образа «чужих» в интракультурном и интеркультурном пространствах политического взаимодействия политических и общественных деятелей Великобритании.

В политической коммуникации реализация дискурсивных практик может быть представлена в виде лингвокоммуникативной модели, включающей дискурсивные стратегии, дискурсивно-семиотические техники и разноуровневые лингвистические и мультимодальные средства. Идентификация «чужих» наряду с самоидентификацией выступает важным аспектом политической коммуникации. При анализе дискурсивных практик идентификации «чужих» в британской политической коммуникации, было выявлено четыре дискурсивно-семиотических техники, реализуемых в рамках взаимодействия основных британских политических партий и направленных на взаимодействие британских политиков с представителями других культур. Так, в интракультурной перспективе актуализируются дискурсивно-семиотическая техника негативного позиционирования оппонентов и техника изолирования; в интеркультурной перспективе – дискурсивно-семиотическая техника оценочного позиционирования других государств и техника патерналистского отношения.

Как показало исследование, для идентификации «чужих» в интракультурной перспективе британского политического дискурса характерна высокая степень полемичности в связи с тем, что проигравшая партия автоматически становится оппозицией и ведет борьбу за лидирующее место в Парламенте на следующих выборах с необходимостью постоянно подчеркивать контраст между «ними» и «нами». Кроме того, по нашим наблюдениям, реализации отношения к «чужим» в интракультурной перспективе свойственна высокая эмоцио-

нализация. Данное явление связано, на наш взгляд, именно с интракультурной перспективой, поскольку политический дискурс, обращенный к представителям других лингвокультур подвержен международным этикетным нормам и выстраивается в более эмоционально сдержанной манере.

Идентификация чужеродности в интеркультурной перспективе британской политической коммуникации характеризуется формальностью и официальностью выражения, тенденцией к эмоционализации, склонностью к критике, стремлением к четкому разграничению «своего» и «чужого», подчеркнутым желанием найти компромисс, позиционированием себя как «помощников» в урегулировании конфликтов или выходе из затруднительного положения. Проанализировав различные случаи проявления отношений чужеродности в интеркультурной перспективе, мы обнаружили, что средства английского языка и дискурса отражают интенции политиков и реализуют негативную, нейтральную или позитивную формы актуализации.

РАЗДЕЛ 5

Дискурсивные практики табуирования и детабуирования в интердискурсе масс-медиа

«Что же касается запретов, то меня всегда поражало отнесение мата к табуированной лексике. Что же это за табу такое, если все его регулярно нарушают. Но дело в том, что нужно говорить не об абсолютном и тотальном запрете, а о системе культурных правил, регулирующих употребление мата и меняющихся со временем.

...Культурным считался не тот человек, кто не знал, что такое мат, или не употреблял его вовсе, а тот, кто знал соответствующие правила и умел, говоря научным языком, переключать регистры...»

(Кронгауз, 2008: 159)

В основных ежедневных практиках «бесперерывно порождаются, выражаются, различаются, разворачиваются и координируются новые смыслы», так мы «приобретаем новое осмысление, новое понимание себя, событий, всего, что нас окружает» (Матьяш, 2011: 71).

В рамках нашего научного интереса находятся дискурсивные практики, в которых актуализируются речевые смыслы, обусловленные табу.

Речевой смысл, вслед за А. В. Бондарко, мы понимаем как информацию, которая передается говорящим (пишущим) и воспринимается слушающим (читающим) на основе выражаемого языковыми средствами содержания, взаимодействующего с контекстом и речевой ситуацией, с существенными в данных условиях речи элементами опыта и знаний говорящего и слушающего, со всем тем, что входит в понятие дискурса (Бондарко, 2001: 7). Таким образом, источниками речевого смысла являются: 1) языковое содержание, 2) контекстуальная информация, 3) ситуативная информация, 4) энциклопедическая информация, 5) все прагматические элементы дискурса, существенные для передаваемого и воспринимаемого смыслового содержания

(включая не только референциальные, но и эмоционально-экспрессивные аспекты) (там же).

Феномен табу неоднократно попадал в фокус научных исследований. Отечественные и зарубежные авторы активно изучали вопросы происхождения и разграничения социальной и религиозной природы табу (Варбот, 1979; Кацев, 1986; Фрезер, 1983; Freud, 1956; Kaltebrunner, 1978; Seibel, 1990; Schröder, 1995), особенности выделения слов- и тем-табу в разных культурах (Кашкин, Смоленцева, 2005; Садыкова, 2003; Рутер, 2007; Цурикова, Гришаева, 2005; Balle, 1990; Bölling, 1965; Dahrendorf, 1961; Ganguin, Sander, 2006; Leisi, 2011; Wingen, 1987); рассматривали аспект приравнивания или дифференциации табу и запрета (Browne, 1984; Eggert, Golec, 2002; Keller, 1987; Musolff, 1987). Как правило, внимание лингвистов было сосредоточено на способе передачи табуированных понятий только с помощью эвфемизмов (Бенвенист, 1974; Блумфилд, 1968; Болотнова, 1998; Вандриес, 2004; Видлак, 1967; Гальперин, 1981; Кацев, 1986; Ковшова, 2007; Крысин, 2004; Кужим, 2003; Ларин, 1961; Меликова, 2005; Москвин, 2010; Сеничкина, 2006; Rada, 2001; Zöllner, 1997 и др.), что явно высвечивает необходимость расширения палитры исследовательских подходов к пониманию и актуализации табуированных коммуникативных феноменов в современных контекстах коммуникации.

В данной работе табу определяется как культурно-детерминированное коммуникативное явление, которое отражает необходимость избегать в конкретной дискурсивной ситуации определённых высказываний и тем, языковых номинаций и невербальных знаков, что обусловлено прагматической мотивированностью коммуниканта с учётом общепринятых в его лингвокультурном сообществе языковых и конвенциональных запретов, норм, традиций, ценностей и предписаний.

Анализ многочисленных коммуникативных фрагментов показал, что табу в вышеприведённом понимании возникают на приватном (личностном), интракультурном или интеркультурном уровнях, с которыми соотносятся определённые виды коммуникативных ограничений, детерминирующие экспликацию речевого и смыслового содержания в процессе дискурсивного взаимодействия.

Приватный уровень представляет собой «индивидуально-личностную мировоззренческую картину мира» говорящего (Землянский, Никонов, 2010: 122) и охватывает понятия и сведения из его личной сферы деятельности и области знаний о действительности.

Описание этой системы знаний составляет тезаурус индивидуального носителя информации. На данном уровне функционируют *личностно-тезаурусные табу*. Они определяют не только выбор тем, языковых средств, невербальных знаков, но и поведение говорящего в целом. Например, в популярном немецком ток-шоу «Hart aber fair» ведущий прерывает высказывание гостя, задавая нижеприведенный вопрос, касающийся её личной жизни.

Пример 74. Eine private Geschichte

(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=4Ee2TPqbBmI> 9:20-9:54)

M: Entschuldigen Sie, ich dachte Sie sind in Deutschland geblieben, weil Sie sich in einen deutschen Mann verliebt haben?

G: <lächelt und gestikuliert> Pff... Das ist eine private Geschichte, ich sage das nicht in die Öffentlichkeit...

Упоминание ведущим (М от нем. «Moderator») подробностей из приватной сферы провоцирует собой коммуникации модератора с участницей телепередачи, которая демонстрирует, что эта тема в данной дискурсивной ситуации неприемлема. Фраза с лексемой «*privat*» выполняет функцию дискурсивного маркера, который в совокупности с невербальными сигналами (паузация, мимика, жест, улыбка) указывает на наличие личностно-тезаурусного табу. Нежелание нарушать его гостя (G от нем. «Gästin») вербализует посредством глагола в изъявительном наклонении с отрицанием «*nicht*» и собирательного существительного «*Öffentlichkeit*», которое антонимично противопоставлено прилагательному «*privat*».

Интракультурный уровень охватывает взаимодействие «представителей одного национально-культурного сообщества, обладающих единой когнитивной базой» (Красных, 2003: 96). Члены этого сообщества разделяют представления о запретном и стигматизированном, о национальных традициях, ценностях и установках. На данном уровне функционируют *культурно-узуальные табу*, т.е. общепринятые в рамках определённой лингвокультуры. Они являются «силь-

нейшей из всех конвенциональных норм» (Кострова, 2005: 252) и могут расходиться с табу в другой лингвокультуре. При этом сферы культурно-узуальных табу зачастую пересекаются со сферами лично-стно-тезаурусных. Например, тематика смерти табуированна в немецкой культуре в целом, а также связана с рядом коммуникативных ограничений на приватном уровне. Не принято расспрашивать людей, у которых недавно скончался близкий родственник, о причинах смерти, об их самочувствии и т.д. Обращение к данной теме ограничено ритуализованными фразами соболезнований.

Дискурсивное взаимодействие представителей разных языковых культур характеризуется наличием определённых коммуникативных ограничений в силу межкультурных различий, расхождения ценностных систем, сформировавшихся этнических предубеждений, желания скрыть важную информацию от «чужих» и т.д. Иными словами, на *интеркультурном уровне функционируют межкультурно-обусловленные табу*. Например, вербализация участником дискурса негативных стереотипных представлений о представителях другой этнической группы, к которой принадлежит его собеседник, может стать препятствием для реализации коммуникативной цели, повлечь за собой коммуникативный провал. Осуждение или порицание чужих традиций, взглядов, жизненных или религиозных установок провоцирует выражение несогласия, ответную критику, усилит конфликтность ситуации общения.

Так, во фрагменте германского телепроекта «Das Experiment 30 Tage Moslem» («На 30 дней стать мусульманкой») девушка-немка в беседе с молодым человеком-мусульманином выражает негативное стереотипное представление об ущемлении прав женщин в исламе.

Пример 75. Falsches Argument

(видео: <http://www.veoh.com/watch/v206986792Wd7RkSp?h1=Das+Experiment+30+Tage+Moslem>)

M: Das ist absolut ein falsches Argument! Es geht... generell darum, ...ah dass, und der Meinung auch ich bin, dass die moslemischen Frauen

einfach mal... ein Stück mehr Freiheit kriegen sollen. ...Ich finde sie... sie sind total eingeengt!..

Вводная конструкция с союзом «auch», модальный глагол «sollen» и метафора «ein Stück Freiheit» с наречием в сравнительной степени «mehr» редуцируют категоричность суждения говорящей. При этом экспрессивный эпитет «eingeengt», выражающий денотативное содержание высказывания, усилен эмоционально-оценочной лексемой «total» и восклицательной интонацией. Коммуникант (М от нем. «Mädchen») пытается продемонстрировать свою открытость, готовность к дискуссии, что считается особенностью общения носителей немецкой лингвокультуры. Однако попытки молодого человека аргументированно высказать мнение относительно данной проблематики прерываются с помощью восклицательного предложения «Das ist absolut einfaches Argument!» с оценочным прилагательным «falsch» и категоричным наречием «absolut», которые противоречат принципу доброжелательности в процессе интеркультурного взаимодействия и провоцирует сбой в коммуникации участников проекта.

Таким образом, общающиеся сталкиваются с разноуровневыми коммуникативными ограничениями, поэтому учёт ситуативного контекста, монокультурной или межкультурной среды актуализации табу имеет концептуальное значение для осмысления природы табуированных речесмыслов.

Под табуированным речесмыслом мы понимаем эксплицированный в коммуникации фрагмент действительности, интерпретируемый субъектом взаимодействия как коммуникативное ограничение (табу) в конкретной дискурсивной ситуации с учётом определённого пресуппозиционного фона его участников.

В аспекте институционального общения речь коммуникантов подвергается сознательному нормированию в соответствии со статусно-ролевыми отношениями, конвенциональными правилами, контекстуальными рамками и т.д., что, в свою очередь, сказывается на частоте функционирования разноуровневых табу и влияет на актуализацию табуированных речесмыслов. В результате анализа эмпирического материала было установлено, что табуированные речесмыслы подвергаются коммуникативной обработке, которую мы понимаем как комплекс коммуникативно-языковых действий, направленных на предотвращение сбоя (провала) в межличностном общении или корректировку нежелательного дискурсивного эффекта.

Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов нацелена на сохранение или нарушение табуированного денотата. В зависимости от этого табуированные речесмыслы эксплицируются в двух разнонаправленных дискурсивных практиках: табуирования и детабуирования соответственно.

Табуирование направлено на сохранение табуированного денотата, ненарушение табу. Табуированные речесмыслы передаются в рамках данной дискурсивной практики с помощью лингвокоммуникативных средств, вуалирующих, смягчающих, преуменьшающих, скрывающих и т.д. собственное табуированное речевое и смысловое содержание высказывания.

Дискурсивная практика детабуирования, напротив, предполагает актуализацию табуированных речесмыслов с целью нарушения табуированного денотата. Участник(и) дискурса не соблюдает коммуникативных ограничений, а действует вопреки им, применяя различные вербальные и невербальные средства.

Продуктивен с точки зрения анализа выделенных дискурсивных практик масс-медиаальный дискурс, который представляет собой интердискурсивное пространство, интегрирующее различные типы институционального взаимодействия. Данные типы дискурса, ряд прагматических факторов, а также виды табу детерминируют процесс актуализации табуированных речесмыслов.

Табуированные речесмыслы, обусловленные личностно-тезаурусными табу, проявляются преимущественно в рамках дискурсивной практики табуирования (и крайне редко репрезентируются в дискурсивной практике детабуирования) с помощью продолжительных пауз, умолчаний и эллиптических конструкций, усечённых форм предложения (с опущением главных членов), гиперонимов вместо гипонимов, антонимической оценочной лексики, абстрактных существительных, риторических восклицаний и вопросов, эмоционально-окрашенных номинаций, сложных слов (часто в составе с лексемой «*Schock*»), форм сослагательного наклонения, конструкции из определённого артикля «*das*» в функции указательного местоимения с глаголами широкой семантики «*tun / machen*» вместо лексем, раскрывающих денотативное содержание высказывания, сложноподчинённых предложений с большим количеством придаточных определительных и изъяснительных и др.

Пример 76. Im Kriegsfall
(видео: из личного архива автора)

M: *Was das jetzt im Kriegsfall wäre, wo jeder gegen jeden... ah.. o'k... Dann hätte ich das... tun müssen, ne?*

Так бывший военный (М от нем. «Militärperson») вспоминает о приказе командования стрелять по людям, желающим пересечь границу Берлинской стены. Форма сослагательного наклонения, умолчания, паузы хезитации, конструкция «das tun», риторический вопрос применяются говорящим для коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики табуирования на приватном уровне.

Табуированные речесмыслы, детерминированные культурно-узуальными табу достаточно часто эксплицируются в обеих дискурсивных практиках с помощью фонетических аллюзий, общеязыковых конструкций-клише, переноса единиц одной терминосистемы в другую, сравнений и метафор (с пейоративным компонентом), фразеологизмов, пословиц, крылатых выражений и других устойчивых разговорных оборотов, неопределённых местоимений, неопределённо-личных конструкций, модальных глаголов с семантикой разрешения и запрета, распространённых простых и сложносочинённых предложений и т.д. Например, в репортаже о скорой медицинской помощи для передачи табуированных речесмыслов, связанных с социальной незащищённостью работников бюджетной сферы в России, в рамках дискурсивной практики табуирования применяется афоризм.

Пример 77. Точка отсчета
(текст: <http://www.rusrep.ru/2009/32/skoraya>)

В: *На одной ставке есть нечего, на двух – некогда*

Так характеризует свой трудовой график врач, работающий в отделении скорой медицинской помощи (В от рус. «врач»).

Экспликация табуированных речесмыслов, детерминированных межкультурно-обусловленными табу, характеризуется частой сменой практик табуирования и детабуирования в дискурсе. Широко применяются языковые средства выражения контрастивной оценочности, ирония, приёмы языковой игры, местоимения с обобщающей семантикой, собирательные существительные, имена собственные в качестве нарицательных, транскрибированные и калькированные с иностранного языка слова, именующие реалии, заимствования, чередование высокого и разговорного стилей, положительно- и негативно-коннотированных единиц, форм сослагательного и изъявительного наклонений, цитаты, изменение тема-рематического соотношения в предложении, сложноподчинённые и сложносочинённые предложения, осложнённые однородными членами.

Пример 78. Französin

(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=4Ee2TPqbBmI> 1:48 – 2:08)

O: Natalie Licard, Französin, kam im Alter von 30 Jahren nach Deutschland und sagt: „Ich hatte jede Menge Vorurteile über euch, von armen Kindern in hässlichen Ledersandalen bis zu Frauen mit Haaren auf den Beinen. Doch so stillos seid ihr gar nicht. Ihr habt manchmal sogar auch Humor!

Так авторы (О от нем. «Offstimme») немецкого ток-шоу «Hart aber fair» представляют гостью-француженку, идентифицируя её лингвокультурную принадлежность с помощью существительного-этнонима, следующего за именем собственным. Цитируя отрицательные представления женщины о немцах, говорящий выносит в начало прямой речи существительное в форме множественного числа «*Vorurteile*», гиперболизированное с помощью словосочетания «*jede Menge*». Таким способом адресант предвосхищает экспликацию негативных гетеростереотипных представлений, перечисленных посредством предложной конструкции «*von... bis zu...*» и оценочных прилагательных «*hässlich*», «*arm*», «*stillos*», и компенсирует нарушение та-

буированного денотата с помощью иронии. Противопоставления с частицами «*doch*», «*gar*», отрицанием «*nicht*», наречиями «*sogar*» и «*manchmal*» усиливают экспрессию высказывания и служат созданию комического эффекта.

Среди прагматических факторов, наиболее влияющих на актуализацию табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках табуирования и детабуирования, удалось выделить следующие: социального статуса, вежливости, контекстуальной обусловленности, пресупозиционных установок, возраста, пространства и времени, гендерный и культурно-национальный факторы.

Фактор социального статуса воздействует на уровни табуирования (например, для мигранта его культурная чужеродность – табу на приватном уровне). Кроме того, в случае принадлежности к одному социальному классу и возрастной группе коммуниканты более склонны к общению, их речь более прямая и открытая. Вежливость «стимулирует» использование коммуникативно-языковых средств, направленных на сохранение табуированного денотата. Следование принципу вежливости часто соотносится с влиянием гендерного фактора и атрибутируется представительницам женского пола. С другой стороны, речь женщин более эмоциональна, что сказывается на нередком предпочтении ими дискурсивной практики детабуирования. Фактор времени и пространства является решающим при идентификации табу, так как понятия утрачивают и приобретают свои значения с развитием общества. Тематические поля, в рамках которых возникают, функционируют и теряют свою специфику табуированные речесмыслы, достаточно универсальны, однако восприятие данных тем, интенсивность табуирования детерминированы культурно-национальным фактором. Фактор пресупозиционных установок определяет отношение говорящего к слушающему, к теме дискурса и включает целый комплекс из ожиданий, предположений, впечатлений, фоновых знаний. Фактор контекстуальной обусловленности объединяет ряд прагматических условий и влияет на актуализацию табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках, а также на восприятие и интерпретацию полученного сообщения.

Иллюстративный пример влияния прагматических факторов на репрезентацию табуированных речесмыслов можно встретить в выпуске телепередачи «*Presseclub*», посвящённом скандалу с прослушкой в Великобритании в 2011 году. Шеф-редактор известной немецкой газеты «*Stern*» Ханс-Ульрих Йоргес (Hans-Ulrich Jörges) высказывается о неприятной для него как представителя СМИ ситуации, суть

которой – заискивание его коллег перед высокопоставленными политиками. Саму проблему журналист обозначает с помощью спортивной метафоры «*Wettrennen*» (скачки, бега), эксплицируя в дискурсивной практике табуирования речесмыслы, связанные с корыстными замыслами представителей прессы, которые разными способами пытаются завести нужные связи с чиновниками, чтобы потом использовать их в своих целях. При этом шеф-редактор называет фамилию премьер-министра Штайнбрюка, широко обсуждаемого германской общественностью. Данного политика характеризуют как человека, на которого «*возлагают все свои надежды социал-демократы*» («*der Hoffnungsträger der SPD*»); «*который «стоит на вершине хит-парада среди политиков» («steht in der Politiker-Hitparade ganz oben»); «у которого «все козыри, чтобы быть кандидатом в канцлеры от своей партии» («hat er auch gute Karten um ein Kanzlerkandidat von seiner Partei zu werden»)* и который даже «*более любим, чем нынешний канцлер» («er ist beliebter als die Kanzlerin»)*. Кроме того, Штайнбрюка иронично причисляют «*к самым малоактивным чиновникам» («den am wenigsten aktiven Abgeordneten»)* из-за того, что весь предыдущий срок созыва он часто отсутствовал. Этот факт связывается в популярной дискуссионной политической передаче «*Kontrovers*» с чрезмерной любовью премьер-министра к публичной жизни и желанием получить материальную выгоду. Во время дебатов, заседаний парламента, важных обсуждений Штайнбрюк, как говорится в выпуске, всегда оказывается в отъезде с каким-нибудь докладом на конференции и т.д., так как за подобные выступления хорошо платят. В сюжете журналистами (J. от нем. «*Journalist*») даже предпринимается попытка подсчитать, сколько заработал политик.

Пример 79. Bezahlte Vorträge

J: ...51 bezahlte Vorträge... Fast alle davon fallen unter die höchste Einkommensstufe. Das bedeutet, er hat für jeden Vortrag mehr als sieben Tausend Euro bekommen... Eingutes Geschäft!..

Пример 80. Stein im Brett
(видео: из личного архива автора)

C: Es gibt heute in Deutschland auch...im Moment, wenn ich richtig 's beobachte, gibt's ein Wettrennen drum bei Chefredakteuren, den Steinbrück zum Essen nach Hause einzuladen, weil es nun eine gute Investition sein kann, dass er Kanzler wird, und wenn man recht dabei war, hat man einen Stein im Brett und kann telefonieren... Das gibt's in Deutschland auch, diese Versippung ah... durch Hochzeiten....

Вероятно, располагая подобной фоновой информацией, Ганс-Ульрих Йоргес (С от нем. «Chefredakteur») приводит фамилию Штайнбрюка, приглашение на ужин которого говорящий с иронией метафорично обозначает как «*gute Investition*» (*хорошую инвестицию*). Фактор пресуппозиционных установок детерминирует экспликацию табуированных речесмыслов в дискурсивной практике табуирования посредством фразеологизма «*einen Stein im Brett haben*» (*быть в фаворе*) и метафоры «*Versippung*» (однокоренное существительное от глагола *versippen* – *породниться*), замены устойчивого выражения «*um Gefallen bitten*» (*просить об одолжении*) с помощью глагола «*telefonieren*» (*звонить по телефону*).

Табуированные речесмыслы подвергаются в общении определённой обработке в рамках выделенных дискурсивных практик. Изучение соответствующего теоретического и анализ практического материала позволили выявить 12 способов и приёмов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов.

Дискурсивную практику табуирования реализуют следующие способы: эвфемизация, криптолалия, дезинформация, ритуализация, коммуникативный приём «позволить объяснить себе».

Эвфемизм является достаточно изученным средством переименования чего-то нежелательного или запретного, поэтому мы рассматриваем *эвфемизацию* как один из наиболее распространённых способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов. Разнообразные вербальные и невербальные средства эвфемизации применяют, чтобы смягчить, завуалировать нежелательную информацию, улучшить табуированный денотат.

Пример 81. Menschen – das Abenteuer
(видео: из личного архива автора)

F: ... *dieses ... ein kosmetisches Element, das...*

Словосочетание «*ein kosmetisches Element*» (*косметический элемент*), которое употребляет одна из участниц телевизионного проекта (F от нем. «Frau») «Menschen – das Abenteuer» («Люди – приключение») для обозначения протеза другой участницы, оставшейся ранее в результате серьёзной автокатастрофы без одной ноги выполняет функцию эвфемизма. Прямое именование, составное существительное «*Kunstbein*» (досл. *искусственная нога*), вызывает ассоциации с наличием физического дефекта, человеческой неполноценностью. Указание на подобные недостатки считается невежливым, некорректным, дискриминирующим в рамках немецкой лингвокультуры и составляет сферу культурно-узуальных табу, что подтверждается постоянным введением в языковой обиход новых эвфемизмов для обозначения такой группы людей (*mobilitätseingeschränkte Person, Behinderte* вместо *Invalide*). Мелиоративный эффект употреблённой эвфемистической конструкции позволяет говорящему сохранить лицо при экспликации табуированных речесмыслов, не задеть чувства партнёра по коммуникации, избежать неприятных ассоциаций и подбодрить его перед предстоящим проектным испытанием, восхождением в горы.

Криптолалия основана на применении средств «тайноречия» и «тайнописи», чтобы скрыть нежелательную информацию, закамouflировать табуированный денотат (Москвин, 2010: 75). Данный способ реализуют разноуровневые языковые средства: стилистические фигуры и тропы, приём метономазии, аббревиатуры, жаргонизмы, просторечия, криптонимы, смена темы, вербально и невербально обозначенный отказ от коммуникации, графические фигуры и т.д. Интересный пример приводит участница ток-шоу «Hart aber fair».

Пример 82. Frutti

(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=4Ee2TPqbBmI> 9:50 – 10:35)

G: *...Als ich bei einer... Frauenarzt war... Er hat mir über Krebsvorsorgeuntersuchungen <spricht silbenweise aus> gesprochen. Habe ich schon Schock bekommen! Bei uns man nennt nicht so schnell der Wort "Krebs"... Bei uns der gleiche Konzept heißt "frutti". "Frutti" ist eine Erfindung, das bedeutet nix...*

Гостья-француженка (G от нем. «Gästin»), допуская грамматические ошибки, употребляет лексему «*frutti*», которая во французском языке выполняет функцию криптонима в общении врача с пациентом, замещая прямое именование онкологического заболевания.

Дезинформация применяется, чтобы ввести в заблуждение слушающего путём искажения табуированного денотативного содержания. Способ дезинформации реализуется преимущественно посредством интонационного выделения отдельных сегментов высказывания, пауз, риторических восклицаний и вопросов, антонимической оценочной лексики, отрицательных конструкций, параллелизмов, синтаксических повторов, приёма парцелляции и прочих языковых средств. В масс-медиаальном дискурсе дезинформация, как правило, сопровождается различными вербальными и невербальными средствами, способствующими её «разоблачению». Например, рекламная кампания развлекательного портала «ЕКАВU.ru» использует образ беременной женщины, которая запечатлена с дымящейся сигаретой и бутылкой алкоголя. Невербальный компонент сочетается с рекламным текстом, который утверждает: «*Твоя беременность - не болезнь. Нет смысла отказывать себе в удовольствиях!*». Существительное в форме множественного числа «*удовольствия*» в данном контексте имплицитно соотносится с вредными привычками, которые пропагандирует изображение. Лексема «*беременность*» противопоставлена с помощью отрицательной частицы «*не*» и пунктуационного знака тире номинации «*болезнь*», выстраивающей у реципиента негативный ассоциативный ряд. Безличная отрицательная конструкция «*нет*

смысла» в сочетании с инфинитивной формой глагола и восклицательный знак в конце предложения выражают категоричное утверждение. Сообщение может быть интерпретировано как призыв не отказываться от курения и распития спиртных напитков в период беременности из-за отсутствия какой-либо опасности. Табуированные речесмыслы, обусловленные культурно-узуальным табу, эксплицируются здесь с помощью способа дезинформации (рис. 8).

Рис. 8. Табуирование через дезинформацию

Ритуализация превращает общение коммуникантов в ритуал, маскирующий табуированные речесмыслы с помощью общеязыковых шаблонов, клише, «дежурных» фраз и поведения. Например, на табуированный в немецкой лингвокультуре вопрос о зарплате «*Wieviel verdient man in Ihrer Position?*» («Какая у Вас зарплата?») такие ответы, как «*Wie viele andere*» («Как и у многих в этой сфере») или «*Genug, um zu leben*» («Достаточно, чтобы жить»), применяются с целью сохранения табуированного денотата. Ритуалы – это маски, которые надевают участники конкретной коммуникативной ситуации, чтобы избежать дискомфорта, что ярко было продемонстрировано в дискурсивном взаимодействии лидеров ведущих стран мира на состоявшейся шестого июня 2014 года встрече в Нормандии во время торжеств, посвящённых 70-летию открытия второго фронта.

Пример 83. Встреча в Нормандии
(видео: <http://www.1tv.ru/news/polit/260522>)

Политики, занимающие контрарные позиции относительно украинского кризиса, выполняли ритуальные действия (церемония рукопожатия, обязательное общение во время протокольной видеосъёмки и т.д.), преодолевая коммуникативные ограничения.

Коммуникативный приём «*позволить объяснить себе*» («*sich belehren lassen*» (Trad, 2001: 161)) используется с целью манипулятивного воздействия на партнёра по коммуникации и неявно провоцирует его на вербализацию табуированных речесмыслов. Под приёмом мы понимаем частный вариант способа коммуникативной обработки. Как правило, участник дискурса вербально (иносказательно переспрашивает, неточно цитирует, завуалированно интерпретирует сказанное и т.д.) и невербально (с помощью мимики, визуального контакта, жестов) демонстрирует, что ему не ясно, о чём говорит или на что намекает его собеседник, имплицитно требуя, чтобы последний пояснил, о чём речь. Такой приём можно встретить во фрагменте документального фильма о буднях японской мафии.

Пример 84. Yakuza
(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=scThlilmdSI>)

B: Mein Sekretär hat vor Gericht auf die Frage, was er von Beruf sei, geantwortet: "Ich bin Yakuza." – „Was tun Yakuza beruflich?“. Wenn man im Lexikon nachschlägt, wird zwar das Wort erklärt, aber als Beruf ist es sicher nicht vermerkt. Es hat mich gefreut, dass er das gesagt hat. Sonst sagt man in so einer Situation, man sei arbeitslos oder freiberuflich

tätig. Und kriegt bestimmt als Antwort: „Sie sind ein Yakuza, nicht?“ Schönreden bringt also nichts. Es klingt nicht besser, arbeitslos zu sein. Ich finde es sehr mannhaft, sich vor Gericht freiwillig als Yakuza zu bezeichnen. „Ich bin von Beruf Yakuza“, das hat Größe, nicht? Der Richter soll gefragt haben, was so ein «Yakuza-Laden» eigentlich macht. „Die Männlichkeit aufpolieren.“ – „Das kann man auch in anderen Berufen“, – sagte der Richter. Da hat der Richter wirklich was Vernünftiges gesagt ...

Глава одной из группировок клана якудзы (В от нем. «Boss») рассказывает журналисту о случае в суде. В данном фрагменте судья провоцирует ответчика вопросами, намеренно демонстрируя свою неосведомлённость относительно понятий, связанных с преступной деятельностью банды, которая именуется говорящим с помощью метафор «*Beruf*», «*Laden*» и т.д. Табуированные речесмыслы завуалированы, но прямое именование «*Yakuza*» указывает на языковую игру судьи, которую продолжает обвиняемый с помощью метафоры «*Die Männlichkeit aufpolieren*», придающей высказыванию высокий стиль. Лексема «*Yakuza*» является термином, обозначающим японскую мафию, преступная деятельность которой считается противоправной и традиционно относится к сфере табу на интракультурном уровне. Социальный статус судьи как представителя закона детерминирует применение говорящим коммуникативного приёма «позволить объяснить себе». При этом судья преимущественно использует слова нейтральной лексики и глаголы широкой семантики («*Beruf*», «*tun*», «*machen*»). Существительное «*Laden*» в данном контексте может быть интерпретировано как оценочная номинация разговорного стиля, с помощью которой говорящий придаёт ироничность суждению. Напротив, принадлежность к клану якудзы для ответчика служит предметом гордости как следование самурайскому кодексу чести, о чём можно судить по положительно-коннотированной оценочной лексике («*mannhaft*», «*vernünftig*», «*besser*», «*Größe*», «*Schönreden*», «*Männlichkeit*», «*freuen*»).

В рамках дискурсивной практики детабуирования проведённое исследование позволило выделить такие способы коммуникативной обработки, как: дисфемизация, прямая номинация, псевдодисфемизация, использование номинаций, принадлежащих к бинарной оппозиции «свой/чужой», «сенсационализация» и стереотипизация.

Дисфемизация понимается нами как экспликация табуированных речесмыслов с помощью более грубых, негативных оценочных

номинаций по отношению к табуированному денотату – дисфемизмов. Дисфемизмом (от греч. «дурнословие») является любое «грубое слово или выражение, которое представляется собеседникам резким, вульгарным, неприличным» (Ковшова, 2007: 105).

Иллюстративный пример дисфемизации встречаем в фильме-репортаже «Geschlossene Gesellschaft», где под метонимичным названием скрывается история одной гессенской школы-интерната (Odenwaldschule), получившей в недавнем прошлом скандальную известность из-за случаев массового насилия над учениками со стороны бывшего руководителя Герольда Бекера (Gerold Becker), его последователей и других учителей школы.

Фильм Л. Шмид и Р. Шиллинг (Luzia Schmid, Regina Schilling) посвящён 100-летию юбилею школы, в качестве празднования которого настоящим руководством было решено организовать встречу-дискуссию бывших учеников, жертв насилия, представителей СМИ и учителей, желающих принять участие в процессе обвинения сотрудников школы, чтобы рассказать широкой общественности о том, что на самом деле происходило раньше за стенами известного своим демократичным подходом учебного заведения.

Пример 85. Geschlossene Gesellschaft
(видео: из личного архива автора)

S: An der Odenwaldschule wurde gesoffen, geraucht, gekifft und gevögelt...

Так, ученики (S отнем. «Schüler»), ставшие жертвами сексуального насилия, уличая учителей-педофилов, нарушают культурно-узуальные и даже личностно-тезаурусные табу, что обусловлено взаимным влиянием ряда прагматических факторов: социального статуса, пространства и времени, возрастным фактором. В настоящем взрослые мужчины выступают от лица подростков, бывших учеников школы. Они эмоционально передают табуированные речесмыслы с помощью жаргонизмов, пейоративных эпитетов, вульгаризмов, грубых просторечных глаголов («*An der Odenwaldschule wurde gesoffen, geraucht, gekifft und gevögelt*» – «*В школе бухали, курили, дули и трахались*»; «*Scheiße, da beißt er mir den Schwanz ab!*» - «*Вот чёрт, он мне откусит член!*»; «*dann war das ein Kleinstück Scheiße gewesen*» – «*потом был настоящий кусок дерьма*»; «*ganz ekelhaft*» – «*абсолютно*

тошнотворный»; «*diese widerlichen Zehen*» – «эти омерзительные пальцы ног» и др.).

Прямая номинация означает экспликацию табуированных речесмыслов с помощью средств, прямо выражающих табуированный денотат без огрубляющего эффекта. Например, *смерть*, *умирать* (вместо *отбросить коньки, подохнуть*), *война* (вместо *кровавая бойня*), *проститутка* (вместо *иллюха, шалава*), *Sex haben* (вместо *ficken, bimsen*), *Penis* (вместо *Schwanz*) и др. При разграничении дисфемизмов и прямых номинаций может возникнуть сложность, что объясняется зависимостью этих явлений от временного, культурно-национального и прочих факторов, когда табуированный речесмысл перестаёт быть табуированным в силу изменений в обществе, восприятия того или иного понятия с течением времени или других причин.

Псевдодисфемизация ориентирована на использование грубых номинаций не с целью оскорбить других участников дискурса, а с целью выразить им свою любовь, симпатию, похвалу, сделать комплимент. Данный способ коммуникативной обработки более характерен для русской лингвокультуры, где личностные взаимоотношения в рабочем коллективе зачастую превалируют над деловыми. Псевдодисфемизмы выполняют здесь фатическую, комплиментарную, оценочную функции. Просторечные номинации, сленговые единицы, негативно-коннотированные лексические средства, характеризующие отрицательные качества человека, физические и внешние недостатки и т.п. под воздействием контекстуального фактора приобретают положительную оценку. Например, выражение «*Ну Вы и деспот!*» иронично подчёркивает солидарность с коллегой-преподавателем, который рассказывает о сложном, трудоёмком задании, подготовленном в качестве «наказания» для студентов, не выполнявших в течение учебного семестра домашние задания, и не является ругательным, несмотря на использование негативно-коннотированной лексики, которая в другом контексте может вызвать нежелательные ассоциации с такими табуированными понятиями, как ущемление прав человека, дискриминация, насилие. Невербальные сигналы (улыбка, мимика, интонация) сопровождают подобный способ обработки и помогают верно интерпретировать речесмыслы.

Номинации из бинарной оппозиции «*свой/чужой*» (оценочные прилагательные (напр., *другой, чужой, не такой, странный*), существительные и прилагательные-этнонимы (*немцы, русские* и др.), притяжательные, указательные местоимения (*наш, Ваш, их, этот, тот*), противопоставление форм личных местоимений (*Вы – ты*), неопреде-

лённо-личные формы глагола (напр., *понаехали, припёрлись*), слова, обозначающие уничижительные и презрительные прозвища (*хачики, фрицы, москали*) и т.д.), указывают на инаковую лингвокультурную принадлежность партнёров по коммуникации и интенционально направлены на принижение их самодостаточности. Данный способ коммуникативной обработки встречаем, например, во фрагменте ток-шоу «Hart aber fair».

Пример 86. We are made in Germany

(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=4Ee2TPqbBmI> 4:26 – 5:34)

G: *...Dann liegt es daran, weil, vielleicht, die Deutschen... sehr viele positive Eigenschaften haben, nämlich Pünktlichkeit, Exaktheit, Zuverlässigkeit und das, vielleicht, in manchen Ländern nicht an erster Stelle steht, aber das ist ... unsere Chance. «We are made in Germany», in Deutschland von unseren Vätern oder Großvätern...*

G: *...und dass Deutschland nur die Währungskrise besser überstanden hat als vielleicht einige Nachbarn, das ist sichtbar und darüber kann natürlich gerade ein Spanier nicht sich ganz... sehr freuen und möchte vielleicht bei uns auch einige Fehler sehen».*

Предприниматель господин Групп (G от нем. «Gast») не только перечисляет абстрактные существительные, выполняющие функцию однородных дополнений, которые характеризуют положительные черты характера представителей немецкой лингвокультуры, но исключает наличие подобных характеристик у «других»: *«in manchen Ländern nicht an erster Stelle steht»*. Однако категоричное отрицание заменяется устойчивым выражением *«an erster Stelle stehen»* и вводным словом *«vielleicht»*, которое мужчина повторяет дважды, выстраивая модальность предположения. Известное англоязычное клише, которое символизирует сегодня гарантию качества *«We are made in Germany»*, сопровождается дублированием части фразы на немецком языке *«in Deutschland»*. Притяжательным местоимением множественного числа говорящий идентифицирует свою культурно-национальную принадлежность и

открыто выражает патриотические чувства. Прилагательное в сравнительной степени «*besser*» применяется участником ток-шоу по отношению к топониму «*Deutschland*», который противопоставляется гипертониму «*einige Nachbarn*» для обобщённого обозначения европейских стран. О зависти к Германии мужчина говорит, подменяя понятия, с помощью глагола с отрицанием, категоричность которого частично редуцируется за счёт двух синонимичных наречий, выражающих неполноту действия «*nicht sich ganz... sehr freuen*». При этом используется вводное слово «*natürlich*» и модальный глагол в изъявительном наклонении «*kann*», которые контрастируют с формой сослагательного наклонения в заключительной части высказывания. Так, коммуникант подчёркивает желание «чужих» увидеть ошибки со стороны немцев и намекает на низкую вероятность, нереальность подобного. Существительное-этноним единственного числа с неопределённым артиклем «*ein Spanier*» является синекдохой и прямо противопоставлено форме множественного числа личного местоимения «*wir*» («*bei uns*»). В данном примере реализуются две дискурсивные практики. Номинации из бинарной оппозиции «свой/чужой» применяются с целью нарушения табуированного денотата, который одновременно вуалируется с помощью способа эвфемизации, что, вероятно, объяснимо наличием межкультурно-обусловленного табу.

Стереотипизация как способ коммуникативной обработки подразумевает выражение негативных (этно)стереотипных предубеждений о культуре (субкультуре), носителем которой является один из участников дискурса, и используется, чтобы выразить язвительную насмешку, негативную оценку, оскорбить, спровоцировать коммуникативный конфликт. С помощью приёма генерализации адресант, как правило, обобщает всех «чужих» и применяет по отношению к ним отрицательные оценочные номинации, пейоративную лексику, вербализуя укоренившиеся в обществе предрассудки: *все русские – пьяницы и невежды, все эстонцы – тугодумы, все немцы – скрытые агрессоры, снобы и расисты* и т.д. (Кашкин, 2005: 250; Нымм, 2006: 183; Йетик, Кох, 2004).

Показателен пример, отмеченный нами в той же телепередаче «*Hart aber fair*».

Пример 87. Der lästige Michael

(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=4Ee2TPqbBmI> 0:14 – 1:12)

M: Wir... wir Deutsche haben Europa ein Kunststück hingekriegt. Wir werden bewundert dafür wie unser Land durch die Krise marschiert ist. Und gleichzeitig, so stellt die Frankfurter allgemeine Sonntagszeitung fest, gleichzeitig sind alle sauer, und wir gelten als arrogant und besserwisserisch <zählt auf, gestikuliert> und seit neustem auch als egoistisch. Wenn es eng wird, schlagen wir uns in die Büsche, sind bei Krisen gerne außen vor. Bei Ratschlägen für andere allerdings taten wir uns weniger zurück. Angela Merkel empfiehlt, dass schon mal gerne mehr deutschen Fleiß für die Südländer. Ist es eine „Pump-Anmaßung“ oder ist es das gute Recht des Leistungsträgers? Unser Thema heute ist der lästige Michael wie Deutschland, der den Rest der Welt nervt. Eine Diskussion mit Augenzwinkern falls die Deutschen überhaupt so was können.

Ведущий Франк Пласберг (М от нем. «Moderator») анонсирует тему выпуска. Табуированные речесмыслы обусловлены в высказывании, в первую очередь, культурно-узуальными (ведущий-немец озвучивает негативные авто- и гетеростереотипные представления о немцах) табу. При этом личное местоимение 1-го лица «*wir*», многократно повторяемое говорящим, существительные-этнонимы в форме множественного числа «*Deutsche*», «*die Deutschen*», обобщающее местоимение «*alle*», притяжательное местоимение «*unser*» идентифицируют культурно-национальную принадлежность коммуниканта. Так говорящий снимает личную ответственность за язвительную насмешку над немцами, причисляя себя к ним, к «своим». Контрастивная оценочность высказывания выражена противопоставлением экспрессивной положительно-окрашенной лексики (партиципная форма глагола «*bewundern*», существительное «*Leistungsträger*») и негативно-коннотированных языковых единиц (прилагательное в переносном значении «*sauser*», эпитеты «*arrogant*», «*besserwisserisch*», «*egoistisch*», «*lästig*»). Жест ведущего и интонация указывают на возможность продолжения перечисления негативных качеств. При этом

мужчина ссылается на источник «*so stellt die Frankfurter allgemeine Sonntagszeitung fest*». В предложении с придаточным условия «*Wenn es eng wird, schlängen wir uns in die Büsche...*» применяются разговорные конструкции, которые характеризуют немцев как трусов, способных только давать советы «*Bei Ratschlägen für andere allerdings taten wir uns weniger zurück*». Вводя имя собственное, фамилию канцлера Германии, говорящий в косвенной речи выражает табуированные речесмыслы, детерминированные межкультурно-обусловленным табу. Абстрактное существительное «*Fleiß*», характеризующее положительное качество немцев, что подчёркнуто прилагательным «*deutsch*», сочетается с наречием «*viel*» в сравнительной степени («*mehr*») и соотносится с существительным «*die Südländer*», которое обобщает всех жителей южных европейских стран, недостаточно усердно работающих, по мнению немецких политиков, а потому не способных самостоятельно выйти из финансового кризиса. Негативно-коннотированное существительное «*Anmaßung*» в сочетании с метафорой «*Pump*» применяется в вопросительном предложении, редуцирующем категоричность суждения. Но далее говорящий использует приём персонификации. Называя Германию, коммуникант употребляет прецедентное имя («*der listige Michael*» – известный литературный персонаж), но заменяет прилагательное. Эпитет «*lästig*» усилен в придаточном определительном предложении глаголом «*nerven*». Полисемантическая номинация «*Rest*» в словосочетании с существительным «*Welt*» контрастирует с лексемой «*Leistungsträger*». Союз «*falls*» в заключительном предложении ставит под сомнение способность немцев веселиться и довольствоваться жизнью. С помощью модального глагола «*können*», обозначающего физическую возможность, экспрессивного наречия «*überhaupt*», выражающего крайнюю степень чего-либо, существительного-этнонима во множественном числе «*die Deutschen*» и составного существительного в переносном значении «*Augenzwinkern*» говорящий передаёт другой негативный этностереотип о немцах как о людях, лишённых чувства юмора и умения довольствоваться достигнутым.

Целью «*сенсационализации*» («*Sensationalismus*» (Ganguin, Sander, 2006: 24)) является создание сенсации путём нарушения табуированного денотата. Для осуществления данного способа применяют алогизмы, параллельные конструкции, модальные глаголы в субъективном значении, прилагательные в превосходной и сравнительной степенях, риторические вопросы, перенос узкоспециальной лексики из одной терминосистемы в другую, фонетические и графич-

ческие средства, стилистические фигуры и тропы, смешение стилей и т.д. «Сенсационализация» предполагает использование ряда приёмов для эпатажа, усиления зрелищности, сексуального подтекста, преувеличения катастрофичности и абсурдности описываемого явления, криминализации ситуации.

Например, при анонсировании новостных событий, репортажей, телепередач и т.д.: «*Massaker auf dem Ufer*» («Кровавая бойня на берегу»), «*Brutale Gewalt. Die schlimmsten Ausschreitungen in Großbritannien seit Jahrzehnten....*» («Зверское насилие. Самые масштабные массовые беспорядки в Великобритании за последние десятилетия...»). В последнем высказывании применена негативно-коннотированная лексема «*Gewalt*», именующая табуированную акциональную сферу, в словосочетании с эпитетом «*brutal*», усиливающим отрицательную оценочность подлежащего. Высказывание интонационно парцеллировано говорящим, который использует конструкцию экспрессивного синтаксиса, прилагательное в превосходной степени и существительные в форме множественного числа для усиления катастрофичности описываемого события. Табуированные речесмыслы реализуются в рамках дискурсивной практики детабуирования.

Различные невербальные сигналы активно используют при коммуникативной обработке табуированных речесмыслов в рамках обеих дискурсивных практик. Как правило, они сопровождают вербальные способы коммуникативной обработки и помогают интерпретировать сказанное. Кроме того, многие невербальные знаки выполняют роль самостоятельных экспликаторов табуированных речесмыслов и реализуют невербальные способы коммуникативной обработки. Так, к невербальному способу детабуирования можно отнести грубый жест, демонстрирующий «средний палец» в ответ на грубость, критику, неуместную шутку.

Пример 88. Красный комиссар
(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=n-O73iT3tT4>)

В: *Я порубил зелень, как красный комиссар жителей украинской деревни...*

Высказывание известного российского телеведущего Ивана Урганта (В от рус. «ведущий») в эфире кулинарной телепередачи «Смак» вызвало неодобрительные отзывы и критику в адрес модератора и его гостя, актёра Александра Адабашьяна, который оценил комический эффект сравнения, использованного с целью чёрного юмора, и ответил, что *«стряхивает останки жителей с ножа»*. Функционирование табуированных речесмыслов обусловлено историческим контекстом. Циничная насмешка над насилием в период гражданской войны, убийством мирных крестьянских жителей нарушает межкультурно-обусловленное табу. Ответом на данное высказывание стала грубая реакция украинского телеведущего Сергея Притула (далее С.П.), который в качестве комментария на «Педан-Притула Шоу» показал средний палец, обратившись к коллеге.

Пример 89. Неприличный жест
(видео: http://www.youtube.com/watch?v=6Zry_3MQNYQ)

С.П.: *Вань... <далее следует неприличный жест>*

Применение способа детабуирования обусловлено здесь совокупностью прагматических факторов: контекстуального, культурно-национального и пространственно-временного (обострение российско-украинского кризиса).

Итак, способы коммуникативной обработки применяют для актуализации табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках масс-медиа, соотношение которых варьируется в разных типах институционального общения, опосредованных масс-медиа.

В качестве примера, демонстрирующего теоретические посылки нашего исследования, обратимся к фрагменту ток-шоу «Hart aber fair».

Пример 90. Das, bitte, nie auf...

(видео: http://www.youtube.com/watch?v=Eil_pKeORl4 7:03 – 8:20)

H.G.: Wo sind die... Bestellungen, Zettel?

M1: <sucht nach Bestellungen>

H.G.: Sie müssen eins wissen: das, was hier zwei Damen konstant nicht sehen, sehe ich, wenn ich reinkomme

M.1:<reicht die Zettel>

H.G.: Aber dann müssen Sie das... das... dran tun... sie sind außerdem nicht geordnet, das ist hier von... <sortiert die Zettel>. Hier müssen Sie es immer richtig ordnen und hier ein bisschen hochstellen. Können Sie das?

M. 2: <beginnt die Zettel zu sortieren>

H. G.: Und dann würde ich hier eine Tasse umdrehen, dass man sieht, dass sie im Prinzip... ah... zu verkaufen sind... <dreht die Souvenir-Tassen um>

H. G.: Das, bitte, nie auf... ah...<räumt ein Souvenir beiseite> so dass nicht sehr viel hier drin steht... So... Gut.

Анализируемый сюжет посвящён деловому визиту предпринимателя Вольфганга Группа (H.G. от нем. «Herr Grupp») в один из филиалов его фирмы. Бизнесмен посещает с целью проверки торговый зал. В целом Групп достаточно сдержанно общается с подчинёнными, однако его интонация, жесты и телодвижения выражают некоторую раздражённость. Недовольство работой сотрудниц (M. от нем «Mitarbeiterin»), намерение сделать замечание, указать на недостатки провоцируют наличие коммуникативных ограничений, которые маркированы в речи говорящего паузами хезитации. Мужчина часто употребляет модальный глагол «*müssen*» с семантикой долженствования. Коммуникант указывает на то, как должна выполняться работа, вероятно, подразумевая, что в данный момент она не осуществляется должным образом, но не вербализуя это прямо. Начальник называет сотрудниц «*zwei Damen*» и говорит о них в третьем лице, используя глагол «*sehen*» с отрицательной частицей «*nicht*» и эмоционально-оценочное

наречие «*konstant*», завуалированно намекая на их невнимательность. Наречием «*außerdem*» и глаголом в форме прошедшего времени с отрицательной частицей «*sie sind außerdem nicht geordnet*» начальник выражает замечание, которое сменяется конструкцией с однокоренным глаголом «*ordnen*» и модальным глаголом «*müssen*». В вопросительном предложении происходит смена модального глагола: «*Können Sie das?*». Говорящий смягчает категоричность высказываний, используя в следующей реплике сослагательное наклонение: «*dann würde ich hier eine Tasse umdrehen*». Однако поясняя, почему необходимо сделать так, мужчина применяет уже изъявительное наклонение, придаточное предложение цели с неопределённо-личной конструкцией «*dass man sieht, dass...*». Табуированные речесмыслы актуализируются здесь в рамках дискурсивной практики табуирования. Комментируя кадры, предприниматель далее замечает, что этот сюжет съёмочной группе удалось запечатлеть, «*потому что в этом магазине, возможно, немного чего-то не хватало*» («... *wo ich etwas pedantisch war, weil in diesem Geschäft... vielleicht... ein bisschen... einiges gefehlt hat, aber es ist ja nicht normal...*»). При этом последняя часть фразы произносится в ускоренном темпе. Паузы в высказывании, модальное слово с семантикой вероятности, неопределённое местоимение и наречие «*ein bisschen*», придающее неполноту действия глаголу «*fehlen*», словосочетание «*etwas pedantisch*» реализуют способ эвфемизации, передавая табуированные речесмыслы, обусловленные личностно-тезаурусным табу.

Данный фрагмент иллюстрирует специфику коммуникативной обработки в рамках делового дискурса, опосредованного масс-медиаально. Экспликация табуированных речесмыслов здесь подчинена правилам вежливости, этике делового общения. Участники взаимодействия, как правило, стремятся создать коммуникативный комфорт и выстроить доверительные партнёрские отношения, реализуя табуированные речесмыслы в рамках дискурсивной практики табуирования, преобладающей в данном типе общения.

Следующий пример представляет собой фрагмент масс-медиаального рекламного дискурса, в котором, как показало проведённое исследование, наиболее предпочтительна дискурсивная практика детабуирования, реализующаяся преимущественно с помощью «сенсационализации» и невербальных способов коммуникативной обработки.

В рекламном видеоролике торговой марки «Panasonic» используется тема секса с целью привлечения внимания к нейтральному то-

вару (плазменному телевизору). Девушка (F от нем. «Frau»), снимая с себя одежду, обращается с экрана телевизора к молодому человеку (M от нем. «Mann»). Следует диалог.

Пример 91. Sei my Big Boy!

(видео: <http://www.youtube.com/watch?v=kLcbfE6hXd4>)

F: *Ich will dich. Sei my Big Boy!*

M: *Oh... ich will dich auch!*

F: *Ich will dich ansehen. Zieh dich aus!*

M: *Ich will dich auch ansehen!*

F: *Oh, bitte, berühre mich eher!*

M: *Oh ja, ich komme!*

Затем мужчина ударяется о плазменную панель, звучит англоязычный слоган «*Ideas for life*». Форма повелительного наклонения глаголов, модальный глагол желания «*wollen*», междометия и восклицания, лексические повторы, анафоричные конструкции, англоязычное заимствование «*my Big Boy*», наречие «*eher*», глагол «*berühren*», ирония и невербальные сигналы (жесты, мимика, откровенные действия сексуального характера) применяются для усиления сексуального подтекста в рекламном сообщении и выражают табуированные речесмыслы в дискурсивной практике детабуирования.

Таким образом, в процессе институционального взаимодействия общающиеся преодолевают множество коммуникативных ограничений, выражая с помощью разнообразных языковых средств табуированные речесмыслы. Последние эксплицируются в рамках двух разнонаправленных дискурсивных практик: табуирования и детабуирования. Для их реализаций применяют определённые способы коммуникативной обработки, которые направлены на нарушение или сохранение табуированного денотата, детерминированы уровнем табуирования и видом табу, рядом прагматических факторов и типом институционального дискурса.

Список литературы

1. Аликаев Р.С. Стилистическая парадигма языка науки: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.04. Краснодар, 1999.
2. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Моск. общ. научн. фонд, 2000.
3. Баженова Е.А., Лапчева С.А. Оппозиция свой-чужой в политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 16–18.
4. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
5. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63 № 1. С. 33–43.
6. Барнет В. Проблемы изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь / под ред. О.А. Лаптевой. Т. 1. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. С. 80–132.
7. Белецкий С.Б., Куликова Л.В. Патернализм в институциональной коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2011.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
9. Блумфильд Л. Язык. М., 1968.
10. Болдырева А.А. Авторитетность в научной коммуникации // Аспекты языка и коммуникации. Вып. 4. Авторитетность и коммуникация: коллективная монография. Воронеж: ВГУ, Изд. дом Алейниковых, 2008. С. 88–97.
11. Болдырева А.А., Кашкин В.Б. Категория авторитетности в научном дискурсе // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 1. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 58–70.
12. Болотнова Н.С. Эвфемизация в современном употреблении и языковая компетентность личности // Языковая компетенция: грамматика и словарь. Новосибирск, 1998. С. 19–23
13. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 10.

14. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 4–13.
15. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2008.
16. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о чужом // Логос. М., 1995. № 6. С. 77–94.
17. Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю). 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004.
18. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 345–346.
19. Верещагин Е.М., Ратмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности»: Ещё одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецко-контрастивный подход // Вопросы языкознания. № 6. 1992. С. 82–94.
20. Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология: материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М., 1967. С. 267–285.
21. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
22. ван Дейк Т.А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
23. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3. С.32–43.
24. Детинко Ю.И. Дискурсивное конструирование чужеродности в современной британской политической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Красноярск, 2013.
25. Дискуссионные практики // Социологический словарь. URL: <http://slovaru-online.ru/word/социологический-словарь/дискурсивные-практики.htm>
26. Зарецкая Е.Н. Деловое общение. М., 2002.
27. Захарова Е.П. Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики: межвуз. сб. научн. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. С. 87–94.
28. Землянский Ф.М., Никонов А.И. Картина мира в процессе становления индивидуально-личностного мировоззрения // Вестник ЮУрГУ: Социально-гуманитарные науки. Челябинск, 2010. Вып. 14. №8 (184). С. 121–123.

29. Йетик З., Кох К. Турки и немцы в зеркале стереотипов // DW-WORLD. 2004. URL: <http://www.dw.de/турки-и-немцы-в-зеркале-стереотипов/a-1430401>.

30. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

31. Иссерс О.С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени: монография. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2012.

32. Казула, Ф.П. Теория дискурса и дискурс-анализ: как идеи и символы формируют политику // Политическая наука: сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2009. С. 59–78.

33. Карасик В.И. Эмблематика современной массовой культуры: образ врага // Бытие в языке: сб. научн. трудов к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 239–257.

34. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.

35. Кацев А.М. Табу и эвфемия. Л., 1986.

36. Кашкин В.Б. Авторитетность как коммуникативная категория // Аспекты языка и коммуникации. Вып. 4. Авторитетность и коммуникация: коллективная монография. Воронеж: ВГУ, Изд. дом Алейниковых, 2008. С. 7–23.

37. Кашкин В.Б. Авторитетность как коммуникативная категория // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 5. С. 12–18.

38. Кашкин В.Б., Смоленцева Е.М. Этностереотипы и табуированные темы в межкультурной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 246–252.

39. Кирилина А.В., Маслова Л.Н. Гендерные аспекты авторитетности / Аспекты языка и коммуникации. Вып. 4. Авторитетность и коммуникация: коллективная монография. Воронеж: ВГУ, Изд. дом Алейниковых, 2008.

40. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007.

41. Колосов С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2004.

42. Копылова Н.В. Взаимодействие говорящих в беседе: переход от стратегий к технологиям // Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография / под ред. С.Н. Плотниковой. Иркутск: ИГЛУ, 2011.

43. Кострова О.А. Дискурсивные табу в межкультурной научной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. трудов. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 252–262.
44. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
45. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русское слово своё и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 262–286.
46. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. М.: Знак, 2012.
47. Кужим Г.Г. Универсальный лингвистический закон триады. Мелиорация и детериорация в современном английском и русском языках. Явление эвфемии в свете закона триады: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2003.
48. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография. М.: Флинта: Наука, 2009.
49. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004.
50. Лаптева О.А. Темы, ситуации, жанры УНР // Современная русская устная научная речь / под ред. О.А. Лаптевой. Т. 4. Тексты. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 8–19.
51. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания: сб. статей, посвящённый 75-летию акад. И.И. Мещанинова. Л.: ЛГУ, 1961. Вып. 60. № 301. С. 110–124.
52. Леонтович О.А. Метод дискурс-анализа и сферы его применения // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. С. 50–67.
53. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005.
54. Лещёв С.В. Коммуникативное, следовательно, коммуникационное. М.: УРСС, 2002.
55. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Ученые записки. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1982. Вып. 576. С. 110–121.
56. Макаров М.Л. Лингвистическая антропология: очерк направления // Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века: междунар. юбил. сб. науч. трудов. Красноярск: Красноярский гос. пед ун-т им. В.П. Астафьева, 2007. С. 218–232.

57. Макаров М.Л. Основы теории дискурса: монография. М.: Гнозис, 2003.

58. Маклюен Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека: пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН – пресс – Ц, Кучково поле, 2003.

59. Малый толковый словарь русского языка. М.: Рус яз., 1993.

60. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества: пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина. М.: Аст, 2003.

61. Матьяш О.И. Процесс человеческой коммуникации // Межличностная коммуникация: теория и жизнь / под науч. ред. О.И. Матьяш. СПб: Речь, 2011. С. 15–86.

62. Меликова Э.А. Современные проявления эвфемизации и табуирования // сб. науч. трудов Северо-Кавказ. гос. техн. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Ставрополь, 2005. № 1. С. 159–160.

63. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. 4-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2010.

64. Новый словарь иностранных слов. Мн.: Современный литератор, 2005.

65. Нымм Е.Ю. Этностереотипы русских и эстонцев в анекдотах // Псковский региональный журнал. Социология. Псков, 2006. № 3. С. 180–185.

66. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011.

67. Олешков М.Ю. Коммуникативная ситуация как дискретная единица институционального дискурса // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч. / отв. соред. В.В. Колесов, М. Влад. Пименова, В.И. Теркулов. 2-е изд., испр. Ч. 2. Киев: Изд. дом Д. Бураго, 2013. С. 155–161.

68. Олешков М.Ю. Речевое пространство социума как система дискурсивных практик // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 9 / под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. С. 38–46.

69. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007.

70. Осипова Т.Н. Особенности патернализма в условиях трансформации социально-экономической системы: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Челябинск, 2006.

71. Плотникова С.Н. «Дискурсивное оружие»: роль технологий политического дискурса в борьбе за власть // Вестник ИГЛУ. 2008. № 2. С. 138–144.

72. Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи // Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография / под ред. С.Н. Плотниковой. Иркутск: ИГЛУ, 2011. С. 6–43.

73. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учеб. пособие. М.: Наука, 1995.

74. Ратмайр Р. Диалогические тактики интервьюера в беседах при приеме на работу // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. Логический анализ языка / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2010. С. 355–370.

75. Рутер О.А. Табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой (лингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов н/Д, 2007.

76. Рябцева Н.К. Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 12 – 28.

77. Садыкова И.А. Этнокультурные традиции в речевом поведении личности (на материале этноречевых запретов) // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых: сб. науч. трудов. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. С. 67–73.

78. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс. М.: Высш. школа, 2006.

79. Смирнова Д.С. Дискурсивное конструирование опыта межкультурной коммуникации в биографическом нарративе: на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2011.

80. Уфимцева Н.В. Русские – свои или чужие: взгляд европейцев // Бытие в языке: сб. научн. трудов к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 234–238.

81. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2002.

82. Фрезер Дж. Разновидности табу // Золотая ветвь. М., 1983. С. 188–250.

83. Ходгсон С. Блестящие ответы на трудные вопросы при приеме на работу. М., 2006.

84. Цурикова Л.В., Гришаева Л.И. Культурные табу и их влияние на результат коммуникации // Вестник ВГУ. Сер.: Гуманитарные науки. Воронеж, 2005. № 2. С. 282–298.

85. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

86. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000.

87. Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе // Коммуникация в изменяющемся мире: материалы VI Международной конференции РКА (Красноярск, 27 – 29 сентября 2012 г.) / сост. Ю.А. Говорухина. – Электрон. дан. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – 1 диск. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows 98/XP/7; Adobe Reader V8.0 и выше. Загл. с экрана. С. 145–146.

88. Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности // Аспекты языка и коммуникации. Вып. 4. Авторитетность и коммуникация: коллективная монография. Воронеж: ВГУ, Изд. дом Алейниковых, 2008. С.184–194.

89. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

90. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004.

91. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре: пер. с итал. и примечания А. Миролюбовой. СПб.: Александрия, 2007.

92. van Aaken A. Begrenzte Rationalität und Paternalismusgefahr: Das Prinzip des schonendsten Paternalismus // Paternalismus und Recht / hrsg. von M. Anderheiden, P. Bürkli, H.M. Heinig, S. Kirste, K. Seelmann. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006.

93. Balle C. Tabus in der Sprache. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1990.

94. Birkner K. Bewerbungsgespräche mit Ost- und Westdeutschen: Eine kommunikative Gattung in Zeiten gesellschaftlichen Wandel. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001.

95. Birkner K. Subjektive Krankheitstheorien im Gespräch // Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion, 2006. Nr. 7. S. 152–183.

96. Bootzin R.R. et al. Psychology today: An introduction. 7-th edition. New York: McGraw-Hill, Inc., 1991.

97. Bölling K. Tabus in diesem Land // Zwanzig Jahre danach. Eine deutsche Bilanz 1945–1965. 38 Beiträge deutscher Wissenschaftler, Schriftsteller und Publizisten. Wien, Basel: Helmut Hammerschmidt, 1965. S. 374–389.
98. Browne R. B. Forbidden Fruits. Taboos and Tabooism in Culture. Ohio, 1984.
99. Byrne P., Long B. Doctors talking to patients: A study of the verbal behaviour of general practitioners consulting in their surgeries. London: HMSO, 1976.
100. Chilton P. Analysing political discourse: Theory and practice. London: Routledge, 2004.
101. Chilton P., Schäffner C. Introduction: Themes and principles in the analysis of political discourse // Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse / ed. by P. Chilton, C. Schäffner. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2002. P. 1–41.
102. Dahrendorf R. Politik im Garten der Tabus // Magnum: Zeitschrift für das moderne Leben. Köln: DuMont Verlag, 1961. Nr. 36. S. 58–73.
103. van Dijk T. A. Introduction: Discourse and Domination // Discourse and Power / ed. by T.A. van Dijk. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 1–26.
104. Dworkin G. Paternalism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2005/entries/paternalism>.
105. Edelman M. Politics as symbolic action: Mass arousal and quiescence. New York: Academic Press, Inc., 1971.
106. Eggert H., Golec J. Tabu und Tabubruch. Literarische und sprachliche Strategien im 20. Jahrhundert. Stuttgart, Weimer: Metzler Verlag, 2002.
107. Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
108. Elwyn G., Edwards A., Kinnersley P. Shared decision-making in primary care: The neglected second half of the consultation // British Journal of General Practice, 1999. 49. P. 477–482.
109. Emanuel E.J., Emanuel L.L. Four Models of the Physician-Patient Relationship // JAMA; Research Library, 1992. P. 2221–2226.
110. Ende J., Kazis L., Ash A., Moskowitz M. Measuring patient's desire for autonomy // J Gen Intern Med, 1989. 4 (1). P. 23–30.
111. Fairclough N., Technologisation of discourse // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. N.Y.: Routledge, 1996. P. 143–159.

112. Fairclough N. *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London and New York: Routledge, 2003.
113. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis and the Marketization of Public Discourse: The Universities // Discourse & Society*, 1993. № 4. P. 133–168.
114. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press, 1992.
115. Fairclough N. *Language and power*. 2-nd edition. Essex: Pearson Education Ltd, 2001.
116. Fairclough N. *Media Discourse*. L.: Edward Arnold, 1995.
117. Fairclough N. *Political discourse in the media: An analytical framework // Approaches to Media Discourse / ed. by A. Bell and P. Garrett*. O.: Blackwell, 1998. P. 142–162.
118. Fairclough N., Wodak R. *Critical discourse analysis // Discourse as a social interaction. Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 2 / ed. by T.A. van Dijk*. London: SAGE Publications, 2004. P. 258–284.
119. Foucault M. *Strategies of power // The Fontana postmodernism reader / ed. by W.T. Anderson* Glasgow, 1996.
120. Freud S. *Totem und Tabu*. Hamburg, 1956.
121. Galasin'ska A., Galasin'ski D. *Discursive strategies for coping with sensitive topics of the Other // Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2003. № 29: 5. P. 849–863.
122. Ganguin S., Sander U. *Sensation, Skurrilität und Tabus in den Medien*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. 1. Auflage.
123. Goffman E. *Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. N.Y.: Anchor Books. Doubleday & Company, 1967.
124. Gudykunst W.B. *Bridging differences: effective intergroup communication*. 3-rd edition. London: Sage publications Ltd, 1998.
125. Kaltebrunner G.-K. *Der innere Zensor*. München, 1978.
126. Keller R. *Worttabu und Tabuwörter // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 1987. (60). S. 2–9.
127. Kiesendahl J. *Status und Kommunikation. Ein Vergleich von Sprechhandlungen in universitären E-Mails und Sprechstundengesprächen*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011.
128. Koerfer, A. *Training und Prüfung kommunikativer Kompetenz. Aus- und Fortbildungskonzepte zur ärztlichen Gesprächsführung // Gesprächsforschung*, 2008. 9. S. 34–78.

130. Konzett C. Any Questions? Identity Construction in Academic Conference Discussions // Trends in Applied Linguistics 14 / ed. by U. Jessner, C. Kramsch. Berlin: De Gruyter Mouton, 2012.

131. Kotthoff H. Vortragsstile im Kulturvergleich: Zu einigen deutsch-russischen Unterschiede // Reihe Germanistische Linguistik Band 226: Perspektiven auf Stil. XII / hrsg. von E.M. Jakobs, A. Rothkegel. Tübingen: Niemeyer, 2001.

132. Kulikova L.V. Technologisation of Discourse Practices: Globality versus Cultural Specificity // Журнал Сибирского федерального университета. № 5 (12) 2012. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета. С.1753–1761.

133. Kuße H. Kulturwissenschaftliche Linguistik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012.

134. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and social strategy: Towards a radical democratic politics. 2-nd edition. London: Verso, 2001.

135. Leisi I. Sprach-Knigge oder Wie und Was soll ich reden? D: Zenodot Verlagsgesellschaft, 2011.

136. Maaz H.-J. Der Gefühlsstau. Ein Psychogramm der DDR. Berlin: Argon, 1990.

137. McLuhan M. Understanding Media: The Extension of Man. London: Sphere Books, 1967.

138. Musolff A. Sind Tabus tabu? Zur Verwendung des Wortes Tabu im öffentlichen Sprachgebrauch // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht, 1987. (60). S. 10–18.

139. Owens D., Neale M. A. Der Mythos vom egalitären Medium: E-Mail und Status // Vermittlungskulturen im Wandel. Brief, E-Mail, SMS / hrsg. von J.R. Höflich, J. Gebhardt. Frankfurt/Main et al., 2003. S.173–198.

140. Quill T., Brody H. Physician recommendations and patient autonomy: finding a balance between physician power and patient choice // Ann Intern Med, 1996. 125. P. 763–769.

141. Rada R. Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen. Budapest: Verlag Akademiai Kiado, 2001.

142. Riggins S.H. The research of othering // The language and politics of exclusion: others in discourse / ed. by S.H. Riggins. London: Sage Publications Ltd, 1997. P. 1–30.

143. Roter D., Hall, J. Doctors talking with patients, patients talking with doctors. Dover MA: Auburn House, 1992.

144. Sanz Álva I. El Español profesional y académico en el aula universitaria. El discurso oral y escrito. Valencia: Tirant lo Blanch, 2007.

145. Schäffner C. Editorial: Political speeches and discourse analysis // *Current Issues in Language and Society*. London: Routledge, 1996. Vol. 3, No 3. P. 201–204.
146. Schegloff E.A. *Sequence Organization in Interaction: A Primary in Conversational Analysis*. Cambridge, New York, Melbourne, Cape Town, Singapore, São Paulo: Cambridge University Press, 2007.
147. Schröder H. Tabuforschung als Aufgabe interkultureller Germanistik // *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache*, 1995. (21). S. 15–35.
148. Seibel K. *Zum Begriff des Tabus. Eine soziologische Perspektive*. Frankfurt am Main: J.W. v. Göthe-Universität, 1990.
149. Selting M. *Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem* // *LB*, № 173, 1998. S. 91–122.
150. Staehle W.H. *Management. Eine verhaltenswissenschaftliche Perspektive*. München, 1999.
151. Strull W., Lo B., Charles G. Do patients wish to participate in medical decision making? // *JAMA*, 1984. P. 2990–2994.
152. Sumner W. *Folkways. A study of the sociological importance of usages, Manners, customs, mores, and morals*. 2008. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/24253/pg24253.txt>.
153. Trad A.R. *Tabuthemen in der interkulturellen Kommunikation: ein Beitrag zur Landeskundendidaktik im DaF-Studium*. Frankfurt am Main: Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2001.
154. Wadsworth M., Robinson D. *Studies in everyday medical life*. London: M. Robertson, 1976.
155. Wilson J. *Political Discourse* // *The handbook of discourse analysis* / ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2003. P. 398–415.
156. Wingen K. Die 10 Tabus // *Psychologie Heute*. Julius-Beltz-Gesellschaft, 1987. 14 H (1). S. 12–13.
157. Wodak R. 1968: The power of political jargon – a “Club-2” discussion // *Language, power, and ideology : studies in political discourse* / ed. by R. Wodak. Amsterdam: John Benjamins B.V., 1989. P. 137–163.
158. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. *The discursive construction of national identity*. 2-nd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2009.
159. Zöllner N. *Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen*. Frankfurt am Main: Lang, 1997.
160. Zude H.U. *Paternalismus. Fallstudien zur Genese des Begriffs*. Freiburg: Alber, K, 2006.

Список примеров с интерактивными ссылками (и их QR-кодом) на источники

Пример 1. Frohes Osterfest! (текст: электронное письмо из личного архива автора)	
Пример 2. Out of Office (текст: электронное письмо из личного архива автора)	
Пример 3. Edarling (сайт для России) (текст: http://www.edarling.ru/)	
Пример 4. Edarling (сайты для Австрии и Германии) (текст: http://www.edarling.de/)	
Пример 5. К какой группе Вы себя относите? (сайты для России) (текст: http://www.edarling.ru/)	
Пример 6. К какой группе Вы себя относите? (сайт для Австрии и Германии) (текст: http://www.edarling.de/)	

<p>Пример 7. Защита частных данных (текст: https://www.elitepartner.de/)</p>	
<p>Пример 8. Установка сотруднику банка (текст: из личного архива автора)</p>	
<p>Пример 9. Имиджевая политика банка (текст: из материалов банка)</p>	
<p>Пример 10. Рекомендации по проведению деловых переговоров (текст: из личного архива автора)</p>	
<p>Пример 11. Персональные качества сотрудников банка (текст: из материалов банка)</p>	
<p>Пример 12. Подбор персонала (текст: http://www.eqpersonal.ru/index.php/texts/texts2/2011-04-14-14-18-24/432-7-.html)</p>	
<p>Пример 13. Поведение интервьюера (текст: http://www.eqpersonal.ru/index.php/texts/texts2/2011-04-14-14-18-24/432-7-.html)</p>	
<p>Пример 14. Подбор кандидатов (текст: http://www.tafep.sg/assets/Files/documents/Resources%20-%20Fair%20Recruitment%20&%20Selection%20Handbook%20(English).pdf)</p>	
<p>Пример 15. Задавайте подготовленные вопросы (текст: http://www.tafep.sg/assets/Files/documents/Resources%20-%20Fair%20Recruitment%20&%20Selection%20Handbook%20(English).pdf, p. 37)</p>	

<p>Пример 16. Обучение интервьюеров (текст: http://www.tafep.sg/assets/Files/documents/Resources%20-%20Fair%20Recruitment%20&%20Selection%20Handbook%20(English).pdf, p. 38)</p>	
<p>Пример 17. Навык высокого уровня (текст: http://eqpersonal.ru/index.php?Itemid=162&catid=85:2011-04-14-13-48-17&id=432:7----&option=com_content&view=article)</p>	
<p>Пример 18. Приемлемые и неприемлемые вопросы в собеседовании (текст: http://www.dfeh.ca.gov/res/docs/Publications/DFEH-161.pdf, p. 2-3)</p>	
<p>Пример 19. Закон о комендантском часе (текст: http://vk.com/topic-63575_20115131)</p>	
<p>Пример 20. Also PSYchosomatisch (транскрипт: http://www.gespraechsforschung-ozs.de/fileadmin/dateien/heft2006/ga-birkner.pdf, S. 154)</p>	
<p>Пример 21. Meinen sie gar nicht? (транскрипт: http://www.gespraechsforschung-ozs.de/fileadmin/dateien/heft2008/ag-koerfer.pdf, S. 43)</p>	

Пример 22. Schreiben=se lieber nich rEin (аудио: из личного архива автора)	
Пример 23. WErtpapier (аудио: http://ifiyak.sfu-kras.ru/science)	
Пример 24. Транскультурная презентация (аудио: из личного архива автора)	
Пример 25. Plan director (видео: http://www.youtube.com/watch?v=WaV7slWm6jE&feature=channel&list=UL , 9:25 – 9:23)	
Пример 26. Три уровня знания (видео: http://www.youtube.com/watch?v=PekAJNZFhcA , 33:25 - 33:47)	
Пример 27. Академик Шмальгаузен (видео: http://tube.sfu-kras.ru/video/1612 , 45:08 – 45:25)	
Пример 28. Артур Ребер (видео: http://www.youtube.com/watch?v=PekAJNZFhcA , 2:40 – 3:04)	
Пример 29. Культура эпифеноменальна (аудио: из личного архива автора)	
Пример 30. Disminuir la conciencia del paciente (видео: http://www.youtube.com/watch?v=pz4pJJ4tMjs&feature=relmfu , 11:07 – 11:20)	

<p>Пример 31. Десятиметровый слой воды в реке (видео: http://tube.sfu-kras.ru/video/238?playlist=222, 05:35 – 05:59)</p>	
<p>Пример 32. Camas de cuidados paliativos (видео: http://www.youtube.com/watch?v=pz4pJJ4tMjs&feature=relmfu, 20:51–21:05)</p>	
<p>Пример 33. The cognitive science of religion (аудио: из личного архива автора)</p>	
<p>Пример 34. One degree removed (http://www.youtube.com/watch?v=bGFHN9nSZVg, 32:17 - 32:37)</p>	
<p>Пример 35. La ley nos dice (видео: http://www.youtube.com/watch?v=WaV7slWm6jE&feature=channel&list=UL, 6:43 – 6:57)</p>	
<p>Пример 36. О чем вообще можно разговаривать (видео: http://tube.sfu-kras.ru/video/533, 11: 20 – 1:51)</p>	

<p>Пример 37. Самая цитируемая наша работа (видео: http://tube.sfu-kras.ru/video/1612, 77:47 – 78:08)</p>	
<p>Пример 38. El éxito fue impresionante (видео: http://www.youtube.com/watch?v=V-hO2bUOBp8&feature=channel&list=UL, 2:56 – 3:12)</p>	
<p>Пример 39. Только первые результаты (видео: http://tube.sfu-kras.ru/video/1572#0, 09:05 – 09:14)</p>	
<p>Пример 40. Дуракаваляние (видео: http://www.youtube.com/watch?v=PekAJNZFhcA, 51:52 – 52:32)</p>	
<p>Пример 41. El porcentaje de mortalidad de ser humano (видео: http://www.youtube.com/watch?v=pz4pJJ4tMjs&feature=relmfu, 24:42 – 24:57)</p>	
<p>Пример 42. А women где? (видео: http://tube.sfu-kras.ru/video/1612, 42:37 – 43:03)</p>	

<p>Пример 43. Dieciocho años dedicados a cirugía (видео: http://www.youtube.com/watch?v=pz4pJJ4tMjs&feature=relmfu, 15:47-15:53)</p>	
<p>Пример 44. Это стало мне интересно после (0) года работы (аудио: из личного архива автора)</p>	
<p>Пример 45. Американская база данных (видео: http://tube.sfu-kras.ru/video/238?playlist=222, 04:50 – 05:08)</p>	
<p>Пример 46. Итересная концепция (видео: http://tube.sfu-kras.ru/video/702?playlist=701#0, 06:23 – 06:56)</p>	
<p>Пример 47. Conceptos que no tienen absoLUtamente ningún valor ético (видео: http://www.youtube.com/watch?v=pz4pJJ4tMjs&feature=relmfu, 09:03 – 09:20)</p>	
<p>Пример 48. Приобрести моральное право (видео: http://tube.sfu-kras.ru/video/1612, 28:28 – 29:41)</p>	

<p>Пример 49. Так ли это? (видео: http://www.youtube.com/watch?v=PekAJNZFhcA, 31:37 – 32:47)</p>	
<p>Пример 50. Это было бы очень интересной изюминкой в вашей диссертации (аудио: из личного архива автора)</p>	
<p>Пример 51. Ничего подобного не было (видео: http://tube.sfu-kras.ru/video/1229, 27:00 – 28:08)</p>	
<p>Пример 52. Extract from David Miliband's speech to Labour Party Conference (видео: http://www.youtube.com/watch?v=y9BxPzwoSpc)</p>	
<p>Пример 53. Gordon Brown: Leader's conference speech (текст: http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=181)</p>	
<p>Пример 54. Eric Pickles: Mr Brown, your time is up (текст: http://www.totalpolitics.com/speeches/conservative/conservative-party-conference-general-speeches/35203/pickles-mr-brown-your-time-is-up.shtml)</p>	

<p>Пример 55. Ken Clarke: Labour's economic incompetence (текст: http://www.totalpolitics.com/speeches/economics/economic-policy/35218/ken-clarke-labours-economic-incompetence.shtml)</p>	
<p>Пример 56. David Cameron: Fixing broken politics (текст: http://www.telegraph.co.uk/news/newstoppers/mps-expenses/5387077/MPs-expenses-David-Cameron-pledges-to-give-disgusted-public-more-power.html)</p>	
<p>Пример 53. Gordon Brown: Leader's conference speech (текст: http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=181)</p>	
<p>Пример 58. Peter Mandelson issues "State of the Race" memo to supporters (текст: http://www2.labour.org.uk/peter-mandelson-issues-state-of-the-race-memo-to-supporters,2010-04-04)</p>	
<p>Пример 59. Eric Pickles: Trust us with your vote (текст: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2007/09/Eric_Pickles_Trust_the_people_and_they_will_trust_you.aspx)</p>	
<p>Пример 60. David Cameron: Join us help bring the change Britain needs (текст: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/David_Cameron_Join_us_help_bring_the_change_Britain_needs.aspx)</p>	

<p>Пример 61. Eric Pickles: Making a real change for the communities we represent (текст: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2008/02/Eric_Pickles_Making_a_real_change_for_the_communities_we_represent.aspx)</p>	
<p>Пример 62. Danny Alexander gives speech to Spring Conference (текст: http://henleylibdems.org.uk/en/article/2010/080652/danny-alexander-gives-speech-to-spring-conference)</p>	
<p>Пример 63. Chris Huhne: Tory immigration policy worst of both worlds (текст: http://www.theguardian.com/politics/blog/2010/mar/16/liberaldemocrats-immigration)</p>	
<p>Пример 64. Liam Fox Labour's treatment of the Territorial Army is unforgivable (текст: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2009/10/Liam_Fox_Labours_treatment_of_the_Territorial_Army_is_unforgivable.aspx)</p>	
<p>Пример 65. Nick Clegg: Second prime ministerial debate (текст: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/23_04_10_seconddebate.pdf)</p>	
<p>Пример 66. Timothy Kirkhope: The Transatlantic Alliance is more relevant than ever (текст: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/Timothy_Kirkhope_-_The_Transatlantic_Alliance_is_more_relevant_than_ever.aspx)</p>	

<p>Пример 67. William Hague: Hague discusses Afghan mission with Clinton in US (текст: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/8681865.stm)</p>	
<p>Пример 68. Simon Tisdall: Russia may regret Kyrgyzstan coup (текст: http://www.theguardian.com/commentisfree/2010/apr/21/russia-kyrgyzstan-coup-regret)</p>	
<p>Пример 69. Max Bergmann et al.: New start to rein in Iran's ambitions (текст: http://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2010/apr/08/nuclear-weapons-russia)</p>	
<p>Пример 70. Gordon Brown: Afghanistan and Pakistan (текст: http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmhansrd/cm091130/debtext/91130-0004.htm#09113012000001)</p>	
<p>Пример 71. Gordon Brown: Second prime ministerial debate (текст: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/23_04_10_seconddebate.pdf)</p>	
<p>Пример 72. Julian Borger: British companies and envoys feel Russian backlash (текст: http://www.theguardian.com/politics/2007/jul/17/uk.business)</p>	

<p>Пример 73. Patric Wintour: G8 summit : UK offers Egypt and Tunisia £110 m. to boost democracy (текст: http://www.theguardian.com/world/2011/may/26/g8-summit-egypt-tunisia-democracy)</p>	
<p>Пример 74. Eine private Geschichte (видео: http://www.youtube.com/watch?v=4Ee2TPqbBmI9:20-9:54)</p>	
<p>Пример 75. Falsches Argument (видео: http://www.veoh.com/watch/v206986792Wd7RkSp?h1=Das+Experiment+30+Tage+Moslem)</p>	
<p>Пример 76. Im Kriegsfall (видео: из личного архива автора)</p>	
<p>Пример 77. Точка отсчета (текст: http://www.rusrep.ru/2009/32/skoraya)</p>	
<p>Пример 78. Französin (видео: http://www.youtube.com/watch?v=4Ee2TPqbBmI 1:48 – 2:08)</p>	

<p>Пример 79. Bezahlte Vorträge (видео: http://www.youtube.com/watch?v=TmagPfJ_Amo)</p>	
<p>Пример 80. Stein im Brett (видео: из личного архива автора)</p>	
<p>Пример 81. Menschen – das Abenteuer (видео: из личного архива автора)</p>	
<p>Пример 82. Frutti (видео: http://www.youtube.com/watch?v=4Ee2TPqbBmI 9:50 – 10:35)</p>	
<p>Пример 83. Встреча в Нормандии (видео: http://www.1tv.ru/news/polit/260522)</p>	
<p>Пример 84. Yakuza (видео: http://www.youtube.com/watch?v=scThlilmdSI)</p>	
<p>Пример 85. Geschlossene Gesellschaft (видео: из личного архива автора)</p>	
<p>Пример 86. We are made in Germany (видео: http://www.youtube.com/watch?v=4Ee2TPqbBmI 4:26 – 5:34)</p>	

<p>Пример 87. Der lästige Michael (видео: http://www.youtube.com/watch?v=4Ee2TPqbBmI 0:14 – 1:12)</p>	
<p>Пример 88. Красный комиссар (видео: http://www.youtube.com/watch?v=n-O73iT3tT4)</p>	
<p>Пример 89. Неприличный жест (видео: http://www.youtube.com/watch?v=6Zry_3MQNYQ)</p>	
<p>Пример 90. Das, bitte, nie auf... (видео: http://www.youtube.com/watch?v=Eil_pKeORl4 7:03 – 8:20)</p>	
<p>Пример 91. Sei my Big Boy! (видео: http://www.youtube.com/watch?v=kLcbfE6hXd4)154</p>	

НОТАЦИОННЫЕ ЗНАКИ

Раздел 2

Транскрипты набраны моноширинным шрифтом Courier, позволяющим точно отображать наложения реплик.

Сегментная структура

wort [wort]	наложение реплик
[wort]	
=	отсутствие паузы между репликами

Ударение

amZENT	главное
akzEnt	второстепенное

Движение тона

?	высоковосходящий
,	средневосходящий
-	без изменений
;	среднепадающий
.	глубокопадающий

Прочие знаки

A:	говорящий
((lacht))	пара- и внеязыковые явления и события
<<hustend> >	пара- и внеязыковые явления
<<erstaunt> >	комментарий
()	фрагмент речи неясен
(wort)	предполагаемое слово
((...))	часть транскрипта опущена
→	указание на фрагмент, разбираемый в тексте

Разделы 3, 4, 5

В транскрипте использована традиционная орфография, начало фразы не маркируется прописной буквой. Знаки препинания, не сопровождаемые просодическими изменениями, опускаются. Иноязычные слова и выражения переданы в традиционной орфографии. Сокращения отражены в виде слога, например: *pH* – «*peha*». Все имена и фамилии в транскриптах изменены.

Д:	Знаки идентификации говорящего: знак «Д:» является сокращением слова «докладчик», «У:» – «участник дискуссии».
У:	
<u>да</u>	Наложение высказываний обозначается подчеркиванием одновременно произносимых фрагментов.
(2)	Цифры в скобках обозначают продолжительность паузы в секундах, паузы продолжительностью менее одной секунды обозначаются цифрой «0».
(...)	Данное обозначение используется в случае невозможности расшифровать фрагмент звучащей речи.
(если)	В скобки заключается предполагаемое слово или высказывание, если нет возможности распознать его однозначно.
<шум>	Экстралингвистические комментарии.
(кашель)	Параязыковые явления.
всегДА	Просодическое выделение обозначается путем написания прописными буквами выделяемого слога.
и:	Двоеточие обозначает удлинение (растягивание) звука.
/	Косая черта маркирует обрыв слова.
?	Высоко восходящая интонация.
,	Восходящая интонация.
;	Нисходящая интонация.
.	Глубоко нисходящая интонация.
э, ага	Знаки хезитации, вокализованные паузы, знаки приема.

Научное издание

Дискурсивные практики
современной институциональной
коммуникации

Научный редактор
Куликова Людмила Викторовна

Редактор О.Ф.Александрова
Компьютерная верстка И.В. Гревцовой
Генерация QR-кодов: Г. И. Парфенова

Подписано в печать 19.03.2015. Печать плоская
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,36
Тираж 500 экз. Заказ № 0017

Издательский центр
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел./факс (391) 206-21-49, e-mail: rio.bik@mail.ru

Отпечатано Полиграфическим центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел./факс (391) 206-26-49, тел. (391) 206-26-67
E-mail: print_sfu@mail.ru; <http://bik.sfu-kras.ru>